

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

3

1989

Об уникальном сибирском заповеднике «Столбы» в краевой и центральной печати опубликовано немало правды и вымысла. Проблема давняя, но особенно она обострилась в последние годы. Судите сами: в 1986 г. «Столбам» было посвящено 16 публикаций, в 1987—22, а за пять последних месяцев 1988 г. — около 20 проблемных заметок и статей.

Чем же так привлек внимание прессы небольшой участок заповедной территории с уникальными, неповторимыми по красоте скалами причудливой формы и живописной саянской тайгой? Для красноярцев «Столбы» — это словно частица души, радость общения с природой, гордость, эмблема города. Давнее всеобщее увлечение красноярцев вылилось в народную спортивную традицию — столбизм, уходящую корнями в историко-революционное прошлое города, которая дала стране целые поколения замечательных скалолазов, альпинистов, спелеологов. Независимо от сезона года на столбах всегдалюдно. Начинающие спортсмены отрабатывают здесь навыки спортивного скалолазания, ветераны — совершенствуют свое мастерство.

Тысячи туристов и гостей города со

всех концов нашей многонациональной державы привлекает ежегодно это сибирское чудо природы. А у подножия скал их ждет еще одна достопримечательность — живой уголок, сыгравший немалую роль в экологическом воспитании не одного поколения юных красноярцев. Только в 1986 г. заповедник посетило 402 тыс. человек.

Как же так, в заповеднике — эталоне природы, где практически недопустимо присутствие посторонних лиц, и вдруг такое паломничество? Совместимо ли это? А не отразится ли все это катастрофическими изменениями в природном комплексе?

Конечно, несовместимо. Последствия рекреации есть, и уже ощутимые. Достаточно вспомнить обнаженные корни деревьев на голой, лишенной растительности земле, усыхающие вершины сосен, обшарпанные, оголенные от растительности скалы и потому разрушаемые дождями и солнцем, консервные банки, битое стекло, обрывки полиэтилена, гниющие пищевые остатки, зловонные туалеты и переполненные мусорные баки вдоль дорог, предостерегающие таблички санэпидемстанции о загрязненности воды.

ТУМАН НАД „СТОЛБАМИ“

Как же быть? Ведь запретить людям ходить на «Столбы» невозможно. Совместным решением крайисполкома и коллегии Главохоты с 1983 г. на территории заповедника выделен туристско-экскурсионный район (ТЭР) площадью 1,4 тыс. га с наиболее интересными для посетителей скалами Центральных столбов и Такмаковского района, разработано положение и утверждены правила посещения ТЭР. И хотя это решение юридической силы, конечно, не имело, поскольку не утверждалось Советом Министров РСФСР, оно внесло определенную упорядоченность в посещение заповедника, являясь компромиссом, оправдывающим пребывание на охраняемой территории, локализирующим мелкие конфликты с лесной охраной.

Этим же постановлением предусматривалось и другое: снос незаконно построенных избушек, строительство спортбаз в Мохомовом логу, вынос живого уголка в долину реки Лалетина.

Казалось бы, что с организацией ТЭРа и упорядочением его посещения положение с охраной природы в заповеднике улучшится. Однако в результате свободного, бесконтрольного доступа людей благодаря асфальтированной дороге и канатно-рельсному подъемнику, рекламе, организованной туристско-экскурсионным бюро (получающим за счет заповедника определенные доходы), популярность «Столбов» еще более возросла. Число посетителей при этом достигло 120 человек на гектар вместо 3—9, как рекомендуют ученые. Таким образом, 28 га ТЭРа находятся вообще в катастрофическом состоянии, почвы здесь в 10 раз плотнее, а влагоемкость в сотни раз ниже эталонных участков. Тропы превращены в эрозионные водостоки. Усыхают деревья, вытесняется подрост и травянистый покров.

Словно чувствуя бессилие лесной охраны, еще сильнее активизировались «избушечники». Даже в самых потаенных уголках заповедной тайги, словно языки на здоровом теле, взамен уничтоженных появились новые строения из заповедного леса.

Резко осложнившаяся в связи с рекреацией экологическая обстановка привела к усилению природоохранных мер и ускорила снос всех незаконных строений. Последняя мера вызвала бурную негативную реакцию «из-

бушечников», которые, используя былые спортивные достижения, личные связи, авторитеты, высокие служебные посты и вещательные каналы, вылили на заповедник немало грязи и клеветы: о зверском избиении лесниками спортсменов-скалолазов, о спекуляции заповедными елками, о полыхающих «грифах» на вершине сорокаметровой скалы и сгоревшем дорогом гостящем снаряжении альпинистов и скалолазов компании «Эдельвейс».

Инициатива в организации этой недостойной пропагандистской кампании принадлежит «избушечникам» из компании «Грифы» и «Эдельвейс», незаконно обосновавшихся в районе Диких столбов, на заповедной территории, полностью закрытой для посетителей. Помимо бывших известных спортсменов, гостями изб нередко являются ученые Академгородка, доценты, преподаватели учебных заведений, представители прессы, работники местных органов власти и даже прокурор Ленинского района Красноярска тов. Филиппов, а также семьи, родственники и друзья перечисленной городской «элиты».

Понимая, что с упорядочением режима заповедника благодатные «дачи» в закрытом районе ликвидируются и что в одиночку против закона не устоять, городская «элита» использовала в корыстных целях уникальную народную традицию — столбизм, узаконив и возглавив его как общественную организацию. Утвердившись таким образом, заручившись особой поддержкой советских и правоохранительных органов, чиновники путем хитроумных сплетений правды и вымысла пытаются настроить против заповедника общественность города.

Возрос административный нажим на заповедник «Столбы» со стороны исполкомов. Чувствуя осязательную поддержку сверху, «элита» активизировалась. В настоящее время от имени общества столбистов они подготовили устав и положение об особом заповеднике, учитывающем их интересы: включение в туристско-экскурсионный район заповедной территории Диких столбов и строительство 13 избушек.

В период междуулавств, когда Главохота РСФСР уже равнодушно устранилась от проблем заповедников, а Госкомитет по охране природы еще не сформирован, «элита» при поддержке горисполкома явно торопится успеть навязать администрации заповедника «Столбы» кабальный договор и проект особого статуса «Столбов» в комбинации старой вывески «заповедник» и нового содержания «национальный парк».

Мнение многих настоящих столбистов выражено в статье старейшего столбиста г. Красноярска К. Шалыгина — «Спортзал под открытым небом или Живой уголок природы» («Красноярский рабочий», № 75, от 02.04.88 г.): «...Что сегодня в активе общества столбистов? В основном бумажная работа да еще бесконечные

споры, выяснения с дирекцией заповедника «Столбы»... Все общество — это оргкомитет да правление. Более того, все нагляднее проявляется стремление объединиться, создать некое «закрытое» привилегированное общество. Еще нет четких принципов работы с людьми, зато есть список избушек, которые общество построит в заповеднике. Причем не только в открытой зоне туристско-экскурсионного района. В договоре они оговаривают за собой свободный доступ на всю территорию, включая Дикие, Развалы, Манскую стенку, куда доступ посетителей воспрещен.

О какой просветительской работе может идти речь? И уже совсем недопустимо проводить в закрытой зоне тренировки, соревнования, сборы по спортивному скалолазанию. Надо четко сознавать: или нам нужен спортивный зал, или мы хотим сохранить чудесный уголок родной красноярской земли. Одно другое исключает...».

Чтобы не впасть в глубокие размышления и не гадать наперед, как могут сойтись «избушечники» и заповедность в будущем, обратимся к опыту прошлого через дела и мысли, изложенные в журналах снесенных изб. Как же соблюдают заповедный покой достопочтимые «Грифы»?

Вот выдержки из их дневника: 07.11.86. ...Праздничная демонстрация — восхождение на Крепость с оркестром под звуки гимна и крики «Ура!»... А внизу слышны шум и гам, это идет лихая артель самых решительных и несгибаемых людей — коллектив спортбазы «Эдельвейс» под руководством Лебеда, они несут по тайге на поднятых руках главный подарок «Грифам» — рояль! Да-да, не удивляйтесь, самый обыкновенный рояль... Он будет помещен на первом этаже, где будет сооружена танцплощадка... В. Федоров передал в подарок духовую трубу... с 7-го на 8-е ноября «Грифы» посетил 51 человек.

16.11.86. Избу посетили 25 человек... родственников, друзей, гостей из других городов... Зимнее времяпровождение по накатанной программе: песни, слова, дрова...

15.02.87. ...Доставляем наверх дрова, чем увеличиваем наш долг заповеднику до 10 тысяч рублей по расценкам ученого совета заповедника — мелочь, а приятно...

12.04.87. ...Праздновать годовщину собралось 30 гостей. Все было хорошо — и музыка, и угощение, и Крепость...

01.05.87. ...Празднично разодетые в маскарадные костюмы столбисты горячо приветствовали появление делегатов администрации заповедника, выслушаны краткие, но горячие выступления в защиту «Столбов» и всего живого, что еще на них осталось. 13.00 — демонстрация с оркестром, ряжеными скоморохами, лихо отплясывающими впереди колонны (не мавка, а пряма масленица — А. С.)...

На первой странице обложки: Нина Борисовна Мишанова — член президиума секции лавок Московского общества охотников и рыболовов, эксперт республиканской категории. Мы поздравляем вас, дорогая Нина Борисовна, и в вашем лице всех женщин — тружеников охотничьего хозяйства с Международным женским днем 8 марта, желаем счастья, больших творческих достижений.

Фото А. Дигилевича

На второй и четвертой страницах обложки: Для красноярцев «Столбы» — это частица души, гордость, эмблема города.

Фото О. Гусева

песня «Мы жертвою пали в борьбе роковой», сопровождаемая выкриками «Да здравствует свобода!», «Долой жандармов!» (последнее явно в адрес работников заповедника — А. С.).

20.12.87. «Грифы» посетили 26 человек. Команда начинающих альпинистов из Соворганов провела тренировку на Крепости под руководством Лаптенка...

Журнал другой избу «Идея» больше всего напоминает «летопись алкоголиков» — вот лишь несколько записей:

«...Наконец-то бардак в избе устранен. Ура, можно отравиться изделием собственного производства... На столе среди груды жора возвышается трехлитровая банка борматухи. Звучит гитара, содрогая стены и наши души... Уже тошнит, а Валя все наливает и наливает, хоть и противно, но на халыву, как мед... Время провели хорошо... Тащите сюда все: пиво, водку, деньги, женщины!!!!»

Не многим ушли от них обитатели дружеской избу. Всего лишь за год существования избу «Борисовка», так ревностно защищаемой «Собеседником», ее вместительный подпол буквально ломился от бутылок из-под спиртного. Но особенно, по-домашнему, обосновалась в заповеднике компания «Призрак» — все тебе есть: светица, банька, вино, женщины и дары заповедной тайги... Пришли в 17.00, затопили баньку, помылись, причастились, закусывали жареными грибами, легли поздно... Лёвча долго в темноте раздевал Шуру...

Словно дома, а не в заповеднике круглый год пользуются «избушечниками» дарами тайги.

«07.09.86. Изба «Идея»... Сегодня все охотятся за грибами и удачно. Пух, Виталька, Паша и Волька таскают бревна...»

Из-за пьянок и небрежности в обращении с огнем вблизи избушек нередко возникают пожары. От свечки горели избу «Эдельвейс» и «Вигвам», в последней горело четверо пьяных парней. Нередко в пожароопасный период у изб остаются непотушенные костры.

Как видим, вред, наносимый «избушечниками» заповеднику, немалый. В радиусе 500 м, как минимум, обходят избушки звери. А сколько вреда наносится скалам? Взять хотя бы рекламируемую на весь Союз стоянку «Грифов», самовольно захватившую и регулярно разрушающую ценный природный объект в закрытом районе. Как утверждают сами «грифовцы», потрудиться пришлось немало: каждое бревно, заготовленное из заповедного леса у подножия скалы, поднималось вверх лебедкой, искусно установленной на вершине скалы. Пришлось долбить камни в скале, вбивать анкерные крючья, замуровывать и цементировать ненужные трещины, навешивать переходы и стальные тросы, устанавливать металлические перила, электрический генератор, очищать ходы от мха и лишайника.

В итоге получилось уникальное сооружение, опоясавшее полукольцом деревянного настила заповедную скалу. Одних крючьев в нее вбито столько, что считать их — голова закружится.

В чем же дело? Если заповедник вскрывает грубые нарушения Закона об охране природы, то почему он не воспользуется своим правом и не привлечет нарушителей к ответственности? Теоретически все кажется просто, однако едва материалы на нарушителей попадают в органы правосудия и административные комиссии, как незамедлительно подключаются бюрократические каналы чиновников: связи, знакомства, авторитеты, деликатность, карьеризм, волокита. Только поэтому из восьми дел по избушкам, переданных для расследования в органы милиции края, положительно рассмотрено только одно.

Например, избу компании «Эдельвейс» заповедник сносил пять раз. И всякий раз ее самовольно отстраивали снова в закрытой зоне. 24.10.86 г. компании был предъявлен иск за нанесенный ущерб на сумму 2588 руб., материалы переданы для привлечения виновных к ответственности в Свердловское РОВД г. Красноярск. Вместо того чтобы принять меры, Свердловское РОВД 14.11.86 г. (исх. № 12/14553) передало материалы по территориальности в Березовское РОВД, которое 2.12.86 г. «отфутболило» дело обратно свердловчанам. 30 декабря Свердловское РОВД возвратило материалы в Березовское РОВД. Незаконную избу, в конце концов, все же снесли, однако «за отсутствием состава преступления» ...иск заповеднику так и не возмещен. И куда только заповедник не обращался за помощью: в горисполком, крайУВД, краевую прокуратуру и даже к самому министру МВД товарищу Власову. Вместо долгожданной помощи работники исполкомов и УВД края посоветовали заповеднику не трогать нарушителей, а выработать с ними компромиссное решение, поскольку это теперь представители законного общества столбистов. В тиши кабинетов можно выработать любое решение, но как сохранить и восстановить гибнущую

Скала Перья.

природу самого уникального и ценного района заповедной красноярской тайги! В силах заповедника только запрет и охрана, а уже сейчас требуются природовосстановительные и хозяйственные работы, немалые затраты средств, рабочая сила, штаты для обслуживания посетителей, то есть все то, чем занимается национальный парк. Никакой предлагаемый «элитой» особый статус заповедника не в силах решить проблемы, а лишь углубит пропасть между заповедником и общественностью города, не спасет и замена администрации.

Думаю, выход только один, он уже предлагался и заповедником и настоящими столбистами, но был отклонен, поскольку не совпал с дачными интересами «избушечников». Это создание на базе ТЭРа и сопредельных угодий побережья реки Енисей национального парка, с выделением трех

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

охота
и охотничье хозяйство **3** 1989

Ежемесячный массово-производственный, спортивно-методический, иллюстрированный журнал Государственного комитета СССР по охране природы и Союза общества охотников и рыболовов РСФСР. Основан в октябре 1955 г.

Москва. ВО «Агропромиздат».

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, С. В. Болденков,
Г. В. Висячев, Т. А. Волжина
(ответственный секретарь),
В. А. Галактионов, В. Д. Голованов,

В. И. Животченко, Д. В. Житенёв
(зам. главного редактора),
А. М. Колосов, Я. С. Русанов,
В. Г. Сафонов, А. А. Севастьянов,
И. Б. Шишкин, А. А. Улитин,
С. М. Успенский, Ю. П. Язан.

зон: отдыха — побережье р. Енисей, спортивного скалолазания — Такмаковский район со всеми скалами, эстетической — своеобразного музея природы и историко-революционного прошлого (предложение К. Шалыгина) — район Центральных столбов. Скалы Манская стенка, Манская баба, Грифы, Крепость, Развалы и Дикий должны сохраниться за заповедником как эталоны природы, при этом Манская стенка, расположенная на границе ТЭРа, должна быть из него исключена полностью.

Для восстановления природы ТЭРа хотя бы на несколько лет необходимо снять с него антропогенную нагрузку, упорядочить и регламентировать доступ посетителей введением билетов и регистрационных жетонов, необходимых для контроля. Хотя бы на период восстановительных работ вынести живой уголок ближе к городу, например в сад Крутовских, это временно сократит поток людей на «Столбы».

Канатно-кресельную дорогу, потенциальный источник пожаров в заповеднике, надо передать в ведение национального парка. Территорию района необходимо благоустроить, выделить

лого, потому как в те далекие годы различий в понятиях «заповедник» и «национальный парк», по существу, не было.

Создание на базе ТЭРа национального парка следует рассматривать в совокупности с другими проблемами: организацией культурного отдыха красноярцев и скорейшим претворением в жизнь программы «Зеленое кольцо», организацией спорта. Почему бы не передать краевому спортивному комитету территорию бывшего Гранитного карьера, где могло бы законно разместиться каждое спортивное общество, не требуя у заповедника места для избушки у подножия желанной скалы.

Уже появление первой в Моховом логу заводской спортивной базы (организатор и руководитель Р. Р. Руйга) дало городу имена новых призеров краевых, союзных и даже международных соревнований по спортивному скалолазанию, таких, как Надежда Вершинина, мастер спорта международного класса, победитель кубка Европы, мастер спорта СССР; Михаил Вершинин — двукратный чемпион СССР, член сборной команды страны. Этот вместительный Гранитный карьер расположен у подножия Такмака, где неподалеку возвышается Китайская стенка, Ермак и другие скалы, способные удовлетворить запросы любого самого авторитетного спортсмена. А если приложить руки, хорошо потрудиться, — Красноярск получит идеальный скалодром, который в совокупности с горной школой олимпийского резерва в Бобровом логу, детской спортивной школой, сорокаметровым и стометровым трамплинами в урочище Каштак благодаря идеальным условиям может стать крупнейшим в стране спортивным комплексом.

Основную территорию заповедника «Столбы» следует расширить до 120 тыс. га за счет включения лесов «зеленой зоны» города в междуречье р. Енисей и нижнего течения р. Мана. Тем более что с подобным предложением Красноярский крайисполком уже в 1960 г. обращался в Совет Министров РСФСР. Это сохранит еще оставшиеся там кедровые леса, улучшит охрану и воспроизводство фауны и флоры Красноярья, водный режим р. Мана, для чего необходимо, наконец, запретить сплав леса по этой реке. Для упорядочения туристического сплава по р. Мана во избежание конфликтов с заповедником необходимо заранее выделить и оборудовать острова, не имеющие экологического и хозяйственного значения для заповедника, для стоянок и ночлегов туристов.

Застойные проблемы «Столбов» требуют срочного решения.

А. СУВОРОВ,
старший научный сотрудник
заповедника «Столбы»

ДАВАЙТЕ ПЕРЕСТРАИВАТЬСЯ

В нашей стране отстрел копытных ведут по двум видам лицензий: спортивным и товарным, так называемым мясным. Для товарного отстрела организуют бригаду, в которую входят, как правило, руководители общества, должностные лица города или района (если они охотники) и незначительное количество рядовых охотников, если они зарекомендовали себя услужливыми и нужными людьми. Состав бригады почти постоянный из года в год. Спортивных лицензий мало, и получить их — большая трудность. Основная масса охотников практически лишается возможности охоты. Таким образом, охотники у нас делятся на «белых» и «черных». В первичных коллективах, как правило, не знают о том, что и в каком количестве отстреливают в хозяйствах.

По нашему мнению, отстрел копытных по всем лицензиям могут вести первичные коллективы охотников в соответствии с их участием в делах районного общества. Деньги, полученные при сдаче мяса государству, должны поступать в хозяйства и тратиться на его нужды. Коллектив, выполнивший задание по товарному отстрелу, должен иметь право получить и спортивную лицензию. Таким образом, большое количество охотников получат удовольствие от охоты.

Отстрел копытных первичными коллективами проводят в Эстонии. У них нет ни «белых», ни «черных». Там охотники все равноправны, а руководители общества — знающие, дальновидные люди. В эстонском обществе охотников предвосхитили события — у них давно начаты и перестройка, и ускорение, и соблюдается демократия в отношении членов общества.

Давно пора переходить на демократические основы и в нашем охотничьем обществе. Например, в настоящее время кандидатуры председателей обществ определяют в верхних эшелонах власти. А выдвигать их надо снизу, из рядов охотников. Голосование должно быть прямым и тайным, с количеством кандидатур более одной. Причем каждый должен заранее рассказать членам коллектива о своих планах работы. Только демократические начала помогут нам покончить с рутинной, бюрократизмом, стяжательством и делением охотников в добровольном обществе на «белых» и «черных».

И. СОКОЛОВ,
охотник

Скала Дед.

специальные маршруты, оборудовать ее пунктами питания, отдыха, медицинской помощи, дополнительными санузлами и мусоросборниками. Должность директора национального парка должна быть выборной, так как от его деловитости, принципиальности и авторитета во многом будет зависеть судьба «Столбов» и эстетический досуг трудящихся. Уже с 1924 г. «Столбы» по своему назначению являются национальным парком, а вывеска «заповедник» осталась за ним от прош-

Фото Д. Житенёва

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

А. УЛИТИН,
председатель центрального правления
Росохотрыболовсоюза

Одна из основных особенностей перестройки — кардинальная ломка хозяйственного механизма предприятий и объединений — основных звеньев производства. Это характерно и для системы Росохотрыболовсоюза. Доходы наших обществ более чем на 70 % состоят из поступлений от охотничье-рыболовного хозяйства, из сферы производства товаров народного потребления и услуг. Центральный совет в поисках путей развития неформального, основанного на законодательстве хозрасчета определил, что на сегодняшнем этапе правильное всего образовать в правлениях республиканских (АССР), краевых, областных обществ охотников и рыболовов производственные охотничье-рыболовные объединения с хозяйственной и социальной ориентацией. Директор объединения с трудовым коллективом выполняют решения правлений или советов общества в рамках плана социального и экономического развития.

Но одной постановки и понимания задач не хватает. Нужны самостоятельность охотпользователям и самоуправление трудовых и общественных коллективов в самом широком смысле слова.

Росохотрыболовсоюз за 30-летний период своего существования доказал, что он может самостоятельно, без привлечения госбюджетных средств решать вопросы рационального использования вверенных природных ресурсов, организации досуга членов общества и развития производства

товаров на базе собственной сырьевой базы.

Только несколько цифр. Так, если в 1965 г. на развитие охотничьего хозяйства было израсходовано 3,9 млн руб., или 29 руб. на 1000 га угодий, то в 1988 г. на эти цели израсходовано более 30 млн руб., или свыше 150 руб. на 1000 га. Выросла и продуктивность охотничьих площадей. С 1000 га в настоящее время получают в среднем около 20 кг мяса, а не 7, как это было в 1965 г. Общества значительно окрепли за годы перестройки. Отметка ежегодных доходов приближается к 80 млн руб. Здесь сыграла свою роль забота охотников о состоянии угодий для обеспечения непрерывной их эксплуатации в виде охотничьего спорта и отдыха членов общества.

Переход на хозрасчет в системе Росохотрыболовсоюза начался с 1988 г., он сопряжен с применением и нового уровня тарифных ставок, и методов дополнительного стимулирования за лучшие результаты.

Динамика качественных сдвигов может застыть, а резервы окажутся использованными на этом этапе, если в охотничье-рыболовном спортивном хозяйстве не произойдет главного — перехода к подлинному самоуправлению, когда самостоятельность созданных объединений и предприятий станет атмосферой осознанной ответственности за использование вверенных угодий и ресурсов.

Почему, например, органы управления охотничьим хозяйством, зная о надежном положении дел в угодьях обществ, диктуют пользователям нормы и сроки добычи? А сейчас наметилась тенденция решать это не коллегиально на межведомственных комиссиях, а единолично. Почему регламентируют предельные сроки закрепления угодий, не позволяют вести переработку добытой продукции и даже сбор диких животных, а в некоторых случаях без разрешения общества занимаются эксплуатацией его угодий? Какой же здесь хозрасчет и заинтересованность?

Понятно, что без сформированной экономической основы в самоуправлении в виде ответственного осуществления пользования животным миром, хозрасчета не достичь. Пока картина выглядит парадоксальной. Общества и их подразделения, получив от государства госзаказ, ответственны перед ним. Распоряжаться же ресурсами в полной мере не вправе. А если и осуществляют такое право, то «заданный режим» для экономики хозяйств пользы не приносит. Нужна смена ориентиров в управлении и больше доверия.

Мы с нетерпением ждем закона об аренде, а также законодательства о местном самоуправлении. Но введение платы за аренду должно упразднить все другие взимания с пользователей со стороны государственных органов. Арендаторам необходимо получить не просто угодья, но и землю, свободную от сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства, право комплексно и рационально использовать все ресурсы.

Определены финансовые рычаги укрепления системы. До перестройки в обществах финансовый механизм был далек от совершенства. Деньги как бы перекачивались «наверх». Внизу — в основных ячеек производства — заинтересованности в росте денежных накоплений не было, а значит, там мало думали об укреплении хозяйства, социальных преобразованиях. Охотник и рыболов не видели положительных результатов от организаций, которые сами создали. Сейчас в Росохотрыболовсоюзе самая высокая отдача от каждого вложенного рубля — 0,75 коп. Но расходы превышают доходы. Необходимо преодолеть затратный механизм и выйти на самоокупаемость.

Среди важных задач — четкое разграничение плановых и руководящих функций по всем уровням управления. Сегодня без централизованного управления в нашей системе не обойтись, но еще больше провалов обещает пренебрежение самостоятельностью низовых, «самых результативных по труду» подразделений, излишнее оттягивание средств «наверх» по принципу «цвел бы бутон». Но известно, что без мощи корневой системы «бутон» рано или поздно обречен. Наши корни — районные общества, их первичные организации. До последнего времени их так обирали, что стенгазету или фотовитрину выпустить было проблемой — денег не было.

Все же должно быть наоборот. Кто зарабатывает, тот и распоряжается. Однако заработать средства, необходимые для обновления, оказывается делом не простым. Добиться самостоятельности — это значит: владеть угодьями в полном смысле слова и желательно на бессрочной основе; целенаправленно вкладывать средства на все выгодные виды производства и услуг в интересах охотников и рыболовов; выбирать самостоятельно все передовые эффективные формы хозяйствования под контролем общества, с правом выбора форм и методов стимулирования; выполнять тот комплекс функций, который не противоречил бы закону, а развивал самоуправление, инициативу, эффективность.

Не открою Америки, сказав, что в будущем сами общества снизу доверху станут оценивать ту роль, которую играют в их деятельности вышестоящие аппараты в системе. Станет реальностью известное с XIX Всесоюзной партконференции предло-

жение «и министра на подряд». Хозрасчет не может быть вульгарным. Охотничье хозяйство сделало свои первые шаги на пути к новым условиям хозяйствования.

О МИФАХ, РЕАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВАХ

С. МАТВЕЙЧУК,
старший охотовед Архангельского
облхотпромуправления
по Шенкурскому району

Необходимым условием для выработки научной концепции перестройки охотничьего хозяйства является отказ от традиционного, реформистского мышления и разветвленной мифологии, прочно обосновавшихся в современном охотоведении.

Один из самых вредных (и излюбленных) мифов застойного периода — засилье браконьеров. Уверен, что по крайней мере в России около 10 % постановлений охотинспекций выносятся просто-напросто незаконно (при недоказанности или отсутствии состава нарушений), а подавляющее большинство остальных нарушений спровоцировано чересполосицей охотничьих хозяйств, алогичностью запретов и запутанностью охотничьего права, сплошь и рядом противоречащего экономическим интересам производителей.

В русле административных подходов — и предложения об организационном укреплении отрасли. Опыт российской Главохоты, имеющей всю представимую власть, но не предотвратившей ни одной из возможных бед охотничьего хозяйства, а, на мой взгляд, и усугубившей их, показывает несостоятельность надежд на «доброе царя» в лице сильного всесоюзного ведомства — его образование привело бы лишь к еще большей централизации управления и безответственности его субъектов.

Совершенствование подготовки и расстановки специалистов также не способно даже частично снять назревшие проблемы. Специалист — всегонавсего потенцица, реализуемая лишь постольку, поскольку его способности

востребуются порученной работой. Беда в том, что в нашей донельзя тщательно зарегулированной отрасли для отправления большинства должностей достаточно **одного** (исполнительского) полушария мозга; очень многие требуют наличия **только одного** (например, для безупречного выполнения планов по штрафам и искам). Несоответствие этому требованию наряду с низкой зарплатой вызывает массовый уход специалистов из сферы квалификации; оставшиеся, как правило, вырождаются из биологов-охотоведов в шерифов-натуралистов. Говорить, что охотничье хозяйство ползет черепашьей или пятится раком из-за отсутствия классных специалистов на ключевых постах, значит — путать причину со следствием: именно превращение живого сложного организма отрасли в скелет строгих иерархических соподчинений бюрократических контур сделало возможным процветание некомпетентных администраторов в центре и на местах. И пока самые разные хозяйства берут плату за путевки по единому прейскуранту и перед охотой, пока общества охотников взимают единые взносы со всех своих членов, пока охотинспекции доят всех пользователей платой за лицензии (и тоже перед охотой), а руководители этих учреждений назначаются и сидят на ставках, ситуация с кадрами останется прежней.

Безусловно правы охотоведы, предлагающие оживить отрасль через кооперацию и индивидуальную трудовую деятельность. Неудивительно, что в этих предложениях пока мало конкретики (и много забавного, например пропаганда внедрения этих форм организации труда **под началом** или **помимо** существующих потреб- и росохотрыболовсоюзских структур, а не **вместо** них и **желательно на их месте**). Неудивительно, что охотничья отрасль выпала из зоны действия законов о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности, так как оба закона предусматривают свободу сбыта продукции. Препятствие это, как мне кажется, преодолимо. Государственная монополия внутренней торговли мехами — фундаментальный миф, она никогда не была ни научной концепцией, ни реальным фактом. В эпоху нэпа более эффективным способом сбора отечественных мехов для экспорта считался, например, завоз на внутренний рынок дешевых кенгуру и опоссумов, и даже в годы торжества сталинской административной системы охотник нес кунцу на заготовку не за страх, а за муку и мануфактуру. Конец натуроплаты в сельском хозяйстве, при которой пушной промысел был едва ли не самым общедоступным способом получения звонкой монеты, необходимой для уплаты налогов и приобретения промтоваров, означал и конец добровольной сдачи пушнины. Но место вдумчивого экономиста занял суровый администратор и расцвет «черного рынка» стал ба-

нальностью охотоведческой литературы...

Преодоление монополии внутренней торговли — сложный и не единовременный акт. Но его подготовка необходима, ибо несомненна стратегическая значимость индивидуально-трудовой деятельности и кооперации для охотничьего дела, искони единичного и артельного.

Вторая причина, по которой наша отрасль оказалась фактически исключена из законов о кооперации и индивидуально-трудовой деятельности (а из последнего и формально) — противоречие между свободой участия в кооперативной деятельности, с одной стороны, и обязательности вступления в ООиР — с другой. **Регистрация** в исполкоме и **вступление** в организацию — вещи принципиально различные.

Введение обязательности членства в обществе охотников означало на деле его окончательное огосударствление, к нынешнему времени настолько укрепившееся, что даже определение в новых Типовых правилах охоты срока действия членского билета (общественной организации!) выглядело вполне естественным. От этого не выиграло ни государство, для которого **податливое** общество не может служить надежной **опорой**, ни Росохотрыболовсоюз, который, освободившись от необходимости **привлекать** и без того легальных охотников в свои ряды безотказным снабжением, квалифицированными консультациями и действенной защитой их интересов, утратил стимулы качественного роста, забюрократизировался, превратился во многом в придаток финансовых органов.

Итак, преодоление монополии внутренней торговли продуктами охоты и отмена обязательности членства в обществе охотников являются, на мой взгляд, главными мероприятиями, необходимыми для реальной перестройки охотничьего хозяйства. Все остальные вытекают из них.

Охотники-единоличники (индивидуалы), регистрирующиеся в органах Советской власти и являющиеся членами одного или нескольких (или ни одного) производственных, снабженческих, сбытовых, смешанных и т. д. кооперативов, союзов и обществ (клубов) по интересам; кооперативные, общественные, государственные охотничьи организации, за которыми районные Советы народных депутатов закрепляют на равной конкурсной основе угодья там, где эти организации могут обеспечить охотпользование более эффективное, чем единоличники; районные, областные и выше ассоциации, объединившие общества, кооперативы и госпредприятия, но не имеющие над ними распорядительной власти; охотничьи службы исполкомов и Совминов, несущие чисто контрольные функции — таковы составляющие предполагаемой модели охотничьей отрасли.

УВИДИШЬ СЛЕД В

Волк! Это короткое, но емкое слово для охотника-спортсмена всегда связано с глухим темным бором, болотистыми крепями, с заросшими лесными оврагами, где выводит потомство эти хищные звери и откуда они совершают набеги на домашних и диких животных, чем и наносят большой ущерб народному хозяйству.

Волк — престижный трофей охотника-спортсмена. Добыча такого зверя, да еще в трудном единоборстве, где его хитрость и смысленность не раз ставят в затруднительное положение охотника, — всегда оставит чувство морального удовлетворения. К этому следует добавить то, что не раз приходится «помериться» ногами с выносливым зверем. И еще: охотник-спортсмен, добыв вредного хищника, испытывает чувство исполненного долга.

Многие опытные охотники-волчатники, да в основном вся охотничья литература, убеждают охотников в особых трудностях добычи волков. Якобы волк — добыча особо одаренных охотников, с особой подготовкой, а если кто-то из «простых» охотников, и добыл волка, так это относится к случайностям, везению, счастью. А так ли это?

За свою 55-летнюю охотничью практику мне приходилось много охотиться на волков и хорошо изучить их биологию. Я вел учет отстрелянных зверей, обстоятельств, при которых они были добыты, трудности. Из девяти очень трудно добытых волков пять взяты окладом с флажками, два пойманы капканами, один на лежке троплением, один нагоном. Из одиннадцати добытых со значительными трудностями — шесть были взяты окладом, с флажками, два — троплением и три — способом нагона, или, как его раньше называли, псковским методом. Все двадцать семь легко добытых волков взяты троплением один на один.

Как видно, охота троплением оказалась результативнее, нежели другие способы, и наиболее интересна. Она спортивна во всех отношениях и дает хорошие результаты людям пытливым, упорным, хорошо познавшим особенности поведения волков: пути их переходов, места дневок и вывода зверей — их логово.

Волки консервативны. Они постоянно придерживаются одних и тех же мест разноможения и путей передвижения. Даже в том случае, если молодые (прибылые) будут взяты в логове, уцелевшие материцы вновь на следующий год займут район логова и выведут потомство.

С наступлением холодов волки ведут бродячий образ жизни. Они порой довольно далеко уходят, километров за

тридцать от своего коренного места. Другой раз охотники в недоумении: еще вчера видели следы волчьего семейства, вызвали бригаду волчатников, те прибыли, а волков и след простыл. Обследовали на пятнадцать километров округу — нет волков. Уехала бригада ни с чем, а через пять дней волки как с неба свалились. В этих случаях надо помнить волчье правило: куда бы они ни отшатнулись, через четыре—восемь дней вновь вернуться в свой район в поисках добычи.

А вот волки-одиночки, за редким исключением, придерживаются своего родного района. Пара волков тоже бродяжничают, но в меньшей степени, чем группа из трех и более зверей.

Следы волков надо искать на вероятных путях их переходов. Это, как правило, сравнительно узкая полоса кустарника, невысокого леса, соединяющая два лесных массива или болото с лесом. В полях волки обязательно посещают отдельно стоящие деревья, большой камень, кучу хвороста, земля-

1.

2.

ОЛКА-ТРОПИ ЕГО

ной бугорок, черепа крупных животных, столбики и другие заметные предметы. Это их мочевые точки, и волки их не пропускают. Нередко волки пользуются дорогами, идущими от одной деревни к другой. Такие дороги не только облегчают им путь, но здесь они ловят собак, бегущих домой из соседней деревни или сопровождающих своих хозяев — возниц. Волки переходят водные преграды по мостам, перекинутым бревнам. Крепость льда волк угадывает точно, и, если лед вы-

шой лесной массив, надо помнить, что волки в глухом лесу не ложатся на дневку. Они обязательно выйдут на опушку или на зарастающую поляну, вырубку, где и лягут в мелочах с подветренной стороны, в затишье.

И еще надо помнить одну особенность волков. Они всегда лежат мордой к следу и к ветру и обязательно, хоть и на небольшом, но возвышении. Это объясняется привычками, выработанными в борьбе за существование.

3.

1. Волки придерживаются одних и тех же мест передвижения.

Фото И. Бавикина

2. На зверя, который уходит через флажки, подозрителен и осторожен, применяют псковский метод нагоном. Удачная охота.

Фото В. Вишневого

3. Для охоты на волков обязательно шейте белый костюм: брюки, куртку, берет на шапку.

Фото В. Вишневого

держит его тяжесть, он перейдет. Но если лед тонок, волк перейдет речку только по мосткам и здесь оставит свои следы. Как правило, у мостков есть столбики, колья или отдельные колоды, камни. Эти предметы волки не оставляют без внимания и метят.

Охотника-спортсмена всегда должны привлечь свежие следы волков в направлении небольшого, но «крепкого» болота, к верховьям оврагов и к их «рукавам», к отдельным лесным островам, густым колкам среди полей.

Если следы волков ведут в боль-

Обнаружив человека, волк скрывается незаметно, умело прикрываясь растительностью, держится на почтительном расстоянии, постоянно знает, где его преследователь. Стронутого волка преследовать бессмысленно. Ему надо дать возможность успокоиться, облежаться. Тогда можно сделать новый подход, удвоив осторожность.

Можно ли определить по следам пол, возраст, количество зверей в стае? Пол волков можно точно определить только по способу мочеиспускания. Волк-кобель, как и все псовые, мочится, подняв заднюю ногу, сука — приседает. Это понять можно только тогда, когда волки расходятся (для прочесывания местности и в поисках пищи). Здесь можно определить и количество зверей. А вот возраст — дело трудное. Легко отличить следы матерых от прибылых — они резко различны по величине следа и ширине шага. Но труднее отличить следы переярков от прибылых, а иногда переярков от трехлеток. Дело в том, что при нормальном развитии лапа прибылого всегда меньше, хоп и нена-

много, чем у переярка. А лапа переярка всегда меньше лапы матерого. Но случается, что прибылой оказывается крупнее переярка. Я ошибался дважды. Был убежден, что взял след переярка, а на поверку оказывалось — прибылой, и наоборот. А вот в определении матерых ошибок не было.

В отдельных случаях волки смелы до невероятности. В других — трусливы до паники. Они поражают сообразительностью, но и удивляют явной безрассудностью своих действий. За это и платятся шкурой.

Волк очень вынослив и живуч. Он может голодать несколько суток подряд, но может и съесть за один раз до шестнадцати килограммов мяса, а при беге развивает скорость до 65 км/час. Правда, такая скорость кратковременна, но на рыси он неутомим. Природа наградила волка могучим костяком при отличных углах сочленений конечностей, а постоянная тренировка поддерживает мышечную систему в прекрасном состоянии. «Сила матерого волка настолько велика, что он может перевернуть на другой бок мерзлую тушу лошади», — утверждает знаток волков Н. А. Звонкин. Дважды и мне приходилось убеждаться, что матерый волк-одиночка переворачивал с одного бока на другой мерзлую тушу двухгодовалого лося.

К вышесказанному можно добавить, что при движении группой впереди, как правило, идет матерая волчица, за ней — переярки, за переярками — прибылые. Замыкает шествие матерый волк. При этом они идут аккуратно, след в след, и не сразу поймешь — сколько зверей в стае.

Иногда переярки или матерый отделяются от стаи и уходят в сторону в поисках добычи. Но потом, где-то вдалеке, перед уходом на дневку, соединяются вновь. Поражает их ориентация на местности. Когда и где бы ни рыскали переярки или матерый, они точно знают место встречи, без ошибок идут туда и находят свою стаю. Мне трижды приходилось наблюдать при окладах, как к залегающей на дневку волчице с прибылыми вваливались с совершенно противоположной стороны два переярка, другой раз матерый и третий раз матерый с переярком. Прибылые от матери далеко не уходят.

Легче добывать волка, зная его биологию. Вот несколько примеров из охот на волков. Как легко порой можно добыть зверя, и как зачастую трудно они достаются.

10 ноября всю ночь шел мелкий, теплый снег. Пороша! Какой охотник усидит дома при первой пороше? Еще затемно я вышел из дома, а снегопад хоть и уменьшился, но совсем не прекратился. Рассвело. Я на месте русачьих жировок.

Прошел метров пятьдесят и заметил крупные, припорошенные снегом следы, вернее, их очертания. Следы ведут в ту сторону, куда иду я. Иду тихонько,

а сам нет-нет да и смотрю, куда ведут следы, и стараюсь понять — чьи они! Глянул под шатер густой ели и увидел четкий отпечаток крупных лап. Волки! Я замер как вкопанный. Смотрю на рыжие кочки, а они темноватые и как одна округленные, явно выделяются среди пожухлой растительности. Всмотриваюсь внимательнее и... изумляюсь, да ведь это волки! Ближе ко мне лежит крупный волк, до него не более двадцати шагов. От него, в трех шагах вправо, лежит другой, поменьше. Чуть дальше еще три волка, а за ними в стороне, как копка, лежит здоровенный волчица. Несколько секунд стою как завороченный. Сознание подсказывает, что надо сменить дробовые патроны на картечные, а здравый смысл убеждает — нельзя, не успеешь, только подшумишь.

Все волки лежат ко мне спиной, мордами к следу и легкому ветерку. Решаю стрелять ближнего, крупного волка из правого ствола единицей, а затем другого, лежащего рядом. После выстрела между лопаток по крупному волку в одно мгновение перевел стволы чуть правее и выстрелил под лопатку второму, вскопчившему волку. Быстрым, заученным движением достал картечные патроны и заложил в патронники. И только после увидел необычное. Стреляные волки лежали неподвижно, а другие, не поняв, откуда идет опасность, бросились бежать не от меня, а в мою сторону. Признаюсь, я порядком тогда струхнул. Да и было от чего, ибо впереди несется на махах здоровенный волчица, за ним, один за другим, еще два волка, а чуть сбоку, ближе ко мне, скачет четвертый. Хоть и испугался я тогда, но в какой-то момент понял: волки в панике и меня не видят благодаря белому защитному костюму, а поэтому и бегут в мою сторону. Волки уже рядом, вот проскакивают мимо, мне бы стрелять, а я стою как вкопанный и смотрю на них. Наконец опомнился и пустил заряд картечи в последнего волка, и... всех скрыл густой подлесок. Этот выстрел я посчитал чистым промахом.

Осмотрев убитых, я убедился, что крупная была волчица, а рядом и поменьше тоже волчица, но молодая, то есть прибылая. Что бы не тащить лишний груз, я решил снять с них шкуры. Прodelав это и обогрвшись у костра, пошел посмотреть, как легла картечь после выстрела по уходящему волку. Пройдя по следу не более десяти шагов, я, к своему удивлению, увидел его мертвым под молодыми елочками. Мне повезло. Я искал зайцев, случайно вышел на их лежки, а ветерок хоть и слабый, но был от волков на меня. Но дело в том, что они подпустили меня на близкий выстрел. А значит, волка можно тропить и стрелять так же, как зайца.

И с тех пор началась для меня незабываемая охота на волков троплением. Она интересна и спортивна, а по насыщенности переживаний, наблюдений, острых ощущений ей нет равных.

Вот другая охота. Тропил русака, который правился на лежку в заросли замерзшего болота. Русак шел летней тропинкой, пробитой в стене камыша. По тропе, по его следу, прошел второй русак — чуть позже. Осматриваюсь и вижу — снег впереди весь перепахан. Стал выяснять, и оказалось: два матерых волка устроили засаду на тропе и одного за другим словили обоих зайцев. Закусили и ленивой рысцой пошли по льду продолговатого плеса, прикрытого снегом, на лежку. Пройдя по льду метров пятьдесят, вижу — следы волков разделяются. Один идет вправо в кочки, другой — прямо и через десять метров тоже поворачивает к кочкам. Следы четкие, ночью прошел снег. Одет я был в белый костюм — куртка, брюки и берет на шапке. Мягкий и рыхлый снег, при движении не давал шума. И вот, дойдя до того места, где следы раздвоились, я остановился и стал осматривать направление хода зверей к кочкам с пожухлой растительностью. Сначала я не смог увидеть волков, хотя ближний лежал в двадцати шагах. Еще раз проследив глазами след зверя к кочкам, вздрогнул от неожиданности. На второй от края кочке, как на перине, лежит здоровенный волчица! Не раздумывая, стреляю ему в спину, и он, резко развернувшись, сваливается с кочки и замирает.

В следующее мгновение впереди, шагах в сороке, раскидывая снег между кочек, вырвался второй волк и со всех ног, как оцумелый, несется прямо на меня. По его состоянию вижу — он явно меня не замечает. Вот что значит белый костюм зимой. Подпустив волка метров на пятнадцать, жму на спусковой крючок — выстрела нет (я нажимал спусковой крючок стреляного ствола). Перевожу палец на второй крючок и вижу: волк наконец меня увидел... Как мгновенно он изменился! На бегу казался длинным, прогонистым зверем, а тут весь сжался, тормозя всеми четырьмя лапами. Но это ему не помогло. Свежевывающий снег не задерживал движения, хотя из-под лап летели его фонтаны. Волк по инерции катится прямо мне в ноги и ничего не может сделать. В его глазах дикий ужас, уши прижаты, шерсть дыбом от загрызика до хвоста, он не по-волчьи громко сопит, пасть открыта и слышны какие-то уробные звуки. Не «доехав» до меня шагов пять, он наконец-то справился кое-как с инерцией и страхом, боком, скользя и бусуя лапами на льду, стал отворачивать вправо и удаляться, но был настигнут снарядами картечи. По инерции он ткнулся в кусты ракутника с такой силой, что с них слетел весь снег, а нижние ветви обломились.

И только после этого я почувствовал, что взмок. Ну и баня! Есть от чего и вспотеть... Какие переживания! И какой финал!

Почему после выстрелов волки бежали не от охотника, а к нему? Я объясняю это обманчивостью отражен-

ного эха от выстрелов. Они-то и вводят в заблуждение зверей. В первом случае эхо отразилось от опушки леса и ввело в заблуждение матерого волка и он кинулся в противоположную сторону, а за ним и молодые. Во втором случае произошло то же самое, только от стенки густого камыша. Такое же явление я наблюдал и третий раз, когда пришлось стрелять по волку с одного склона оврага на другой (подойти ближе было невозможно). После выстрела на предельном расстоянии волк был легко ранен в бедро. Он кубарем скатился с лежки и, прыжками поднимаясь на противоположный склон, все время оглядывался на лежку, пока не очутился в десяти шагах передо мной, где и был остановлен вторым выстрелом.

А вот как были добыты волки псковским методом, или методом нагона. Он заключается в том, что, зная повадки зверей, их наиболее верный ход, ставят охотника на этот ход, а другой охотник — нагонщик (пскович) — аккуратно поджимает зверя (зверей) на стоящего в засаде. Такой метод применяется для зверей, к которым невозможно подойти на выстрел на лежке. Причин много: пуганый, не раз стреляный зверь делается подозрительным и очень осторожным.

Есть звери, не боящиеся флажков, бдительные на лежках, не раз уходящие из окладов. Такого зверя бесполезно флажить — он уйдет. Тропить — не подпустит, цуток на лежке. Тут-то и надо спокойно стронуть с дивки зверя и, определив его ход, поставить туда одного или нескольких охотников. Вот пример этой трудной, но такой интересной охоты.

Ко мне приехал сарбайский охотник-волчатник Ефим Фролов. Мы — старые знакомые по охотам на волков. Он просил совета, а если можно, приехать. Ефим рассказал, что волк — матерый кобель, единственный уцелевший из выводка. Он не боялся флажков и, попав прошлый год в капкан, открутил замерзшую лапу и ушел. За год переловил много собак, в том числе с гону взял двух гончих. Дважды его окладывали, но он уходил прямо через флажки. «Ума не приложу, как его взять», — сокрушался охотник, — он такой ушлый стал. Меня, да что меня, мою лошадь с санями узнает. Намедни он нагло выхватил собачку прямо из саней. На него кричали, а он хоть бы что. Так и унес собачку. Поверишь, я через два дня поехал с возчиками в середине обоза и взял с собой дворовую Примку, привязав ее к дровням. Только подъехали к роще, а он тут как тут. Ну, думаю, сейчас я тебя... Собаку он увидел и было бросился, но вдруг, метрах в семидесяти, остановился, а затем как ошпаренный бросился в кусты. Пальнул я, конечно, думаю, может, картечь зацепит... Но куда там, далеко. И вот как увидит меня, удирает во все лопатки. Мне кажется, он стал узнавать даже шум полозьев моих саней!»

Из объяснений Ефима я понял — волк из района не уходит и днюет в основном в трех местах. И я предложил ему свой план охоты методом нагона.

...И вот мы идем по ночному следу этого волка. На сей раз волк ушел на дневку не в Кривое болото, а в гуцару Коровьего колка. Далеко обойдя колок, чтобы не подшуметь осторожного зверя, убеждаемся — волк здесь. И тут возникла проблема — куда встать стрелку? Наиболее вероятных хода зверя было три, а нас двое, да один из нас должен стронуть зверя. Зная, что Ефим — опытный волчатник, я прямо спросил его:

— Ефим, если бы ты был волком, куда бы пошел?

Он осмотрел местность и, немного подумав, ответил:

— Видишь вон тот мысок, что доходит до леса?

— Вижу — говорю ему.

— Вот этим мыском волк и пойдет! — торжественно сказал он.

— Пожалуй, верно, — согласился я, убежденный в правоте моего напарника. Мы быстро договорились: я — стрелок, Ефим — загонщик. И вот я занял перемычку, соединяющую колок с лесом. Осмотрелся, поправил белый маскировочный костюм. По времени, как условились, Ефим войдет в колок с противоположной стороны и стронет зверя. Впереди, откуда я ждал зверя, клин колка хорошо просматривался, несмотря на некоторое загущение веток, среди которых шла летняя тропка, по всей вероятности пробитая скотом. По ней-то и должен пройти волк, прикрываясь растительностью. Но он неизбежно выйдет на более чистое место, где я его и встречу. И действительно, не успев я как следует осмотреться, как впереди, метрах в семидесяти, увидел среди растительности мелькающего зверя. Он шел на махах, в панике, и я понял: волк действительно «знает» Ефима. Радостно забилось сердце оттого, что такой умный, осторожный зверь, а идет там, где мы наметили.

Волк приближался, и я не смог понять по его движениям — безногий он или это другой волк. Зверь бежал, ничем не выдавая свою инвалидность. Вот до него пятьдесят метров, тридцать... Он сбавляет скорость хода на сравнительно чистом месте, вот поравнялся с кустом пожухлой крапивы и... тут же опрокинулся от снаряда картечи.

Скоро, запыхавшись, прибежал Ефим. Еще на бегу он возбужденно кричал:

— Он, он узнал меня! Я и полсотни шагов в колке не сделал, как, вижу, замелькал впереди и понесся как сумасшедший! Перед нами лежал крупный, рыже-белесый, с серыми остевыми шерстинками волк. Он был хорошо упитан. И как-то мало бросалось в глаза, что левая передняя лапа заканчивалась култышкой. Култышка хорошо заросла и стала мозолистой. По всей вероятности, волк на нее опирался.

Мы сняли шкуру и, идя домой, радовались, что правильно определили ход зверя.

Описанные охоты сравнительно легкие. Но вот одна из трудных охот...

Я «сколотил» хорошую бригаду охотников-энтузиастов специально для охот по волкам. Ребята были молодые, толковые и, самое главное, дисциплинированные. Сами сделали окладные флажки на восьми катушках, общей длиной до десяти километров. Провели несколько успешных окладов и две охоты нагоном. Успехи вдохновили членов бригады, начальство было доволно, а охотники всегда были готовы к выезду. Бригада мобильна, состоит из восьми человек моих сослуживцев, которые всегда на глазах. Хорошая связь с районным обществом охотников, куда поступали сведения о появлении волков, сокращала до минимума подготовительные работы.

И вот из Хомутов — отдаленной деревни, поступило сообщение о волках. Туда мы приехали на второй день. На месте выяснилось, что семья волков в составе двух матерых и четырех прибылых две недели разбойничала вокруг. Они зарезали двух телок, переловили восемь собак и, после выпавшего снега, задавили двух молодых лосей. Два световых дня потребовалось нам, чтобы это выяснить и убедиться — волки ушли. Самые свежие, если их так можно назвать, следы были трехдневной давности. Местные охотники, а их всего трое, уверяли — волки местные и даже показали бывшее логово, заболоченную низину с густым черным лесом. Обследовав ее, мы убедились — волки не менее трех раз дневали здесь. А теперь они «отшатнулись» и могут тут появиться через неделю, не раньше. Договорившись с охотниками, чтобы они известили нас о появлении волков, мы уехали ни с чем, потратив двое суток.

Зная жизненный цикл зверей, я был уверен — волки вернутся в родной район. А сейчас они будут бродить по соседним районам в поисках пищи. Не пропустят скотомогильники, будут ловить собак, давить лосей, зайцев, подбирать пададь и замкнут круг в районе своего логова. Здесь поразбойничают с неделю и вновь уйдут, чтобы повторить бродячий круг и замкнуть его вновь в родном болоте...

Так и случилось. На одиннадцатый день прибыл нарочный и сообщил: «Волки вернулись!» — «Когда?» — «Вчера Евстигней однорукий видел всех шестерых недалеко от телятника». Медлить было нельзя, и через два часа команда из шести человек в пути.

Сообщение о появлении волков подтвердилось. Обойдя большой круг, обнаружили их путь в родное болото, предварительно выяснив, что они задавили и почти целиком съели лося-сеголетка. Как быстро и добротно сделан оклад! Вот что значит дисциплина. Правда, с нами был еще один охотник, который упросил взять на волков, он якобы их не раз стрелял. Я ни-

когда не брал на волков случайных людей, но... это был наш общий начальник.

Оклад получился довольно большой, и мы его дважды подрезали. Хотели еще обрезать, да времени не было, короток зимний день. Охота проводилась замкнутым кругом, стрелки внутри круга, а я поднял волков, поджимая их к стрелкам. Стрелки стояли вдоль флажков на расстоянии от них порядка восьмидесяти метров и на таком же — друг от друга. Поставил я и начальника на лаз, указав ему предполагаемый ход зверей. Казалось, что все сделано, все предусмотрено, но... звери ушли. Был взят только один прибитый волк, откочнувшийся от выводка. Стали выяснять причину, почему вышли из оклада волки и через флажки. Оказалось, начальнику место не понравилось. Ему показалось, что лучшее место за линией флажков, и он пошел туда, по пути притоптал шнур с флажками, чтобы волки не боялись идти на него. Постояв там и осмотревшись, понял — слева место еще лучше, и встал там, забыв приподнять шнур с флажками. И все-таки волки вышли на него. Волков он заметил метров за семьдесят. Они шли на него и вышли бы на верные выстрелы, но волчица, шедшая первой, заметила нарушенную им цепь снега, а затем и его, приседавшего, чтобы лучше рассмотреть волков. Увидев охотника, она повернула в сторону и увела семейство через притоптанные флажки. Конфуз! Да! И еще какой! Сначала, при разборе охоты, начальник «твердо» оправдывался, но, когда я его провел ходом волков и объяснил все, как было, он сник и... больше с нами не ездил.

Вот так, по вине одного человека, ушли волки «куда Макар телят не гонял». Пропало еще полтора суток. И только спустя трое суток этот выводок удалось обложить и взять всех.

Здесь хочется отметить члена бригады Э. Коневца. Он из пятизарядного МЦ-21-12 уложил четырех зверей! Случай — единственный за всю мою охотничью жизнь. Волки шли прямо на него, и первым выстрелом он сразил волчицу, вторым — матерого, шедшего последним, а затем одного за другим двух прибылых. Выдержка и точная стрельба охотника достойны похвалы!

Трудно достаются волки, но и затраты оправдываются, ибо урон от волков вдвое больше. Но как дисциплинированные должны быть охотники! Они четко обязаны знать правила охот на волка, его биологию, особенности местности и поведение волков, живущих в ней, правила оклада, поведение стрелков на номере. Они должны уметь подготовить одежду, оружие, патроны для волков и пользоваться погодными условиями. О погоде надо сказать особо. Так, например, в жель — морозные, тихие дни, когда на снегу корка, а шум от шагов слышен метров за сорок — охота троплением невозможна. Мерилом к охоте троплением является погода, при которой

идешь и слабо слышишь свои шаги. Разумеется, шагать надо осторожно. Лучшей погодой для всех видов охот на волка является температура нулевая или плюс один-два градуса и после ночной пороши. Это идеальный вариант. Рыхлый снежок на земле, пнях, деревьях, кустах глушит все звуки, он еле слышно шуршит под ногами. В воздухе как-то глухо. Зверь лежит крепко, подпускает на верный выстрел. А если есть небольшой ветерок, то он только поможет определить, как лежит зверь, и зайти к нему со спины. Не пропусти такую погоду, охотник. Она редка, как награда! Намного труднее охоты, но все-таки результативные, когда температура минус два-три, до пяти градусов и тоже после пороши, при среднем ветре. Приемы те же, и зверь лежит крепко.

Еще труднее охоты, когда температура минус восемь-девять градусов, при ветерке с поземкой, но и она добычлива. Единственный минус — поземка замечает следы, но она же и помогает, мешая слушать зверю, шумом перемещающихся снежинок. Здесь необходимо твердо соблюдать правило: не двигаться по ветру и не забывать, что волки лежат мордой к своему следу и ветру.

Облавные охоты можно проводить практически в любую погоду, кроме явно «не охотничьих». В любую погоду можно охотиться и нагоном с напарником, который «выставит» зверя на стрелка, перекрывшего верный лаз. Обязательно сшейте белый костюм. Он состоит из брюк с резиновыми стяжками в поясе и внизу брючин, куртки на пуговицах (но в поясе резиновая стяжка), берета на шапку с резиновой стяжкой и белых перчаток (рукавичек). При охоте на волка он незаменим.

Кое у кого возникнет вопрос: нападет ли волк на охотника? Мне такого видеть не приходилось. Но в бригаде были два случая покуса волками охотников. Охотник стрелял перепарка и «убил» его. Волк лежал неподвижно. После отбоя охоты охотник подошел к «убитому», ухватил за заднюю лапу и поволок к просеке. Волк неожиданно «ожил» и вцепился в ногу стрелка. Во втором случае стрелок тяжело ранил матерого. Тот ткнулся в снег, но сразу встал и, зло крутя хвостом, и оскалив зубы, пошел на охотника шагом. Стрелок вторым выстрелом «успокоил» его. Но когда охотники подошли к зверю, волк запустил зубы в унт и, прокусив его, поранил ногу и затих мертвым.

Увидишь след волка — иди и тропи его. Он так же, как и заяц, и лисица, делает скидки, сдвигает след, уходит в сторону, послушает и сделает петлю с парой, тройкой скидок, да таких, что и русак позавидует. Затем он ляжет мордой к следу и ветру. Ляжет, чтобы видеть, чует, слышать — что там, за спиной? Его меньше заботит — что там, за спиной. Это волчья слабость, инстинкт, выработанный многими поколениями — «береги след».

УДК 639.127.24

ГУМЕННИКИ КАМЧАТКИ

Н. ГЕРАСИМОВ,
старший научный сотрудник
Камчатского отделения ВНИИОЗ,
кандидат биологических наук
С. АЛЕКСЕЕВ,
директор Кроноцкого
биосферного заповедника
Ю. ГЕРАСИМОВ,
орнитолог

В первые о гуменнике Камчатского полуострова мы узнали из известного труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Почти двести лет спустя о гнездовании гуменника на юго-восточном побережье полуострова сообщил Ю. В. Аверин (1948). Тем не менее в таких солидных сводках, как «Птицы СССР» (ч. 1, 1951), «Птицы Советского Союза» (т. IV, 1952) и более поздних авифаунистических справочниках, этот гусь в число гнездящихся птиц Камчатки не включен.

Мы располагаем свидетельствами местных охотников, что по восточному побережью Камчатки в 30-е и 40-е годы нашего столетия молодых нелетных гуменников отлавливали в низовьях реки Жупанова (53°40' с. ш.). В 1964—1966 гг. южная граница гнездования этого гуся поднялась выше 58 параллели — до реки Хайлуля (Герасимов, Вяткин, 1977) а в 1968—1969 гг. гуси, как-то неожиданно сра-

зу, исчезли и из этого района. В 1965—1967 гг. прекратила существование колония гуменников, издавна гнездившихся на острове Карагинском (Герасимов, 1970).

В несколько лучшем положении находились гуменники Охотского побережья Камчатки, где южная граница гнездового ареала вида доходила, по крайней мере, до реки Голыгина (51°50' с. ш.). Но и на западном побережье полуострова 15—20 лет назад численность гусей резко пошла на убыль.

Встал вопрос о скорейшем принятии мер по спасению камчатской популяции гуменника. В сентябре 1972 г. одним из авторов было проведено специальное обследование территории в срединной части западного побережья Камчатки, после чего здесь учрежден первый «гусиный» заказник «Река Морошечная». Взяты под охрану 1500 км² сильно заболоченного, имеющего массу озер тундрового пространства — исконного места обитания гуменника Западной Камчатки.

В 1974 г. принято решение об организации орнитологического заказника областного значения «Остров Карагинский», территория которого в данном случае рассматривается нами как место остановки мигрирующих гусей и как потенциальный район для их естественной реинтродукции.

В 1978 г. образованы два важных для охраны гусей заказника: «Река Удочка» на Охотском побережье и «Озеро Харчинское» — в центре полуострова. Последний, относительно небольшой — в 100 км² резерват, является, пожалуй, единственным в центральных районах Камчатки местом остановки тысяч белолобых гусей и гуменников в периоды весенних миграций. В 1980 г. на северо-западе Камчатки создан комплексный заказник областного значения «Паланское озеро», в задачи которого входит также охрана мигрирующих и размножающихся гуменников.

В 1982 г. организован заказник республиканского значения «Южно-Камчатский» в местах предотлетного скопления гуменников в августе — сентябре. На следующий год на Охотском побережье в междуречье низовий рек Утхолок и Квачина в созданном заказнике «Утхолок» были взяты под охрану 500 км² предельно обводненной тундры — района размножения местных и линьки 3—4-тысячной стаи прилетающих, в частности, с реки Морошечной гуменников. На той же параллели восточного побережья полуострова был учрежден замечательный заказник «Лагуна казарок» — место осенней концентрации гусей-мигрантов: 5 тыс. тихоокеанских черных казарок, 6—8 тыс. белолобых гусей, гуменников (наши данные 1985 г.).

Кроме постоянно действующих, ежегодно на период весенней охоты по области создается серия сезонных орнитологических заказников, ориентированных на сохранение гусей и других пластинчатоклювых птиц в местах их массовых миграционных скоплений. Таким образом, мы можем говорить о целостной системе заказных территорий, обеспечивающих охрану мигрирующих, размножающихся и линяющих на Камчатке гусей. С 1983 г. гуменник отнесен к числу редких птиц Камчатской области, и охота на него запрещена.

В результате столь «массированных» охранных мероприятий численность гуменников камчатской популяции, но пока лишь на западном побережье, начала заметно расти. В 1985—1987 гг. мы получили ряд сообщений от охотоведов, егерей, охотников о непривычно многочисленных весенних миграциях гуменников на юго-западе Камчатки.

Обнадеживает сообщение охотника В. Н. Клемешова о том, что на реке Жупанова в 1986 г. якобы загнездились пара гуменников.

Первое появление гуменников на полуострове весной датируется концом II декады апреля, в III декаде здесь наблюдается их массовый пролет. До 15 мая большая часть гусей, мигрирующих на север, пересекает 57 па-

раллель. Впрочем, под Ачай-Ваямом, находящимся в 300 км за северной границей полуострова Камчатка, в 1961 г. первые гуменники отмечены 29 апреля (Кишинский, 1980).

10 мая 1972 г. на реке Белоголовой охотник Е. П. Воинов обнаружил гнездо гуся с кладкой из 5 яиц. Егерь Н. П. Миронов 19 июня 1976 г. на реке Морошечной нашел полную кладку гуменника из 3 яиц.

Пока идет насидживание, неполовозрелые гуменники прошлых лет рождения и гуси-одиночки с конца I декады июня начинают откочевку к северу на линьку. Принято считать, что с реки Морошечной птицы отлетают не далее междуречья рек Утхолок и Квачина, однако фактических данных, подтверждающих сообщения местных охотников, мы не имеем.

Самое раннее наблюдение выводков на реке Морошечной — конец II декады июня. В выводках от 1 до 8 в среднем ($n=101$) — 4,4 птенца. В 48 случаях, когда мы были уверены, что встречен одиночный выводок, 8 гусят при паре взрослых зарегистрированы два раза, 7 молодых — четыре, 6 — шесть, 5 — девять раз. Один птенец с парой взрослых отмечен лишь однажды. А вот свежий, довольно редкий факт: 25 июля 1987 г. на реке Фчун, притоке реки Морошечной, с парой гусей находилось 9 молодых. Возможность столь многочисленного вывода подтверждается находкой в 1960 г. кладки гуменника из 9 яиц на реке Алука в Корякском нагорье (Кишинский, 1980); такую же кладку в 60-х годах на реке Ивашка (Северо-Восточная Камчатка) обнаружил охотник Н. Е. Гейченко.

Впрочем, крупные выводки могут оказаться принадлежащими двум и большему числу пар, что весьма характерно для гуменников Западной Камчатки. 15 мая 1983 г. на реке Морошечной вместе с 18 молодыми гусями находилось 6 пар взрослых, зато двумя днями раньше здесь же два старых гуся какое-то время «опекали» 37 молодых, достигших величины вполуполной взрослой птицы. Чаше же мы встречаем объединенные выводки двух находящихся вместе пар.

В конце I — начале II декад августа молодые гуси на реке Морошечной становятся на крыло. В это время сюда начинают подлетать с севера гуси после линьки. В 1986 г., по наблюдениям егеря В. Г. Мироновой, первый гусь возвратился 8 августа, а 13 августа в заказнике скопилось около 7 тыс. гуменников.

Значительное число гусей задерживается на тундрах средней части Западной Камчатки до конца сентября — начала октября. В последние годы здесь встречаются стаи в несколько сотен птиц, общее же число гуменников, жирющих осенью на ягодниках в долинах рек Морошечная, Солочная, Саичик, Ича, исчисляет-

ся, как минимум, 8—10 тыс. особей.

Вместе с тем оставалась загадочной ранняя миграция гуменников, ежегодно со II декады августа и до 10 сентября наблюдающаяся на юге полуострова Камчатка, тогда как о более поздней массовой миграции гусей в этом районе нам неизвестно.

Рост численности гуменников в заказнике на реке Морошечной совпал по времени с таковым на зимовках в Японии. Проверка взаимосвязанности этих фактов стала возможна лишь с применением индивидуального мечения птиц. Заботу об изготовлении цветных шейных колец любезно взяли на себя орнитологи Японской ассоциации охраны диких гусей, возглавляемой доктором Е. Экота и М. Куречи.

3—15 июля 1984 г. на реке Морошечной окольцованы стандартными кольцами и помечены оранжевыми пластиковыми ошейниками 16 молодых гусей. Пять совсем еще маленьких гусят были окольцованы только ножными кольцами.

17—22 июля 1984 г. в заказнике «Утхолок» на озере Мазнто мы отловили и поместили оранжевыми шейными и стандартными ножными кольцами 18 линных взрослых гуменников.

Все птицы — и размножающиеся на Охотском побережье Камчатского полуострова, и отловленные на линьке в междуречье Утхолока и Квачины — принадлежат к восточносибирскому тундровому подвиду — *Anser fabalis serratirostris* Swin.

19—30 июля 1985 г. на озере Мазнто нами отловлены 73 взрослые птицы, а на реке Квачина — 1 молодой гуменник. Все помечены пластиковыми ошейниками оранжевого цвета и окольцованы.

Так, в результате первого этапа работ ошейниками оранжевого цвета были помечены 108 местных взрослых и молодых гуменников. Возвраты и наблюдения их до настоящего времени остаются весьма скудными.

Неожиданным для нас было обнаружение в июле 1985 г. на юге заказника «Река Морошечная» (56°20' с. ш.) нового массового линника гусей. Район линьки гуменников представляет собой систему озер, объединенных общей заболоченной низиной.

21 июля 1987 г. при обследовании этой озерной системы с вертолета мы насчитали 21 группу гусей от нескольких десятков до тысячи птиц в каждой. Общая численность гуменников определена нами в 6—7 тыс. особей.

18 июля 1986 г. на дальнем от моря озере отловлено 16 гусей. По крайней мере, половина из них оказалась принадлежащей к таежному подвиду — *Anser fabalis middendorffii* Sew. — гуменнику, гнездящемуся в Восточной Сибири.

Все эти факты, мы считаем, свидетельствуют о том, что Западная Кам-

чатка является районом линьки для некоторой части гуменников, гнездящихся в Восточной Сибири.

Исключительно результативным оказалось цветное мечение гуменников в 1986 г. В течение первых после кольцевания 10 месяцев 14 из 16 помеченных нами гусей обоих подвидов наблюдались в Японии 95 раз (еще 46 раз код на ошейниках не был прочитан).

Работы с гусями, линяющими на юге заказника «Река Моршечная», продолжались в 1987 г.: 22—27 июля здесь окольцованы и помечены цветными ошейниками 125 гуменников, в том числе 111 птиц таежного и 7 особей восточносибирского тундрового подвида (7 гусей до подвига не определены). Кроме того, на реке Фчун, притоке реки Моршечной, окольцованы 4 молодых гусей местной восточносибирской тундровой формы.

Вес 25 гуменников таежного подвида, линяющих в заказнике «Река Моршечная», колебался в пределах 3,3—5,25 кг, в среднем составил 4,0 кг.

Цветное мечение гусей позволило выявить сроки их появления на местах зимовок. По сообщению японских коллег, в 1986 г. на о. Хоккайдо гусь с желтым ошейником появился 16 сентября, на следующий день зарегистрировано сразу несколько гуменников с нашими метками — ошейниками оранжевого и красного цвета. В 1987 г. первое появление на о. Хоккайдо двух вновь помеченных нами гусей датировано 15 сентября.

Таким образом, раскрывается загад-

ка ранней миграции гуменников на юго-полуострова Камчатка: в то время как после линьки на реку Моршечную начинают возвращаться не гнездившиеся в данном году местные птицы, линявшие в южной части заказника, гуси с материка отлетают вдоль побережья к югу.

Общая схема путей миграции гуменников Камчатки, как мы представляем ее по результатам последних исследований, показана на рисунке.

9 июля 1987 г. при специальном облете юго-западного побережья Камчатки мы обнаружили новое место линьки гуменников — озеро Маковецкое. Оно находится среди труднопроходимых болот правобережья реки Голыгина, в 10 км от берега моря. Площадь водоема около 5 км², линия берега плавная, без мысов и заливов. По ориентировочным оценкам, в 1987 г. на озере Маковецком линяли, как минимум, 3,5—4 тыс. гусей. Статус этих птиц пока не ясен, определение его возможно лишь при работах по мечению цветными ошейниками.

В 40 км к северу от озера Маковецкого на одном из небольших озер правобережья реки Опала отмечена группа линных гуменников в нескольких десятках особей.

Общая численность местных гуменников, обитающих на полуострове Камчатка, на данный период времени, очевидно, находится в пределах 14—17 тыс. особей. Кроме того, вероятно, с III декады июня и до конца I декады сентября на полуострове обитают стаи таежных (и, частично, восточносибирских тундровых) гуменников, прибывающих на линьку из Восточной Сибири. Поголовье этих гусей составляет минимум 6—7 тыс. особей. Мы предполагаем, что птицы, обнаруженные на озере Маковецком, также могут относиться к группе подобных мигрантов.

При оценке численности гуменников Камчатки как объекта спортивной охоты таежного гуменника в расчеты брать нельзя, так как этот подвид находится на полуострове вне охотничьего сезона. Состояние популяции местного восточносибирского тундрового гуменника, с учетом сохранения мер по охране его в системе заказников, позволяет исключить этот вид из списка особо охраняемых птиц Камчатской области. При решении вопроса о возможности регламентированной охоты на гуменника необходимо помнить, что относительно благополучен этот гусь пока только на западном побережье полуострова Камчатка.

Изучение мест массовой линьки гусей показывает настоятельную необходимость подкормки птиц. Задача эта должна решаться ежегодно доставкой в начале июня по 1—1,5 т овса в каждый район линьки гуменников. Затраты по оплате корма и авиарейсов должны взять на себя не только местные органы Главохоты, но также общество охотников и рыболовов и, возможно, другие организации.

Г. Д. ДУЛЬКЕЙТ

На 92-м году жизни скончался один из старейших зоологов Сибири, доктор биологических наук Георгий Джемсович Дулькейт.

Г. Д. Дулькейт родился в 1896 г. во Владикавказе (ныне Орджоникидзе) в семье зубного врача. Отец Георгия Джемсовича — страстный охотник, большой любитель и ценитель природы, привил эту любовь своему единственному сыну и всячески поощрял его склонность к природе.

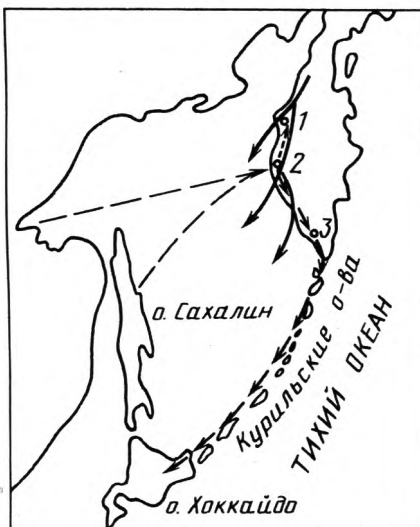
В 1914 г. Георгий Джемсович поступил в Томский технологический институт на шорное отделение. Однако спустя два года учеба была прервана призывом на военную службу в действующую армию.

Заинтересованность и профессионализм

Огромная роль в выявлении и изобличении браконьеров принадлежит работникам госохотнадзора — людям, которые по долгу службы, как правило, первыми сталкиваются с преступниками либо обнаруживают следы незаконной охоты.

К сожалению, многие охотинспекторы, а особенно егеря, ссылаясь на ограниченность полномочий, единственную свою задачу в этих случаях видят в составлении протокола о нарушении правил охоты, который затем, спустя некоторое время, передается в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Причем разрыв во времени порой достигает нескольких недель и даже месяцев. Такая формальная, пассивная позиция приводит к тому, что следы преступления утрачиваются, возможности для сбора доказательств уменьшаются, а значит, возрастает опасность того, что преступление так и останется нераскрытым.

Между тем закон предоставляет органам, осуществляющим государственный надзор за соблюдением правил охоты, некоторые права: например, право досмотра вещей и транспорта, право при определенных обстоятельствах доставлять задержанных в милицию, отбирать объяснения об обстоятельствах допущенного нарушения. Не противоречит требованиям законодательства и осмотр местности, где совершено нарушение правил охоты.

Миграция таежного гуменника: I — на линьку, II — на зимовку.
Миграция тундрового гуменника: III — на линьку, IV — на зимовку.
V — места массовой линьки гуменников: 1 — оз. Мазнто, 2 — озера по реке Моршечной, 3 — оз. Маковецкое.

Годы работы охотником, рыбаком, преподавателем географии, начальником крупной экспедиции «Дальрыбы» на Шантарских островах заведующим зоотехнической частью пантового зверосовхоза «Гамов» дали прекрасный фундамент для научных исследований.

Конечно, в тех случаях, когда факт браконьерства обнаружен недалеко от населенного пункта, единственно правильное решение — сообщить о преступлении в органы внутренних дел и обеспечить до подъезда опергруппы сохранность места происшествия. А как быть, если охотинспектор или егерь натолкнулись на следы преступления в отдаленных районах, за десятки и сотни километров от ближайшего жилья, когда незамедлительно сообщить в милицию просто невозможно? Ведь обнаруженные следы через короткое время неизбежно сотрутся и, следовательно, вероятность раскрытия данного преступления будет сведена до минимума. А ведь кому как не представителям госохотнадзора — профессионалам, прекрасно знакомым с повадками и уловками браконьеров — взять на себя в этих случаях исследовательскую миссию. Конечно, осмотр местности, проведенный работником госохотнадзора, даже с участием незаинтересованных лиц, не может в полной мере заменить протокол осмотра места происшествия, составляемый работником милиции в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Однако при соблюдении определенных правил осмотра и изъятия обнаруженных предметов результаты деятельности охотинспектора или егеря могут быть в дальнейшем использованы следователем для изобличения преступников.

Там, где такая практика сочетается с хорошим деловым взаимодействием между госохотнадзором и органами внутренних дел, результаты, как правило, обнадеживающие. Об этом, в частности, свидетельствует опыт, накопленный госохотнадзором Хабаровского края. Вот одно из показательных подтверждений сказанному.

13 февраля 1985 г. охотовед Ха-

В 1938 г. ему присвоена степень кандидата биологических наук. С 1940 по конец 1951 г. Георгий Джемсович возглавлял научный отдел Алтайского госзаповедника.

С 1952 г. и до ухода на пенсию в апреле 1965 г. работал в заповеднике «Столбы». Затем его плодотворная научно-общественная деятельность продолжалась в качестве члена Научного совета и координатора зоологических исследований заповедника. За книгу «Охотничья фауна, вопросы и методы оценки производительности охотничьих угодий Алтае-Саянской горной тайги» Георгий Джемсович был награжден Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства СССР.

В 1971 г. Георгий Джемсович защищает диссертацию, обобщающую исследования горно-таежной фауны Сибири и Дальнего Востока, ему присуждается ученая степень доктора биологических наук.

Круг вопросов, которым посвящены работы Г. Д. Дулькейта, очень раз-

баровского района И. В. Бородин и охотовед опергруппы Управления охотничье-промыслового хозяйства В. В. Килеско, приехав в республиканский заказник «Хехцир», получили сигнал, что накануне в заказнике были незаконно отстреляны изюбры. Обследовав территорию, они обнаружили пять капканов, в одном из которых находился пойманный соболь, причем приманкой служили конечности изюбра, а также места, где ранее стояло еще двадцать пять капканов. Поскольку стало очевидным, что в заказнике систематически промысляет опытный браконьер, охотоведы продолжали выяснение обстановки. При этом узнали, что один из трактористов на Большом Уссурийском острове видел место свежей разделки животных. Действительно, на острове были обнаружены обрывки шкуры и конечности изюбра. Более тщательно осмотрев окрестности, обнаружили измазанной кровью клочок газеты «Тихоокеанская звезда» с сохранившейся цифрой «69». Определив, что цифры означают номер квартиры, Бородин и Килеско добрались до ближайшего населенного пункта — пос. Бычихи, где на почтамте выяснили: лишь две квартиры в поселке имеют такой порядковый номер. В одной из них проживает одинокая пенсионерка, в другой — егерь заказника Зайкин, о котором ходили смутные слухи. Откладывать дальше было нельзя — и охотоведы поехали в отдел милиции. Уголовное дело было возбуждено незамедлительно, и в тот же день при обыске на квартире и в гараже Зайкина были обнаружены и изъятые восемь шкурок соболя и семь — колонка без заводского клейма, болванка для обезжиривания шкурок, затвор от карабина, а также три капкана, похожие на обнаруженные охотове-

нообразен. Но основные исследования связаны с соболем — ценнейшим представителем таежной фауны. И в том, что соболь восстановил свой ареал и численность немалая заслуга Георгия Джемсовича — одного из пионеров изучения этого зверька в неволе и в природе. Его книга «Вопросы экологии и количественного учета соболя» и ряд других работ вошли в фонд классической охотоведческой литературы.

Научная деятельность Георгия Джемсовича была очень разнообразна. Им опубликовано 80 научных работ, которые известны широкому кругу охотников и любителей природы. За большой вклад в развитие заповедного дела он награжден Большой памятной медалью Всесоюзного общества охраны природы и рядом почетных грамот.

Память о Георгии Джемсовиче Дулькейте — замечательном ученом и добром человеке — навсегда сохранится в сердцах его товарищей и учеников.

Несмотря на тяжесть улик, Зайкин вину свою не признал. Перед следствием встала задача — изобличить нагло отпираться преступника. И решение ее стало возможным благодаря квалифицированным действиям Бородина и Килеско, не только обнаружившим следы преступления, но и составившим грамотные акты обнаружения и изъятия капканов и конечностей изюбра.

Зоотехническая экспертиза, производство которой было поручено Дальневосточному отделению ВНИИОЗ, установила, что изъятые конечности принадлежат не одному изюбру, а двум — взрослой самке и семимесячному теленку, причем отстреляны оба зверя были одновременно. Это позволило опровергнуть версию об отстреле одного изюбра по лицензии.

Доказать же, что обнаруженные в доме Зайкина шкурки были незаконно добыты лично им, помогла криминалистическая экспертиза, проведенная Хабаровской научно-исследовательской лабораторией судебных экспертиз Министерства юстиции РСФСР. На вопрос следствия, одинаковы ли по способу изготовления и другим признакам капканы, обнаруженные в заказнике «Хехцир» и изъятые в доме Зайкина, эксперт дал категорическое заключение: «Да, по устройству, способу изготовления и принципам их работы они одинаковы».

И как ни петлял Зайкин, как ни пытался опытный браконьер отрицать очевидные факты, в конце концов он предстал перед народным судом и понес наказание. И огромная заслуга в этом принадлежит двум охотоведам, проявившим не только высокую профессиональную подготовку, но и заинтересованность в результатах дела.

С. ДАНИЛЮК,
кандидат юридических наук

ОНДАТРА

В. ШИРЯЕВ,
кандидат биологических наук
Всесоюзный научно-исследовательский
институт охотничьего хозяйства
и звероводства
имени проф. Б. М. Житкова

Многочисленные наблюдения, обобщенные А. А. Слудским (1948), Н. П. Лавровым (1957) и Н. С. Гаевской (1966), показывают, что ондатра в основном растительноядный грызун. В течение всего года она поедает вегетативные и генеративные побеги растений водоемов и их береговой кромки и лишь изредка использует в пищу водных беспозвоночных и позвоночных животных. На водоемах с высокой численностью ондатры, где незначительна продуктивность и интенсивность возобновления растительности, отмечались случаи отрицательного воздействия ондатры на растительные сообщества. Особенно часто эти случаи наблюдались в начальный период акклиматизации ондатры в северных регионах СССР, когда в погоне за увеличением численности зверька освоение его ресурсов непомерно затягивалось. Это, в свою очередь, способствовало «пастбищной дигрессии» зарослей кормовой растительности.

В общей сложности в нашей стране отмечено поедание зверьками около 320 видов диких растений и более 50 видов сельскохозяйственных культур (Корсаков, Пашкевич, Кононов, 1979). По данным этих авторов, ондатра использует в пищу 29 видов деревьев и кустарников, 113 видов растений умеренно влажных прибрежных местообитаний, 102 вида болотных и прибрежно-водных растений и 68 видов собственно водных растений. Если виды древесной растительности можно рассматривать как источники случайных кормов, растения береговые и прибрежные как второстепенные или используемые в летний период, то болотные, прибрежно-водные и водные растения доминируют в питании ондатры. Из группы болотных и прибрежно-водных растений наибольшее значение для питания ондатры имеют следующие виды: хвощ топяной и болотный, различные виды осоки, 3 вида камышей, 2 вида рогоза, тростник, вахта трехлистная, сабельник болотный, ежеголовка. В отдельных частях ареала (лесостепи, дельты южных рек и др.) тростник и рогоз, например, используются в течение всего года и составляют основу питания зверька.

Из водных растений основную роль

в питании ондатры играют различные виды рдестов (плавающий, курчавый, пронзеннолистный, гребенчатый, блестящий и др.), гречиха земноводная, уруть, роголистник, ряски, шелковник.

Несмотря на значительный спектр видов, используемых ондатрой в пищу, региональные списки кормовых растений значительно уже: для ондатры Якутии отмечено около 50 видов (Давыдов, Соломонов, 1967); для Татарии — 51 вид (Асписов, 1951); для низовьев Амударьи — около 20 видов растений (Реймов, 1968), для ондатры Казахстана — 25—26 видов (Слудский, 1948; Страутман, 1963). Увеличение перечня используемых кормовых растений в широтном направлении объясняется не только видовым составом и обилием растительности, но и ее доступностью, в результате чего определяется и состав второстепенных кормов.

Избирательная поедаемость отдельных частей растений в зависимости от вегетационного периода, по мнению В. А. Чашукина (1987), зависит не только от изменчивости содержания в них питательных веществ, но и видовых особенностей их химического состава. Дело в том, что в некоторых растениях или их частях (в корневищах кубышки, кувшинки, вахты трехлистной, вежа, в стеблях калужницы болотной и др.) в процессе вегетации и обмена веществ накапливаются алкалоиды, горькие гликозиды и другие вторичные метаболиты, негативно влияющие на теплокровные организмы и ухудшающие кормовые свойства растений. Лишь осоковые, злаковые и рогозовые растения, поедаемые ондатрой наиболее активно, не продуцируют эти метаболиты в большом количестве.

В летний период с учетом непоеданных остатков взрослая ондатра весом в 1 кг использует ежедневно около 4 кг рогоза или 2 кг стеблей тростника, поедая при этом за сутки около 1 кг кормов (Красовский, 1962).

Что касается роли животных кормов, то ондатра использует их повсеместно, главным образом в весенний, осенний и зимний периоды, реже — летом, но в любом случае в основном при недостатке или снижении доступности основных растительных кормов. В ряде случаев увеличение доли животных кормов (насекомые, лягушки) в рационе ондатры может быть вызвано повышением их доступности из-за снижения двигательной активности в отдельные периоды года. В некоторых регионах страны и за рубежом ондатра активно использует в пищу, по-видимому, из-за недостатка микро- и макроэлементов, животные корма независимо от наличия, обилия и до-

ступности растительности. Особое предпочтение она отдает двусторчатым моллюскам (беззубкам и перловицам). Помимо моллюсков, зарегистрировано поедание ондатрой водных насекомых и их личинок, ракообразных и амфибий (чаще всего лягушек). Рыба в качестве корма используется крайне редко.

Возрастные изменения в питании ондатры практически не изучены. Известно, что молодняк переходит на самостоятельное питание растительными кормами в возрасте 2,5—3 недель. В дальнейшем его пища по составу не отличается от пищи взрослых животных.

Растительные и животные корма по-

Ондатра — ценный охотничье-промысловый вид.

Фото А. Рожкова

едаются ондатрой на кормовых столиках, а зимой — в кормовых хатках. Лишь в период появления и воспитания молодняка корма для питания самки и молодняка самец приносит в хатку. Водную растительность зверьки выносят на кормовые столики ранней весной (когда она еще не достигла поверхности воды) и осенью (после ее оседания на дно).

Первым после обследования территории семейного участка на кормежку выходит самец. Самка с молодняком появляется на кормежке позднее. Строгого закрепления кормовых столиков за членами семьи не существует, но обычно самка и молодняк более интенсивно используют кормовые столики на территории, прилегающей к убежищу. Каждая особь может использовать для кормежки один или несколько столиков. Одни и те же столики, расположенные в местах концентрации кормовых ресурсов, могут использоваться несколькими ондатрами и даже членами нескольких семей.

Окончание. Начало см. № 2, 1989 г.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

Кормовой столик ондатры.

Фото автора

Наиболее плодовиты самки в возрасте 2 лет. Средняя продолжительность жизни ондатры — около 3 лет, зверьки старше этого возраста в природе при интенсивном освоении ресурсов встречаются редко — около 2—3 % от общей численности.

Прохолодание взрослых самок незначительно. Оно бывает связано с резким снижением уровня воды в угодьях, когда ондатра вынуждена покидать обмелевшие или обсохшие семейные участки, или в угодьях с повышенной плотностью поселений.

Рассасывание эмбрионов у ондатры незначительно и, по данным отечественных и зарубежных исследователей, не превышает 4 %. Количество щенков, доживающих до осени, колеблется в зависимости от кормовых и защитных условий обитания. Особенно губительно для молодняка резкое снижение уровня воды в угодьях в летний период, что, как правило, увеличивает гибель зверьков от разных причин. В благоприятные годы молодняк составляет до 80 % осенней численности поголовья, в водоемах с неблагоприятными условиями обитания — обычно редко превышает 40 %. Выход молодняка на рожающую самку в промысловой пробе составляет соответственно 40—50 и 10—20 % от суммарной плодовитости за сезон размножения.

В ледоставный период у ондатры снижается агрессивность, и в одних и тех же хатках могут жить как зверьки-родственники, так и особи из смежных поселений, территория которых подвергалась промерзанию или на которой произошло снижение запасов кормовой растительности или их доступности. (Мараков, 1967; Комаров, 1974; Ревин, 1976; Akkermann, 1975; Steiniger, 1976, и др.). Такое формирование смешанных семей обеспечивает благополучную зимовку и способствует нормальной терморегуляции жилищ и убежищ семейного участка.

Что касается полового состава популяции ондатры, то у нее рождается больше самцов, чем самок (соотношение полов при рождении составляет от 1,5 до 1,2 самца на 1 самку), причем это соотношение сохраняется у молодняка до осени. Затем за осенне-зимний период доля молодых самцов сокращается и к началу периода размножения становится близким 1:1. В целом в промысловых пробах в нормальных условиях обитания самцы преобладают и среди взрослых особей. В годы, неблагоприятные по обводнению угодий, соотношение самцов и самок среди взрослых особей изменяется. Уменьшение количества самцов и соответствующее преобладание самок в группе взрослых особей в промысловой пробе свидетельствует о неблагоприятном состоянии популяции ондатры

(Корсакова, 1965; Комаров, 1965; Дмитриев, 1970; Donohoe, 1966, и др.). Связано это с тем, что самцы во временном аспекте в большей степени подвержены влиянию факторов, лимитирующих численность, из-за их большей активности по сравнению с самками. Самка около 2,5—3 месяцев безледного периода находится в убежище или далеко от него не удаляется (особенно в последние периоды беременности и во время появления молодняка). Самец вынужден поэтому наряду с охраной семейного участка носить корм для питания самки и подрастающего молодняка. Самцы первыми вовлекаются в миграционный поток.

Снижение количества самцов в популяции, в свою очередь, может вызывать и увеличение гибели молодняка. В тех семьях, где самец гибнет, молодняк вынужден самостоятельно выходить из убежища в поисках корма и подвергать себя гораздо большему риску, чем те детеныши ондатры, которых самец кормит в гнезде до 40—45-дневного возраста (Корсаков, 1972).

Беременность ондатры длится от 22 до 37 дней. Щенки рождаются слепыми, беззубыми, почти лишенными волосяного покрова, весом около 20 г. В возрасте двух недель их тело покрывается пушистым мехом сероватой окраски. Резцы прорезаются на 3—5-ый день и становятся хорошо заметны в недельном возрасте. К двухнедельному возрасту прорезаются коренные зубы, открываются глаза и ушные проходы. После ювенильной линьки в возрасте двух месяцев ондатры приобретают летний мех или сразу зимний (последнее характерно для зверьков позднелетних и осенних пометов). Исследованиями установлено, что в месячном возрасте ондатры уже способны вести самостоятельный образ жизни, обладают навыками кормодобывания и гнездостроения (Лобачев, Лобачева, 1988).

К осени вес тела зверьков ранневесенних генераций достигает 900 г, а в зимнее время они по размеру практически не отличаются от взрослых. Вес тела месячных зверьков составляет от 100 до 200 г, двухмесячных — от 300—400 г, трехмесячных — от 450 до 500 г и более, четырехмесячных — 650—700 г. Половой диморфизм в размерах ондатры не выражен.

Смертность молодняка разных пометов изучена недостаточно. Очевидно лишь, что для молодняка всех генераций особенно губительны резкие перепады уровня воды в период перехода их к самостоятельному образу жизни. По мнению некоторых исследователей, максимальная смертность молодняка приходится на первые 6 недель их жизни и на их первую зимовку.

Ондатре свойственны миграции. Происходят они в основном в пределах системы водоемов в результате

Ондатра — моногамный вид, ведет семейный образ жизни. Гон у ондатры фенологически связан с появлением проталин на водоемах. Самка активна в поисках партнера. Следует отметить, что в период гона у ондатры наблюдаются черты поведения, повышающие эффективность воспроизводительного механизма популяций: исследованиями зафиксированы случаи спаривания одного самца с несколькими самками и спаривание одной самки с несколькими самцами (Страутман, 1963; Шириев, 1976). Этому же способствуют многократные покрытия самки одним самцом. Спаривание может проходить в воде, на выступах берега, отмелях, затонувших предметах. Гон у ондатры обычно растянут и зависит от метеоусловий сезона: затяжная зима и поздняя весна сокращают период размножения. Овуляция у ондатры спонтанная.

Ондатра — плодовитый зверек, и в благоприятных условиях при наличии возможности расселения на свободные территории численность ее может достигать значительных величин. Не случайно Ч. Элтон (1960) привел ондатру в числе видов, способных бурно размножаться при интродуцировании человеком на новые территории. Средняя плодовитость ондатры составляет 16—20 молодых за сезон размножения, причем самка приносит чаще всего 2 (редко 3) помета.

Средний размер помета у самки 6—10 щенков. Весенний помет бывает, как правило, крупнее на 1—2 щенков. Иногда в размножении участвуют самки текущего года рождения (до 5 %), способные достигать половой зрелости в возрасте 4 месяцев. Следует отметить, что это происходит в годы с исключительно благоприятными условиями обитания и только на водоемах с низкой плотностью поселений ондатры (Корсакова, 1973). Самцы достигают половой зрелости обычно к весне следующего года, а в год рождения в размножении не участвуют.

сезонных изменений условий обитания. В весенний период ондатра расселяется на временно обводняемые территории. В осенний (предлежательный) период направленность миграций имеет обратный характер — ондатра переселяется с мелководных и промерзающих участков водоема на глубоководные. Дистанция таких перемещений — от 500 до 3000 м (Беляев, 1972). Массовые миграции свойственны ондатре также и в условиях перенаселенности популяций, что способствует расселению зверьков на еще не занятые территории, а также в случае резкого ухудшения условий обитания или снижения доступности кормов. В весенний период у ондатры наблюдается расселение и молодых особей, происходящее на ограниченное расстояние от места рождения после распада семей. У ондатры хорошо развит «хоминг» (инстинкт дома), меченые зверьки возвращаются в жилище при удалении их на расстояние до 4 км.

В основном же ондатра ведет оседлый образ жизни. По данным кольцевания 926 ондатр в Баварии, 72 % меченых особей было отловлено в пределах индивидуального участка, 15 % — на расстоянии 1—4 км, 9 % — от 4 до 7 км и лишь 4 % — более 7 км. На северо-западе ФРГ было зафиксировано максимальное расстояние миграции кольцеванной ондатры — 70 км за 6 месяцев. В начальный период акклиматизации скорость расселения ондатры в Центральной Европе составляла 9—70 км в год, в Финляндии и в Швеции — 10—12 км от мест выпуска.

Фауна экто- и эндопаразитов ондатры обусловлена контактированием грызуна с сочленами водно-болотных и прибрежных биоценозов. В целом отмечалось, что в начальный период акклиматизации в Евразии ондатра утратила значительную часть американских форм и видов паразитов, а позднее гельминтофауна и фауна эктопаразитов обогатились за счет видов гельминтов местных зверей и птиц, а также иксодовых и гамазовых клещей, свойственных грызунам — аборигенам, живущим в сходных экологических условиях (Страутман, 1976; Ley, 1967).

Например, если в первой сводке по гельминтам ондатры СССР фигурировало 24 вида гельминтов (Спаский, Романова, Найденова, 1951), то в 1953 г. у ондатры регистрировалось 28 видов гельминтов (Лавров, 1953). В сводке Л. С. Шалдыбина (1965) включено уже 44 вида гельминтов, обнаруженных у ондатры, а А. Н. Каденация (1975) приводит в сводном списке уже 52 представителя гельминтофауны. Следует отметить, что процесс увеличения фауны гельминтов ондатры продолжается.

Ондатра имеет большое эпизоотическое значение. Подробный анализ болезней, встречающихся у этого грызуна, провели А. А. Максимов и

Н. Н. Харитонов (1975). Наиболее характерны для нее острая геморрагическая лихорадка (ОГЛ) и туляремия, реже встречаются клещевой энцефалит, ку-лихорадка, клещевой риккетсиоз, чума, некробациллез, псевдотуберкулез, бруцеллез, пастереллез, паратиф, сальмонеллез, эрзипеллоид, листериоз, лептоспирозы, токсоплазмоз, кокцидиоз и грибковые дерматиты. Часть болезней (туляремия и ОГЛ) могут носить характер эпизоотий, особенно в водоемах, где ондатра обитает совместно с водяной крысой. На водоемах, неблагополучных в эпизоотическом отношении, при освоении ресурсов ондатры следует осуществлять меры профилактики.

Вселившись в водоемы страны, ондатра постепенно стала важным кормовым объектом для ряда наземных и пернатых хищников, в том числе и занесенных в Красную книгу СССР (перевязка, манул, орлан-белохвост и др.). В ряде регионов страны важное значение ондатра имеет в питании лисицы, норки, шакала, хорь степного, колонка, енотовидного собаки, горностая, луня болотного. При высокой численности этих животных они могут наносить существенный вред ресурсам акклиматизанта. В некоторых случаях отмечена и пищевая специализация на ондатре хищников, в частности лисицы. В Прибалхашье в 70-х годах ондатра в течение года встречалась в 62,8 % пищевых остатков лисицы (Злобин, 1974), в Эстонии — в 69 % экскрементов, собранных в конце зимы (Лаанету, 1986), в Якутии — в 64,3 % экскрементов (Ревин, 1976). Особый ущерб хищники, специализирующиеся на добычании ондатры, наносят при ухудшении обводнения угодий.

Помимо прямого ущерба, звери могут наносить и косвенный ущерб разрушением убежищ грызуна, особенно в зимнее время. В Эстонии на оз. Элиствер за зиму 1978/79 г. лисицей было разрушено 54,4 %, на оз. Виртсярв (1983) — 68,8 % убежищ (Лаанету, 1986). В угодьях Нижней Тунгуски количество разрушенных жилищ на отдельных водоемах достигало от 88 до 95 % (Комаров, 1971). Разрушением жилищ с целью добычи зверька, кроме лисицы, занимаются колонки и хорь степной. Кабан же и северный олень разрушают жилища ондатры с целью поедания растительных остатков из строительного материала хатки (Покровский, 1960; Ширяев, 1975; Руковский, 1976).

Кроме пернатых и наземных хищников, ондатру (особенно молодняк) поедают щука и сом в тех стациях, где норные поселения приурочены к кромке водного плеса (Лысенко, 1976; Ревин, 1976; Мараков, Ширяев, 1977, и др.). Поэтому в районах интенсивного ондатроводства численность хищников, вредящих этой отрасли хозяйства, следует контролировать и снижать посредством усилен-

ного освоения их ресурсов, особенно в годы усыхания водоемов.

В тех угодьях, где ресурсы ондатры недостаточно осваиваются промыслом из-за высокой плотности, она может наносить ущерб не только запасам кормовой водной растительности, но и культурному водному хозяйству (полевому и ирригационным системам, прудам), насыпам железных дорог и автострад. Значительный вред вследствие роющей деятельности приносит ондатра в странах Западной Европы, где с нею ведется борьба (зачастую круглогодичная) с применением отравленных приманок. Для защиты насыпей, дамб и плотин применяют металлическую сетку, бетонные плиты, асбокартон и другие материалы, закладываемые в «тело» сооружений при строительстве. Многолетняя, не ограниченная сроками и способами борьба, которую ведут с ондатрой в Западной Европе, лишний раз свидетельствует об устойчивости ресурсов ондатры к интенсивному освоению и о том, какое важное значение в ее жизнедеятельности имеет стабильный гидрорежим в угодьях.

До начала 70-х годов основными районами ондатроводства были Западная Сибирь, дельты южных рек Казахстана и Узбекистана. Так, в 1956 г. в СССР было заготовлено около 6 млн шкур ондатры, причем более 33 % из них — в Казахской ССР, около 18 % — в Узбекской ССР, около 16 % — в Тюменской области (Павлов и др., 1973).

В последнее десятилетие из-за гидростроительства и безвозвратного отъема стока на орошение сельскохозяйственных дельты южных рек практически полностью утратили свое значение для ондатроводства. Сейчас в нашей стране ежегодно заготавливается около 1,2 млн шкур. Основной промысловый район ондатроводства — Якутия, дающая почти половину всех союзных заготовок. Вклад Казахской ССР и Бурятской АССР составляет 5—7 %, от 2 до 5 % дают угодья Красноярского края и Иркутской области. Доля Узбекистана в заготовках шкур ондатры сейчас около 2 %. В связи с увеличением обводненности угодий Западной Сибири в последние годы увеличились заготовки шкур ондатры в Тюменской, Курганской и Новосибирской областях, дающих в общей сложности около 15 % союзных заготовок ондатры.

Промысел ондатры осуществляется капканами № 0 и 1, реже — мордушками или живоловушками. При определении норм отлова необходимо использовать данные пробного вылова семей, осуществляемого в предпромысловый период. По рекомендациям сотрудников ВНИИОЗ Б. А. Ларина, И. Б. Корсаковой и В. В. Беляева (1966), на воспроизводство оставляют от 20 до 50 % учетного поголовья в зависимости от средней величины семьи ондатры (табл.).

Выход молонки в пробе, особей	Средний размер семьи, особей	В % к исчисленным запасам	
		оставить на воспроиз- водство	намечается к отлову
9 и выше	11 и выше	20	80
7—8	9—10	25—30	70—75
5—6	7—8	30—35	65—70
3—4	5—6	40—50	50—60

Рекомендуемые нормы разработаны на большом фактическом материале с учетом зимнего отхода воспроизводственного поголовья в размере 20 %.

Нормы отлова ондатры в целом зависят от условий конкретного водоема и года. Доля особей, оставляемых на воспроизводство, может быть увеличена при улучшении обводнения угодий, при перепромысле ондатры в предыдущем сезоне, при увеличении зимнего отхода воспроизводственного поголовья, после улучшения эпизоотической обстановки. Напротив, нормы отлова увеличиваются: при усыхании и промерзании водоемов (на отдельных промерзающих водоемах вплоть до 100 %), при низком уровне освоения ресурсов в предыдущем году, при наличии в промысловой пробе самок, не участвовавших в размножении, что свидетельствует о повышенной плотности поселений.

Запреты промысла, как уже неоднократно указывалось, не дают положительного эффекта и приводят в конечном итоге к потере продукции. Оправданны они лишь в период восстановления водно-болотных угодий после длительного усыхания, при низкой плотности ондатры, из-за падежа в результате эпизоотий или инфекционных заболеваний, при сильном перепромысле. Продолжительность запрета не должна превышать двух сезонов.

На крупных системах водоемов необходимо практиковать переложный способ промысла ондатры, когда часть гнездопригодной площади водоема (около 75—80 %) облавливается полностью, а оставшееся на необловленном участке поголовье используется для естественного воспроизводства в последующем году. В небольших по размерам водоемах рекомендуется оставлять на воспроизводство 1 семью из 4—5 имеющихся на водоеме до начала промысла.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в настоящий период для расселения ондатры целесообразно использовать особей темной цветовой формы. В изолированных водоемах это позволит создать поселения зверьков с мехом более ценных товарных качеств. На водоемах, где обитает рыжая ондатра, при этом повысится доля особей с более ценной, темной окраской меха за счет гибридизации.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. В 1961 г. в этой стране была создана национальная организация Всемирного фонда дикой природы. За 1973—1986 гг. годовой бюджет фонда увеличился с 750 тыс. до 3,6 млн. ф. ст. (за 100 фунтов — 109 руб.), число членов — с 12 тыс. до 110 тыс., а количество вкладчиков — с 12 тыс. до 450 тыс. Численность штатных сотрудников составляет 70 чел. Организация действует на основе четкого перспективного плана, разработанного и принятого в 1978 г.

Популяция канадской казарки в стране оценивается в 1—1,5 тыс. особей. Она наносит значительный ущерб посевам сельскохозяйственных культур.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ИРЛАНДИЯ. Осенью 1986 г. на Британских островах было учтено 108 тыс. серых гусей, прилетевших в основном из Ирландии. Кроме того, здесь имеются одичавшие серые гуси — потомки 1300 птиц, выпущенных в 1960—1970 гг. (они были отловлены или выращены из яиц, взятых в природе). В 1985 и 1986 гг. таких гусей насчитывалось 13—14 тыс.

ФРАНЦИЯ. Осенью 1987 г. на востоке страны отстрелян европейский благородный олень с рогами, оцененными в 226,81 балла. Прежний национальный рекорд, относящийся к 1977 г., составлял 216,19 балла.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В 1858 г. на территории современной Чехословакии было отстреляно 1028 европейских оленей, 5679 косуль, 1496 ланей, 486 кабанов. За прошедшие сто с лишним лет популяции диких копытных и объем их добычи значительно увеличились. В 1985 г. отстреляно 16077 европейских благородных оленей (по сравнению с 9180 в 1975 г.), 87 292 косули (107 776), 3063 лани (1539), 4914 муфлонов (257), 36 048 кабанов (против 11 763 в 1975 г.).

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА. Ежегодно в период с 1970 по 1979 г. размножающаяся популяция уток составляла на континенте в среднем 62 млн особей. Осенняя популяция — свыше 100 млн особей. Размеры размножающихся популяций 10 наиболее обычных видов уток в 1985 г. составляли (в млн особей): первая цифра — США, вторая — Канада): краквы — 1597 и 3878, шилохвость — 1339 и 1596, серая утка — 464 и 946, свиязь — 969 и 1537, зеленокрылый чирок — 433 и 1440, синекрылый американский чирок — 1190 и 2566, широконоска — 769 и 1156, красноголовый нырок 167 и 539, североамериканский нырок — 126 и 285, черныш — 1339 и 4893. Численность краквы, шилохвости и широконоски в 1970—1985 гг. уменьшалась, остальных видов была стабильной. Число активных охотников на водоплавающую дичь в 1970 г. равнялось 2,4 млн, в 1982 г. — 1,8 млн, причем 80 % их приходилось на США на 20 % — на Канаду. Годичная добыча утиных в 1968 г. составляла 10,8 млн особей, в 1970 г. — 20,2 млн, а в 1982 г. — 14,9 млн, распределяясь между обеими странами примерно пропорционально числу охотников.

Здесь обитает 4 вида лебедей, из которых наиболее обичен тундровый и трубач. В 1984/85 г. зимняя оценка восточной популяции тундрового лебеда составляла 80 тыс. птиц (имеется тенденция к увеличению), западной — 59 тыс. (уменьшается). Насчитывалось 9,96 тыс. трубачей, в том числе 8 тыс. на тихоокеанском побережье (численность увеличивается), 1,46 тыс. в Скалистых горах и 0,5 тыс. — во внутренних районах (популяции стабильны).

США. На Аляске обитает свыше 1200 овцебыков. Их распределение по регионам: Нунавук — 600, остров Нельсона — 250, остров Сьюдад-Халб — 125 и в Восточной Арктике — 235. В порядке регулирования численности в сезон 1982/83 г. было отстреляно 55 «лишних» быков и 37 коров.

СЕЙШЕЛЬСКИЕ ОСТРОВА. За 1960—1985 гг. численность бурой крачки увеличилась здесь с 8,5 тыс. до 600 тыс. пар, и этот вид находится вне опасности. Однако численность ряда редких видов (сейшельской райской мухоловки, цапли, попугая ваза, сейшельских пастушки и совы) не превышает 30—100 особей, а сорочьею дрозда осталось всего 15—20 особей. Ущерб орнитофауне наносят разрушение среды обитания животных, акклиматизация чуждых видов, туризм. С помощью международных организаций осуществляется обширная программа охраны и восстановления уникальной фауны островов.

НИДЕРЛАНДЫ. Весной 1985 г. на 14 изолированных участках было учтено 67 тетеревов. Общая численность этой птицы в стране не превышает 250—300 особей. За последние 45 лет нидерландская популяция тетерева уменьшилась в 5—6 раз.

ИНДИЯ. Большая индийская дрофа относится к числу редких птиц, требующих постоянного внимания. Она была взята под охрану в 1952 г. В 1978 г. в связи с продолжающимся сокращением численности были предприняты специальные шаги по сохранению вида. Создан Пустынный национальный парк в Раджастане. Самые крупные популяции большой индийской дрофы находятся в штате Раджастан и в пустыне Тар, в них насчитывается по 500—1000 особей.

АФРИКА. В январе-феврале 1984 г. проводили авиачет водоплавающих птиц в бассейнах рек Сенегал, Нигер и озере Чад на площади в 1582 тыс. км². В каждом из этих бассейнов учтено соответственно 122,4 тыс., 545,1 тыс. и 868,9 тыс. гусей и уток.

Уважаемая редакция, решился направить вам свою статью. Написал ее еще два года назад и убедился за это время, что вопрос актуальный. Меня постоянно спрашивают охотники, как лучше обработать трофей или как переработать мясо медведя. По незнанию у многих охотников и шкуры пропадают, не говоря уже о черепе. Мы теряем ценнейшие трофеи, украшение выставок, а человек не получает полного удовлетворения от охоты. Начинаешь расспрашивать, и получается, что шкура лезет, череп порублен топором, мясо протухло — собакам скормили.

Я перерабатываю продукцию от охоты на медведя полностью, разве только медвежье рычание не идет в дело.

ЗВЕРЬ ВЗЯТ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Итак, охота завершилась удачно. Зверь взят. Надо умело распорядиться добычей.

Чтобы удобно было снимать шкуру, под бока надо подложить камни или обломки пня, тогда туша не валится на бок. Острым ножом делаем длинный разрез по брюху от анального отверстия до нижней губы, не разрезая ее до конца. Затем по внутренней стороне передних лап выводим разрез на грудину. Задние лапы, чтобы разрез был ровным, необходимо вытягивать, а разрез выводить на анальное отверстие. Тут же надо вырезать желчный пузырь*. Для этого вскрываем ножом брюшину, оттягивая ее пальцем вверх, чтобы не повредить внутренности, и отделяем от печени желчный пузырь. Чтобы не повредить желчь, большим пальцем пережимаем желчная протока и отрезаем часть печени вместе с желчным пузырем. Протоку перевязываем шкурком и деревянной палочкой отделяем желчный пузырь от печени. Чистовую обработку желчи сделаем дома.

При съемке шкуры старайтесь как можно меньше оставлять жира и прирезей мяса на шкуре, самое сложное — это умело снять ее на лапах. Делается круговой разрез на лапе, так как подошва (мозоль) нам на шкуре не нужна. Затем — разрез по пальцевым подушечкам — и оставляем когти (вместе с последними фалангами пальцев) на шкуре.

* Желчный пузырь, по мнению специалистов, можно вырезать и во время потрошения туши.

Снимаем шкуру с головы, осторожно подрезаем ушные хрящи и глазные отверстия и губы, нос отделяем вместе с хрящом.

Шкура снята. Если у вас нет соли, то надо ее переложить сухой травой и сложить конвертом для того, чтобы удобнее было нести из леса. Если нет возможности сделать это сразу, лучше всего ненадолго замочить ее в ручье, придавив крупными камнями. При первой же возможности шкуру надо тщательно просолить и уложить в прохладное место на пролежку.

Теперь приступаем к разделке туши. Отделяем голову, рассекаем грудину и, подрезав диафрагму, целиком удаляем внутренности. С кишок снимаем жир, отделяем ливер. При разделке ту-

ши жир снимаем, срезая его лентами. Окорочка оставляем целиком, жир с них не снимается.

Охотник обязан проверить мясо медведя на трихинеллез.

Основное время добычи зверя — это конец лета — начало осени, когда еще тепло. Поэтому перед охотником стоит вопрос, как сохранить мясо медведя, этот редкий деликатесный продукт.

Чтобы заготовить мясо впрок, из него делают солонину, копченые окорока. Для этого мясу даем остыть сутки в недоступном для мух месте, удаляем из окороков кости, делаем разрезы по мякоти. Затем готовим посолочную смесь из расчета на 1 кг соли 20 г чистой селитры (селитру, идущую на удобрения, не использовать!) и 50 г сахара. Для аромата в посолочную смесь добавляем толченый чеснок, черный перец-горошек, корицу, лавровый лист.

Окорочек тщательно, с силой натираем смесью. Расход — 1 стакан на 5 кг мяса. Подготовленные окорока укладываем в деревянную бочку, посыпав перед этим дно посолочной смесью. Бочку надо сначала обработать кипятком. Можно пользоваться и другими емкостями для пищевых продуктов, но ни в коем случае не оцинкованными. Каждый ряд пересыпаем посолочной смесью, перекладываем очищенными от коры прутьями, чтобы мясо дышало. Посыпав окорок сверху посолочной смесью, бочку закрываем крышкой и ставим в прохладное место с температурой 2—5° тепла.

Через неделю мясо тщательно отжимаем, удаляем выделившийся сок и при необходимости добавляем посолочную смесь.

После 15 дней сухой просолки окорок заливаем рассолом (0,5 кг соли, 100 г сахара, 50 г селитры на 10 литров кипяченой воды). Рассол необходимо процедить. Охлажденные окорока заливаем в бочке доверху, придавив чисто вымытым камнем. Через 15 дней мясо просаливается окончательно.

Солонина из медвежьего мяса — это нежный и вкусный продукт. Готовят ее следующим образом. Нарезаем мясо кусочками по 200—300 г, отделив от костей и сухожилий, и тщательно натираем посолочной смесью (10 г селитры на 1 кг соли). Натертые смесью куски мяса укладываем в чистую тару, дно которой обильно посыпаем смесью. Между рядами надо положить специи, черный перец-горошек и лавровый лист. Уложив все плотно, сверху посыпав солью. Мясо хранится в прохладном месте — погребе или подвале. Через трое суток сухой просолки мясо надо залить холодным рассолом (на 10 л воды — 300 г соли, 5—6 головок чеснока, 10—12 листочков лаврового листа, черный перец-горошек). Мясо накрыть кружком и придавить гнетом. Мясо готово через четыре недели. Перед употреблением в пищу солонину следует вымачивать в воде, сменяя ее несколько раз.

Медвежий жир — это ценнейший продукт, в народной медицине его принимают при заболеваниях легких и как общеукрепляющее средство. Чтобы облегчить перетопку медвежьего сала, необходимо прокрутить его на мясорубке, а затем вытапливать на слабом огне, сливая жир через марлю в чистые сухие банки. Хранить в темном прохладном месте.

Медвежья желчь обладает целеб-

ными свойствами и ее необходимо законсервировать. Для этого содержимое пузыря надо слить в чашечку и над углями медленно выпарить воду, помешивая желчь стеклянной палочкой. Сам пузырь тщательно очистить и подсушить. После полного удаления воды из желчи, когда масса загустеет и остынет, следует скатать из нее тоненькие колбаски и опустить их в желчный пузырь.

Чтобы закоптить окорока, надо изготовить несложную по конструкции копильню. Я, например, в земле прокапываю канаву на ширину штыка лопаты, длиной 6—8 м. Канаву перекрываю кусками старой жести и засыпаю сверху землей. Затем надо сколотить ящик (1×1 м, высотой 1,5 м). Ящик ставлю с того конца канавы, в какой лучше тянет дым, и присыпаю со всех сторон землей.

Добытого медведя привезли на охотничью базу.

Фото И. Болотина

Топка при необходимости должна хорошо перекрываться куском жести для регулирования горения дров. Лучшие дрова для копчения — черемуха и яблоня. Во время копчения на дрова хорошо положить мяту, это придает мясу пикантный вкус.

Перед копчением окорока следует обмыть и, удалив лишнюю влагу, вывесить на сквозняке на 5—6 часов для просушки. Затем окорока обернуть одним слоем марли, чтобы они не по-

крылись сажей, и развесить на крюках внутри ящика, ящик сверху прикрыть мешковиной. Начинать копчение следует слабым дымом, постепенно его увеличивая, температура дыма при холодном копчении 20—30 °С. Время непрерывного копчения — двое суток.

По окончании копчения окорока протираем тряпкой, смоченной в подсолнечном масле, и на 8—10 дней вешаем, чтобы они выветрились и дозрели в недоступном для мух месте.

Череп медведя — прекрасный охотничий трофей, поэтому надо его тщательно обработать. Ножом удаляем мышцы и глаза, мозг — через отверстие в затылке спиралью из проволоки, его остаток и мозговую пленку — сильной струей воды и пинцетом. Очищаем череп от крови в проточной воде, для чего оставляем его на 3—5 дней. Чтобы не испортить череп, окровавленные места надо чистить не ножом или скребком, а струей воды из водопровода. При очистке черепа в стоячей воде в нее добавляют поваренную соль в таком количестве, чтобы получился 1 %-ный раствор. Раствор часто помешивают и меняют.

Череп медведя надо выварить в воде. Для этого в посуду подходящего размера наливаем ручьевую, а лучше дождевую воду — она без примесей. Череп опускаем в холодную воду и только потом ставим посуду на огонь. Ни в коем случае нельзя опускать череп сразу в кипящую воду. Во время варки тупым скребком и пинцетом с черепа постепенно удаляем сухожилия и прирезы мяса. С поверхности кипящей воды снимаем пену и грязь. Выва-

ривание должно продолжаться до тех пор, пока не будут легко отделяться все остатки мышц. Надо иметь в виду, что от продолжительной варки ослабевают костные связи и швы, выпадают зубы.

После варки череп погружаем в чистую проточную воду примерно на восемь часов, затем его кладем в тень на сквозняк и оставляем сохнуть. Высохший череп надо очистить от жира, который выступает на его поверхности в виде темных пятен. Очень эффективным обезжиривающим средством является бензин — достаточно протереть им несколько раз жирные места. Затем череп натираем парафином и полируем чистой тряпкой. Выпавшие зубы вставляем на место на клей.

Первичную обработку и выделку медвежьей шкуры может сделать сам охотник. Если найдется брус или толстая плаха, это — то что нужно. Для удобства обработки шкуры закрепляем брус или плаху на высоте пояса. Край надо заovalить рубанком, чтобы не прорезать шкуру на острых углах. Шкуру прибиваем гвоздями к плахе и сильно вытягиваем. Мездрить начинаем от хвоста к голове остро отточенным ножом с широким длинным лезвием. Обработав один участок, передавигаем шкуру и, снова прибив ее, продолжаем обработку. Ушные хрящи надо вырезать, с головы тщательно удалить прирезы мяса. Затем, если есть проточная вода, шкуру тщательно моем любым стиральным порошком и оставляем, чтобы прополоскать ее, в проточной воде на пару часов, придавив камнями. Когда шкура еще мокрая, из нее легко вычесать репы, изготовив для этого «ческу» из дощечки с набитыми гвоздями. У них напильником нужно закруглить концы. Потом вывешиваем шкуру на просушку шерстью наружу, резко встряхиваем и выколачиваем палкой влагу.

Чтобы сохранить ценный трофей — шкуру медведя, ее нужно выделывать. Самый простой и проверенный способ — выделка при помощи сульфата аммония. «Разбиваем» (мягчим) подсыхшую шкуру гвоздями, обильно посыпав сульфатом аммония. Через 8—10 часов зачищаем остатки жира, удаляя его вместе с сульфатом аммония, и повторяем эту процедуру 2—3 раза. Теперь надо дать шкуре подсохнуть. Остается только прожировать ее 10 %-ным раствором глицерина или хозяйственным мылом, отмять и — медвежья шкура готова.

При современном уровне жизни, пожалуй, никого не удивит коврами и хорошей мебелью. Но когда на стене висит хорошая медвежья шкура, она привлечет внимание любого гостя. И у хозяина трофея будет приятная возможность рассказать о самом дорогом трофее охотника.

г. Змеиногорск,
Алтайский край

Образен, что простое перечисление отдельных статей гончих в стандарте не дает точного и ясного понятия о внешнем виде (экстерьере) собак. Часто для сжатости и четкости определения статей гончих опытные охотники и эксперты применяют особые термины, не всегда понятные охотнику. О них мы и хотим рассказать.

Красив окрас гончих собак. Чепрачный окрас — это когда по основному желтому фону спина и бока покрыты темным чепраком. Иногда чепрак еле заметен. Про такую гончую говорят, что она светло-чепрачная. Бывают гончие багряного окраса и серого. Багряный окрас — это красновато-желтый, по спине чуть темнее, чем к конечностям. Сероватый с подпалинами — это когда на ногах и груди окрас более светлый, отличающийся от более темного окраса спины и боков. Подпалины или подпалы бывают красные, желтые, белесоватые, последние типичны для русских гончих. Черно-

Б. МАРКОВ

ЭКСТЕРЬЕР ГОНЧИХ

пегий окрас — это когда по основному белому фону расположены пятна других цветов. Он типичен для русских пегих и эстонских гончих. Иногда на ногах и на туловище по светлому фону у русских пегих и эстонских гончих встречаются маленькие пятна. Про такую гончую говорят, что она в крапе, который нежелателен. Для русских гончих крап — порок.

Особенностью русских и русских пегих гончих является наличие подшерстка — то есть короткого волоса, покрывающего тело гончей под ее наружной псовиной. Про такую гончую говорят, что она хорошо одета.

«Голова — это пробный камень породности гончей. В ней резче всего сказывается посторонняя кровь», — писал Н. П. Пахомов. Про породную гончую говорят, что она с правильной головой. У такой гончей голова сухая, с заметным мягким переходом от лба к морде, линии верхней и нижней части головы в профиль образуют клинообразную форму у русских гончих и прямоугольник у русских пегих гончих. Такая голова среди бывалых знатоков гончих считается исключительным признаком чистокровности. Иногда говорят, что гончая с хорошей головой, то есть подчеркивают ее пропорциональность в линиях и полное соответствие стандарту. Старые эксперты, чтобы выделить породность головы, часто говорили, что голова блестя типом. Это означало особый блеск — восхищение точными, словно нарисованными кистью знаменитого художника, строгими линиями морды,

черепной части, а также поставом, формой ушей и карих глаз.

Иногда говорят, что гончая лапистая, то есть у нее все части тела пропорциональны. Такая собака ни низка, ни длинна, ни коротка, ни переляка (с прямой спиной без углубления), с правильной головой и гоном.

Если голова слишком велика, круглая, с коротким чутьем, прилобью и толстой кожей — про такую гончую говорят, что она слишком головастая и грубая. Это большой порок.

Часто специалисты по гончим называют голову гончей слишком борзаватой. Это означает, что нет перехода от черепа к морде с заметным мягким уступом, то есть почти прямая линия. У русских пегих гончих голова значительно объемистее, чем у русских гончих, и нередко, особенно у выжлецов, бывает узкая. Гончатники про такую голову говорят, что она в сучьих ладах. Это недостаток. Бывает голова у гончей очень вострощипая — это когда слишком тонкая морда сильно суживается от основания к вощуку (оконечности носа — чутью). Такая гончая очень некрасива.

Если черепная часть слишком широка, говорят, что гончая широколоба. Морду гончей, то есть часть головы от глаза до кончика чутья, еще называют щипцом, который иногда бывает очень коротким. Тогда говорят, что гончая короткощипа. Вздернутое вверх чутье называется курносостью. Про такую голову скажут, что она с переломом, то есть с резким переходом от черепной части к морде. Иногда черепная часть головы слишком выпук-

ла и образует так называемую прилобь. Все указанные изъяны портят вид гончей.

Большое значение имеет правильное смыкание зубов. Если нижняя челюсть короче верхней — это подуздость, если наоборот — бульдожина. Смыкание зубов — прикус должен быть ножницеобразным.

Отвислости или складки кожи в углах губ называют брылями, которые, как правило, являются верными признаками сырой и грубой головы.

Выразительные темные глаза гончей украшают ее внешний вид. Бывают подслеповатые глаза — когда они глубоко посажены или полузакрыты веками. Нужно особенно обращать внимание на выразительные глаза как на средство передачи мысли.

В меру тонкие и строго треугольником небольшие уши русской гончей делают голову особенно породной. Если уши немного приподняты у основания — «они на хряще». Это явный порок.

Корпус — туловище гончих часто называют колодкой. Если колодка приближается к квадрату — то она сбита. Это признак крепкой, сильной гончей. Сильное удаление туловища от квадрата называют растянутостью колодки, что является недостатком.

Живот от грудной клетки к пахам должен составлять поднимающуюся линию, что называется подрывом. Чрезмерный подрыв у гончих нежелателен.

Если линия спины понижается от переда к задку, то такая гончая высокопереда. Обратное явление называется

Определяя стати гончих, охотники применяют особые термины.
Чепрачный окрас русской гончей.

Фото П. Яровицкого

низкопередостью. Высокопередость — достоинство гончей.

Линия спины может быть с небольшим углублением, «с переслежиной», что является недостатком. Гончих с узкой грудью и недостаточно спущенными ребрами называют еще лещеватыми.

Если у гончей передние ноги не параллельны и локотки не прижаты к груди, про такую собаку говорят, что у нее развернуты локотки, то есть «смотрят в поле». Если нижняя часть ноги от запястья к лапе (бабка или пазанок) подались вперед, то у гончей передние пазанки поползли. Когда пазанки не параллельны, а вывернуты наружу — «ноги гончей в размете». Выступающее вперед запястье назы-

Черно-пегий окрас русской пегей гончей.

Фото А. Шнегаса

вают козинцем, который часто бывает у старых собак. Все перечисленные недостатки в той или иной форме ухудшают экстерьер гончей и отрицательно влияют на ее работу в поле.

Задние ноги должны быть изогнуты под тупым углом — напоминая лук. Излишняя лучковатость — порочна. Если пазанки задних ног сильно подались вперед, у гончей — «подлыжеватость». Таким же пороком или недостатком является и прямозадость, когда задние ноги недостаточно изогнуты.

Гончая, вздернутая на ногах — «цыбастая». Гончая должна быть приземистой. Если у задних ног скакательные суставы слишком сближены, то такая гончая с большим недостатком — коровиной.

Лапа у гончей должна быть в комке — пальцы плотно сжаты. От этого зависит успех гончей в поле. Недостатком является лапа распушенная, когда пальцы не сжаты вместе, а разошлись

и лапа плоская, то есть нет высокого бугорка, или русачья лапа с удлинненными пальцами.

Гон (хвост) характеризует породность. По длине гон должен доходить до скакательного сустава и еще лучше не доходить до него. Гончатники про такой гон говорят, что он в окорот. Если гон отклоняется от прямой линии, он «свален или повинуху». Это является недостатком.

Чтобы понимать тонкости экстерьера гончих, собаковод должен безошибочно разбираться в описаниях собак разными экспертами. Применяя все богатство охотничьего языка, старейшие знатоки гончих В. И. Казанский, Б. В. Дмитриев, Н. П. Кишенский, Н. П. Пахомов описывали экстерьер собак кратко, сжато, но достаточно ясно и понятно. Нам нужно учиться у них. Для всех молодых гончатников представляют большой интерес их описания собак. Для сравнения приведу несколько примеров.

В отчете о ленинградских гончих за 1938 г. Н. П. Пахомов так описывает экстерьер русской пегей гончей, получившей большую серебряную медаль: «Скворец, черно-пегий, в румянах, род. 31.03.1931 г. от Звонка и Пчелки. Очень породный, типичный выжлец с хорошей, но чуть грубоватой головой, прекрасная колодка и ноги, но пазанки поползли, в спине переслежина. Гон несет энергично, закинутым на спину».

Чудом сохранились описания гончих Н. П. Кишенским на V Московской выставке в 1903 г. Привожу подлинное описание знаменитых гончих М. И. Алексеева:

«Выжловка «Крутишка». Чепрачная, очень ладная и сравнительно сухая, короткоухая, с хорошими глазами. Правильные и сильные ноги и лапы. Спина с небольшой переслежиной, широкая. Ребра хорошо спущены. Рост 13 вершков с лишним. Большая серебряная медаль и приз». В послевоенное время среди русских пегих гончих Карай Н. Г. Брикошина блистал на многих выставках. Вот как описывает его статьи В. И. Казанский: «Высокопородный, блестящий, типичный, голова хороша по линиям, хороши ухо и глаз. Прекрасная могучая колодка. Ноги хорошие, лишь только в пясти чуть мягковаты. Гон отличный. Держится энергично».

Особенно выделялась знаменитая Фишка II Е. К. Чекулаева — чемпион многих выставок. Вот ее описание экспертом Всесоюзной категории В. И. Казанским: «Очень породная, типичная, отлично сложенная. Голова сухая, очень породная, с прекрасным глазом и ровным правильным ухом. Колодка собранная, ребристая, грудь в меру широкая. Ноги правильные, кости достаточно. Окрашена очень нарядно. Выставлена в отличном порядке. Оценка «отлично».

Из этих картинных описаний охотник может представить себе эталон отличной породной гончей.

Охотнику об охоте.— К.: Урожай, 1988.— 100 000 экз. 240 с. 2 р. 30 к.

В справочном издании рассказывается об охотничьей фауне, правилах охоты, оружии и снаряжении, об охране и мерах по воспроизводству охотничьих животных.

Справочник по заповедному делу.— К.: Урожай, 1988.— 10 000 экз. 168 с. 90 к.

В справочнике приведены краткие сведения по истории развития заповедного дела в Украинской ССР, о современной сети территорий и объектов природно-заповедного фонда республики. Особое внимание уделено охране редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растительного и животного мира, занесенных в Красные книги, правовой ответственности за нарушение заповедного режима, роли заповедного дела в экологическом воспитании населения. Дан список основной литературы по этим проблемам.

Меллума А. Ж. Особо охраняемые природные объекты на староосвоенных территориях (на примере Латвийской ССР).— Рига: Зинатне, 1988.— 2000 экз. 224 с. 1 р. 30 к.

Особо охраняемые природные территории — важная составная часть окружающей человека среды. На примере Латвийской ССР рассматриваются основные научные проблемы создания системы особо охраняемых природных территорий, характерные для районов с преобразованной человеческой деятельностью природой. Показана возможность включения этого древнего направления природоохранной деятельности в систему современных представлений об охране окружающей человека среды. Большое внимание уделяется рассмотрению социальных аспектов деятельности по охране природных объектов. Дается анализ и оценка существующей в республике системы особо охраняемых природных территорий, а также накопленного опыта по решению научных и практических проблем. Рассматриваются задачи и возможности дальнейшего усовершенствования этой системы в Латвийской ССР.

Полещук Михась. Охотничьи тропы.— Мн.: Полымя, 1987.— 42 000 экз. 222 с., ил. 80 к.

В книге собраны рассказы о необычных, порой забавных случаях из богатой охотничьей практики автора. Отличительная особенность повествования — влюбленность в неброскую красоту белорусской природы, умение видеть в жизни леса и его обитателей такие детали, которые многие из нас, совершая моторизованные вылазки «на природу», замечать разучились. Рассказы об охоте, о зверях и птицах перемежаются авторскими размышлениями, заставляющими задуматься о нравственных аспектах наших взаимоотношений с природой.

Охотники, отдающие предпочтение охоте на птицу, копытных и при случае на другие виды мелких зверей, стремятся приобрести собаку, близкую по рабочим качествам к лайке, но более удобную для содержания в городской квартире.

Таковыми породами в наших условиях являются курцхаар и дратхаар. Не останавливаясь подробно на широко известных качествах этих собак, могу ска-

Первый класс — один диплом II степени по этим же видам дичи или два диплома III степени, один из которых по тем же видам дичи, или два диплома III степени, один из которых по тем же видам дичи, и повторный III степени по кровяному следу или подсадному кабану или один повторный диплом II степени по водоплавающей дичи.

Второй класс — один диплом III степени по тем же видам дичи, или один диплом III степени по подсадному кабану или кровяному следу, или один диплом II степени по водоплавающей дичи.

легавых должен быть только с учетом работы собаки по зверю при наличии общих требований к работе легавой по классическим видам дичи.

Некоторые эксперты ставят под сомнение необходимость испытания континентальных легавых по подсадному кабану. Но испытания по кровяному следу преследуют цель добора подранка, в том числе кабана. Следовательно, встреча с живым зверем, да еще раненым, неизбежна и обязательна. Так как же можно отрицать необходимость этих испытаний? Собака должна быть заранее подготовлена к встрече со зверем, уметь работать

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЕ УНИВЕРСАЛЫ

зать из личного опыта и анализа полевых испытаний по кровяному следу и водоплавающей дичи в Чувашской АССР, Ульяновской и Кировской областях, что курцхаары и дратхаары — непревзойденные полевые работники по утке и занимают прочное второе место после таксы в работе по кровяному следу и розыску подранков.

Если учесть, что охоты на водоплавающую дичь и копытных в последнее время стали основными на территории РСФСР, применение континентальных легавых (а дратхаара в особенности из-за его удивительной приспособляемости к нашему суровому климату) стало реальной необходимостью, что и подтверждается ростом поголовья этой породы. По данным Я. Русанова, охотники без собак теряют более 40 % отстрелянных уток. Недооценивать в этом случае роль дратхаара на утиных охотах не могут даже убежденные противники этой породы.

Введенные в 1981 г. правила испытаний собак по водоплавающей дичи, подсадному кабану и кровяному следу дали толчок к увеличению количества дипломированных дратхааров в различных регионах страны, но из-за своей половинчатости не оказали заметного влияния на развитие пород.

От имени группы экспертов по легавым породам предлагаю для рассмотрения следующий вариант комплексной оценки (бонитировки) континентальных легавых, отражающий разносторонние качества собак. Оценка в своей основе приближена к европейским требованиям.

Класс элита — два диплома II степени, один из которых по болотной, полевой или боровой дичи, повторный диплом по кровяному следу или подсадному кабану или один диплом II степени по этим же видам дичи в комплексе с дипломом III степени по кровяному следу или подсадному кабану.

Третий класс — один диплом III степени по водоплавающей дичи. При этом баллы за универсальность необходимо учитывать следующим образом: дипломы по зверю (кровяной след и подсадной кабан) — за диплом I степени — 5 баллов, за диплом II степени — 3 балла, за диплом III степени — 2 балла; дипломы по водоплавающей дичи: за диплом I степени — 3 балла, за диплом II степени — 2 балла, за диплом III степени — 1 балл. За дипломы по боровой и полевой дичи оставить существующие расценки. Действующая таблица бонитировки безусловно требует пересмотра. Дипломы по зверю (кровяной след и подсадной кабан) получить гораздо сложнее, чем диплом по утке. Отражаться на комплексных оценках они должны по-разному. Допуск же в класс элита для континентальных

Курцхаар и дратхаар — непревзойденные полевые работники по утке и занимают прочное второе место после таксы в работе по кровяному следу и розыску подранков. Дратхаар.

с ним и обязательно обладать необходимой злобой. Причем наукой и практикой доказано, что злоба к зверю, кроме приобретения этих качеств тренингом, передается генетически потомству. Работу по утке нельзя считать зверовыми качествами легавой собаки. По утке обязаны работать почти все породы охотничьих собак, а легавые в особенности. Континентальные же легавые работают по утке с особой страстью, и поэтому диплом II степени для них не достижение, а, скорее, норма.

Многие считают, что надо ввести правила испытаний по болотной, боро-

вой и полевой дичи для континентальных легавых с учетом особенностей их следовой работы.

Росохотрыболовсоюз пора принять изменения правил испытаний для континентальных легавых, и в особенности комплексных (универсальных) испытаний и состязаний по классическим видам дичи, зверовым качествам и водоплавающей дичи с присвоением победителям звания универсального полевого чемпиона.

Очень робко, почти ощупью начинают комплексную полевою подготовку континентальных легавых областные секции Средневолжского региона и Урала. Особенно заметно это было на межобластных комплексных состязаниях легавых 3—7 августа 1988 г. в г. Халтурино Кировской области. Такая неуверенность и робость в первую очередь вызваны отсутствием специальной литературы и твердой разработки методики проведения этих испытаний.

Комплексные состязания Росохотрыболовсоюз надо проводить по зонам ежегодно, чтобы, кроме массовости, приобрести опыт, учтя все прошлые ошибки.

Отказались от участия в этих новых и нужных состязаниях команды Москвы, Ленинграда и Калининграда. Участие команд этих крупнейших кинологических центров было необходимо. Команды Кировской, Свердловской областей, Чувашской АССР, Пермской области обменялись опытом комплексной подготовки легавых.

Я не согласен с экспертами М. П. Павловым и С. Л. Берманом в том, что у нас в СССР нельзя найти дратхаара, полностью соответствующего своему назначению. Порода надо уметь видеть не только на ринге, но и в поле, работая с ней по всему комплексу, а не только «по перу». Этим-то как раз и характеризуется порода и смысл ее выведения. Приближение нашего отечест-

венного дратхаара к исходному немецкому типу по экстерьерным и полевым качествам, должно базироваться на последовательной и разумной племенной работе, направленной на улучшение качества породы. С 1986 г. в секции легавых Чувашского республиканского общества охотников допускают к племенному использованию дратхааров только при наличии полевых дипломов по всему универсальному комплексу и оценке экстерьера не ниже «очень хорошо». В вязках участвуют производители с наличием кровей собак, вывезенных из-за рубежа или их прямых потомков. Такая жесткая постановка вопроса в племенной работе с породой уже начинает давать положительные результаты. 80 % потомства обладают хорошими зверовыми качествами, подтвержденными полевыми дипломами не только в своей, но и в других областях, имеют высокие оценки экстерьера.

В августе 1989 г. в Чебоксарах намечено провести вторые в РСФСР комплексные состязания легавых для зоны Поволжья. Участники и эксперты обменяются опытом и, вероятно, выработают общую программу по ведению племенной работы с породой и обмена генофондом в своем регионе. Все это осуществимо и должно принести пользу.

В большинстве регионов РСФСР, например в Горьковской, Ульяновской областях, Татарской и Башкирской АССР и во многих других местах, даже при очень скудном, а порой и единичном генофонде породы легавых производителей вяжут без учета особенностей разных племенных линий («лишь бы были борода и усы»), не говоря уже о наличии разносторонних полевых качеств спариваемых партнеров. Нигде до конца не знают, что делают, к чему придут в конечном итоге и что из этого получатся.

В московской секции дратхааров все

основные пять ранее существовавших линий, которые мы считаем отечественными, настолько запутаны и перемешаны между собой, что выделить в чистоте отдельную и обособленную племенную линию давно уже стало невозможно. Поэтому отдельные недостатки экстерьера или полевых качеств повторяются в наших дратхаарах почти во всех регионах страны и являются общим недостатком.

На мой взгляд, порода дратхаар сегодня нуждается в серьезной селекционной работе (если мы хотим выходить на европейский уровень). Необходимо интенсивное прилитие в породу импортных племенных линий, рекомендованных крупными международными специалистами, а не крови случайно завозимых из-за рубежа собак, так как от такой стихийной селекции процент брака бывает большим.

Координацию, планирование и централизованное методическое руководство племенной работой, на мой взгляд, должна осуществлять центральная породная секция, возглавляемая группой опытных и авторитетных экспертов.

Что развитие собаководства ведется стихийно, а не планомерно, никто сегодня не в состоянии опровергнуть. Только благодаря экспертам на местах, которых, к сожалению, очень мало, собаководство еще еле-еле держится на плаву, хотя и напоминает полустатонущий корабль во время штиля. Такова горькая правда. Центральные породные секции должны сыграть главную роль в становлении охотничьего собаководства.

Кинологический совет — это законодательный орган, утверждающий разработки секции. Обязанностью центральной породной секции должен стать сбор информации и ее накопление о той или иной племенной группе или линии, ее обработка на ЭВМ и разработка рекомендаций для развития наиболее ценных линий или отдельных производителей. Племенную работу пора поставить на научно-практическую основу.

Между секциями дратхааров Кировской области и Чувашской АССР будут организованы обмен и обработка на ЭВМ информации об основных производителях породы в этих областях и проведение совместных полевых мероприятий. В это товарищеское сотрудничество не закрыт вход ближайшим соседям по Волго-Вятскому региону и Уралу. Польза от такого обмена безусловно будет большой. Я думаю, что такая система организации племенного дела в охотничьем собаководстве приемлема для любой породы и только повысит ее качество. Интенсификация охотничьего хозяйства и рациональное природопользование требуют от нас качественно новых изменений, перестройки работы и творческого мышления.

Численность копытных на территории лесопаркового защитного пояса Москвы последние годы удерживается на довольно высоком уровне. Зимняя охота не оказывает заметного влияния на количество животных, заходящих в столицу и пригородные поселки. Заходы трудно прогнозировать, причины их мало изучены. По нашим наблюдениям, они связаны с сезонными перемещениями животных. Период массового появления лосей в черте города (более 65 %), приходится на май — июнь. Как правило, это лоси в возрасте одного года, которых самки отгоняют во время отела (часто встречаются двойни). Вторая «волна» отмечается в конце августа — начале октября, когда заходят взрослые лоси, преимущественно самцы, что связано, несомненно, с периодом гона. Лоси в это время представляют наибольшую опасность для людей и дорожного движения. Появление животных на улицах города нарушает движение транспорта, приводя к происшествиям, в которых пострадавшими оказываются как люди, так и звери. Были случаи гибели людей в автокатастрофах, а также в результате нападения кабанов и лосей.

При управлении лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома была создана специализированная служба для экстренного удаления животных с территории города. Спецслужбу организовали в конце 1980 г. В состав службы вошли ветврачи, охотоведы, егеря, водители.

Спецслужба столкнулась с рядом юридических вопросов, вызванных тем, что иммобилизация (обездвиживание) диких животных производится на территории многонаселенного города при помощи огнестрельного оружия, в том числе нарезного. Выезд оперативных групп осуществляется по сообщению дежурного ГУВД Мосгорисполкома, и ответственные решения должны приниматься на месте происшествия без промедления.

Работа спецслужбы складывается из следующих этапов: выезд оперативной группы по сообщению дежурного ГУВД; обездвиживание или отлов животных в присутствии сотрудников милиции; оформление акта обездвиживания; транспортировка животных к месту передачи соответствующим организациям. Так, за 5 лет (с 1983 по 1987-й) в Москве

1. Массовые выходы лосей на дороги осенью опасны для автотранспорта.

Фото
И. Новиченкова

2. Кабан на ул. Правды.

Фото
И. Новиченкова

3. Были случаи нападения лосей на людей.

Фото
Н. Немнонова

4. Лось в Щелковском районе Москвы.

Фото
И. Новиченкова

5. Олени не только переходят железную дорогу, но порой и ложатся на ее полотно.

Фото
Н. Немнонова

ЛОСИ И КАБАНЫ НА УЛИ

было отловлено 185 лосей, 34 кабана, 9 пятнистых оленей, 5 косуль, 11 ланей, 1 лебедь, 3 куницы, 1 енотовидная собака, 2 обезьяны, 4 краквы, 1 сова, 1 лисица, 2 ястреба-тетеревятника, 3 барсука. Для отлова этих животных использовали специальные препараты, сети (с ячейками 30×30, 70×70, 100×100 мм), сачки и клетки.

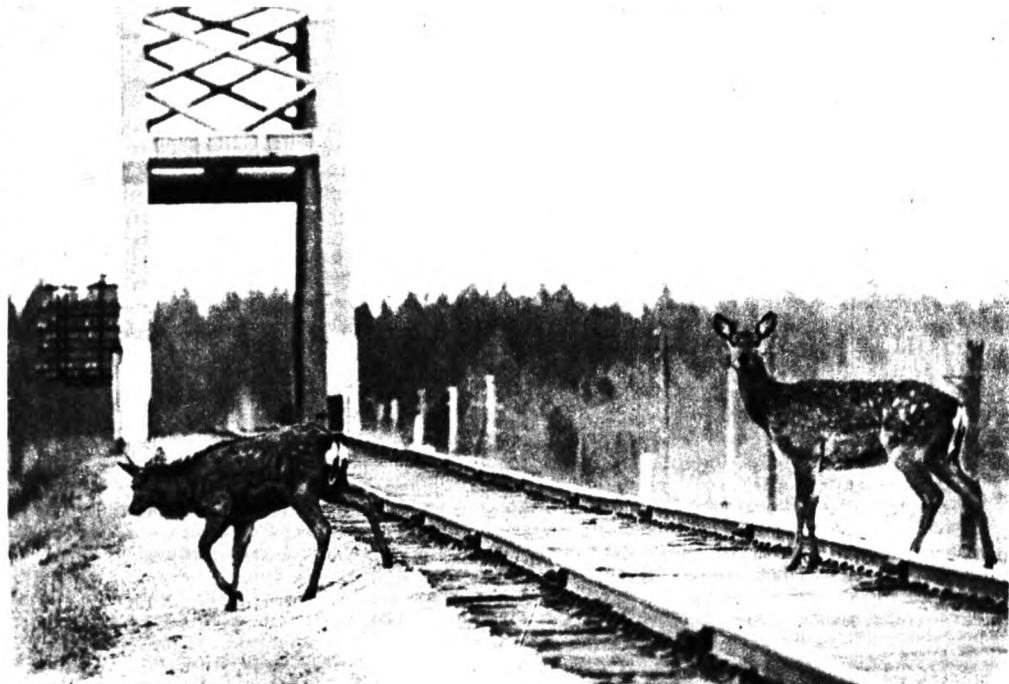
Для работы в городе сотрудники спецслужбы имеют два ружья ИЖ-18 12-го калибра с цилиндрической сверловкой ствола, позволяющей использовать устройство Новиченкова. Эти устройства наиболее приемлемы для работы в городе из-за своей безопасности и возможности хранения в снаряженном состоянии более двух месяцев, что особенно удобно при передаче комплекта устройства дежурными оперативных групп. Для снаряжения устройства применяют дитилин в виде пасты, который позволяет использовать мясо животных в пищу людям. Это очень важно, так как большинство лосей, зашедших в город, травмированы и выпуску в угоды не подлежат.

Для животолова на закрытых территориях применяют ружья ИЖ-18М 28-го калибра с цилиндрической сверловкой

ДАХ МОСКВЫ

5.

ствола. Заряжаются они летающими шприцами типа «шприц-пуля», по классификации В. А. Комарова, и пневматические винтовки ИЖ-38 со специальными пулями типа «стрелка» с пастой.

В. ФЕЛЬДМАН

СОДЕРЖАНИЕ ПОДСАДНОЙ

В редакцию поступило письмо В. Давыдова из г. Сергача Горьковской обл.: «Мне бы очень хотелось, чтобы на страницах нашего журнала были подробные освещения вопросов чисто практические — как содержать, кормить, разводить подсадных уток, как готовить их к работе». По просьбе редакции на вопросы читателя отвечает Я. Русанов, много лет занимающийся подсадными утками, автор книг «Подсадная утка и охота с ней» [М., 1975] и «Водоплавающая дичь» [М., 1987].

Я. РУСАНОВ,
биолог-охотовед

Ограничения, а то и полные запреты весенней охоты не дали за много лет ни увеличения численности водоплавающей дичи, ни повышения темпов ее воспроизводства. Следовательно, представление о вредности весеннего отстрела селезней так и осталось нигде и ничем не подтвержденным домыслом. Это, конечно, не заставит глашатаев запретительной политики сдать свои позиции, не раз еще будут обыграны старые и изобретены новые доводы в защиту запрета. Однако сейчас надежды на возрождение весенней охоты становятся реальностью и соответственно растет интерес охотников к почти забытым правилам содержания подсадных уток и подготовке их к охоте.

Имея в виду приобретение подсадной утки, вряд ли целесообразно говорить о ее выборе по голосу и манере крика, так как для большинства из нас возможностей для этого просто нет. За годы гонений на весеннюю охоту у большинства любителей утки перевелись. В охотхозяйствах, где поголовье их сохранилось, их разводят в основном для выпуска в угодья и последующего отстрела и на их рабочие качества уже давно не обращают внимания. Правда, Центральная научно-исследовательская лаборатория Главохоты РСФСР ведет работы по выведению подсадных для охоты с ними, а некоторые энтузиасты сберегли ограниченное число кровных подсадных. Но всего этого явно недостаточно, чтобы каждый желающий мог раздобыть хорошую крякву. Чаще всего приходится довольствоваться тем, что удастся достать — только бы утка ростом, сложением, оперением не отличалась заметно от дикой кряквы.

Если подсадная станет работать, селезень будет к ней подлетать, каким бы голосом ни наделила ее природа. Пусть лишь некоторые из холостых «кавалеров» соблазнятся визгливым или, наоборот, слишком басистым зовом — охота все же будет лучше, чем вообще

без утки. А вот не работающая кряквая — наказание для охотника. Каково видеть плавающего в двухстах метрах селезня, на призывное «шварканье» которого ваша утка вообще не реагирует, а то и принимает меры, чтобы укрыться от непрошеного гостя!

Чтобы избежать огорчений, подсадной необходимо обеспечить нормальные условия содержания и подготовить ее к охоте. Только в этом случае прирожденные свойства утки — стремление к обществу себе подобных, а весной к контакту с селезнем — могут проявиться в полную силу. Хворой, заморенной плохим содержанием подсадной не до общества и тем более не до «любви». Единственное ее стремление — забиться в укромное местечко и пересидеть, перемочь свое нездоровье. Голодной подсадной тоже не до компании. Очувтившись на воде, она тут же принимается жировать, не обращая ни малейшего внимания на пролетающих птиц. Всю зиму не видевшая воды, а значит, не ухаживавшая за своим оперением, утка тоже работать не будет: она сразу начнет намочить, мерзнуть, стремиться на берег. Лишенная возможности выбраться из воды, она может и утонуть. Но и здоровая, сытая, чистая пером кряквая, не знаящая до охоты ничего, кроме своего двора, оказавшись в угодьях, боится окружающего простора, пугается безобидных птиц — чибисов, чаек, цапель. Подсадная, не привыкшая к привязке, будет рваться, дергать шнур, биться на воде. Чтобы освоиться со всем этим, ей нужно время, а где оно у охотника, выбравшегося в угодья на два-три дня?

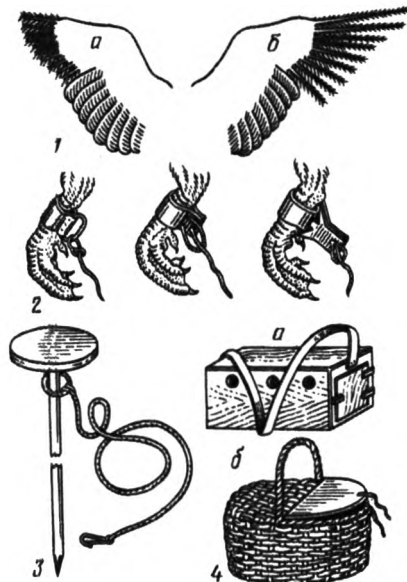
Содержание подсадных в сельской местности несложно: птицы эти неприхотливы, не боятся холода, охотно поедают самые разнообразные корма, редко болеют. С весны до глубокой осени, если они могут гулять во дворе, саду или достаточно просторной вольере и систематически купаться, уход за ними ограничивается двухразовым кормлением и частой сменой воды в устроенной для них «ванне». Кормить можно зерном, комбикормом, хлебом, а все остальное (зелень, животные корма) они отыщут себе сами. Там, где уток приходится содержать в небольшом загоне, обеспечение их всем необходимым осложняется. Птицам приходится давать корма и витаминные (клеввер, листья одуванчика, резаные овощи), и животные (мясные и рыбные отходы, дождевые черви). Необходимо это и в период зимнего содержания, но в холода подсадных следует кормить трижды в день и не давать им того корма, который сильно мажет оперение (вареный толченый картофель, мешанки из комбикормов). При-

липший к перьям корм быстро засыхает или замерзает и, пробуя очиститься, утки общипывают, а то и выдергивают отдельные перья, снижая тем свою ненамокаемость. По той же причине в морозы уток лучше не поить водой, а заменять ее снегом. Зато любая оттепель должна использоваться для купания.

Водные процедуры для подсадных имеют исключительно большое значение. Утка не намокает потому, что систематически смазывает перья жиром своей кобчиковой железы, но смазывать она станет только совершенно чистое оперение. Долго не купавшаяся подсадная, добравшись до воды, будет плескаться, нырять, шлепать крыльями и вскоре совершенно намокнет. Тогда, выйдя на сухое место, она тщательно клювом очищает и отжимает перья и занимается их просушкой. Обсохнув, снова начинает мыться — и так несколько раз подряд. Только убедившись, что никакой грязи на ней не осталось, подсадная приступает к смазыванию оперения. Набрав клювом жира с кисточки кобчиковой железы и обсалив о нее перья головы, она затем разносит смазку всюду, где та требуется. Чем чаще предоставляется утке возможность купаться, тем чище у нее будет перо, тем тщательнее она будет его смазывать и тем меньше будет намочать на охоте.

Когда-то лучшими местами для зимней передержки подсадных считались мельничные каузы, те места, куда из-под мельничного колеса под плотину падала струя воды и где сохранялась полынья, не замерзавшая даже в сильные морозы. Возле нее и устраивался утиный загон. Птицы всю зиму купались, выбирали из воды всевозможные помольные отходы, великолепно себя чувствовали и совершенно переставали намочать. На любом течении такие подсадные могли высидывать с вечерней и до утренней зари. Многие не только городские, но и сельские охотники на зиму отдавали своих питомцев мельникам, выплачивая за это иногда довольно солидную мзду. Теперь мелкие водяные мельницы исчезли, и на поддержание уток в рабочей форме приходится тратить много усилий. Если крепкие морозы долго не ослабевают, уток, хотя бы раз в неделю, нужно купать дома, наполнив водой ванну или корыто. После того, как они намокнут, следует дать им время высохнуть в тепле и только потом перенести в предназначенное для них помещение. Все это, конечно, очень хлопотно, но другого пути нет.

Помещением для уток может служить любой непродуваемый и достаточно светлый сарай или даже большой ящик, в котором на одну подсадную

Подготовка подсадной к охоте:

1 — обрезка крыльев подсадной утки (а — неправильная, б — правильная); 2 — типы ногавок; 3 — кружок, кольцо и шнур для высадки подсадной утки; 4 — садки для подсадной утки (а — ящичный, б — плетеный).

приходилось бы не меньше 1—1,5 м² площади. Пол нужно устлать подстилкой (солома, опилки, сухая торфяная крошка) и почаще ее менять. Требуется это не столько для тепла, сколько для поддержания в целости оперения птиц. Присевшие отдохнуть, утки часто примерзают отдельными перьями к заляпанному пометом полу, а поднимаясь на ноги, эти перья обрывают. При хорошей подстилке такая опасность исключается. В помещении, где содержатся утки, следует систематически убирать, менять подстилку и вообще стремиться к поддержанию чистоты. Ни летом, ни зимой криковых уток не нужно перекармливать. Корму каждый раз следует давать столько, чтобы он полностью, без остатка поведалься, но птицы не оставались голодными. Зерна на одну утку требуется примерно 100 г в день.

Очень важно приучить к себе подсадную, завоевать ее доверие. Ручная криковая не только удобна на охоте (ее легко высаживать на воду и снимать по окончании зари), но и работает лучше, чаще подает голос, словно для общения с хозяином и даже отвечает криком на его призывное посвистывание. Если случится, что такая утка отъезжалась, то поймать ее просто, тогда как дишащую изловить почти невозможно.

Приручить подсадную несложно: нужно лишь уделять ей больше внимания, сидеть рядом, когда она кормится или купается, давать с руки лакомую пищу, брать почаще в руки, сажать на колени. Делать все это следует ласково, осторожно; резким, гру-

бым хватанием, преследованием или ловлей с помощью сачка можно только испортить дело. Встречаются, правда, утки (главным образом среди метисов от дикого селезня) очень пугливые и недоверчивые, которых приручить трудно, а то и невозможно, но большинство подсадных привыкают к хозяину быстро, особенно если утка у охотника одна. Тут контакт с владельцем словно бы удовлетворяет потребность птицы в общении.

Однако, живя в одиночестве, подсадная за лето, осень и зиму может настолько отвыкнуть от общества себе подобных, что весной начинает бояться своих вольных собратьев. Поэтому если уж приходится держать одну утку, то весной, а при возможности и зимой ее время от времени нужно выносить туда, где держатся дикие краквы. Сейчас, когда последние в значительном количестве зимуют на многих городских водоемах, дело это вполне осуществимое. Но наиболее целесообразно держать утку с селезнем или двух уток и селезня. Это тем более выгодно, что при совместном содержании двух подсадных они очень привыкают друг к другу, постоянно держатся вместе и порознь скучают. На охоте разведенные подружки работают гораздо активнее, каждая зовет к себе другую. Когда вместе живет больше трех-четырех уток, приучить их к себе сложнее и редко удается сделать их полностью ручными.

С приближением весны, появлением обширных луж талой или освободившейся ото льда воды в работе с подсадными наступает весьма ответственный период. Это так называемое вызаривание уток, иначе говоря, приучение их к привязи и той обстановке, в которой они окажутся на охоте. К этому времени для каждой утки должны быть приготовлены удобный садок для ее переноски и надежная привязка, состоящая из ногавки и шнура. Первая представляет собой полосу нетолстой, но прочной и не растягивающейся при наматывании кожи шириной около 15 мм и длиной около 50 мм. Ею, как браслетом, охватывают плюсну подсадной и концы либо наглухо сшивают, прикрепляя к ним легкое металлическое колечко, либо через них три-четыре раза продергивают шнур так, чтобы, затянутый, он надежно удерживал ногу на утиной лапе. В первом случае ногавка остается на лапе подсадной в течение всего весеннего сезона, а шнур к ней привязывается или пристегивается, когда утку нужно высадить на воду. Во втором случае ногавка закреплена на шнуре и надевается на подсадную только в часы вызаривания и охоты. Очень важно, чтобы ногавка не была ни слишком тесной (не перетягивала плюсну утки), ни слишком свободной, позволяющей подсадной выдернуть из нее лапу.

Шнур длиной 2—3 м лучше всего делать плетеным из трех капроновых или дельевых ниток толщиной около

1 мм каждая. Витые шнуры неудобны тем, что, наматывая, они свиваются, путаются и ограничивают свободу передвижения подсадной. Еще хуже использовать для шнура сатурную леску — она ненадежно стягивает ногу, а наматываясь утке на лапу, причиняет ей боль. Шнур с ногавкой другим своим концом привязывают к грузу или колу, воткнутому в дно водоема. В последнем случае часто случается, что подсадная, плавая вокруг кола, так наматывает на него привязку, что в конце концов лишает себя возможности перемещаться. Чтобы этого не происходило, шнур лучше всего привязывать не к самому колу, а к надетому на него достаточно широкому кольцу из ивового или черемухового прута. Такое кольцо надежно предотвращает наматывание.

Садком для утки может служить плетеная корзинка, фанерный ящик и вообще любое вместительное, где подсадной было бы не тесно, не душно, удобно. Нужно также, чтобы сажать утку в садок и вынимать ее оттуда можно было без труда. Для удобства переноски садок оснащают ручкой или наплечным ремнем. Если садок рассчитан на переноску сразу двух подсадных, его обязательно следует перегородить на два отсека, ибо утки, посаженные вместе, неизбежно будут мять друг другу оперение и пачкать его испражнениями. На дно садка нужно стелить слой сена или соломы, чтобы птицы не отсиживали лапы.

Случается, что вызариванием не удается довести подсадную до состояния, когда она вовсе перестает наматывать. Через какое-то время после высадки на воду утка все же начинает мокнуть и стремится выбраться на сухое место. Работать она при этом, конечно, перестает. Устроить подсадную так, чтобы на охоте она при желании могла вылезти на какую-либо кочку, удается далеко не всегда. Поэтому очень выгодно приучить ее пользоваться специальным кружком. Он делается из обрезки доски или плотного пенопласта толщиной в 20—25 мм и должен иметь диаметр 150—200 мм. Его или насаживают на привязочный кол прорезанным в центре специальным отверстием, или прибивают к колу гвоздем. Нужно лишь укреплять его надежно, без шата и перекашивания. Длину кола подбирают таким образом, чтобы при втыкании его в дно водоема кружок оказывался на уровне воды. В первое время на кружок нужно класть пучок сена или пригоршню грязи: подсадная охотнее начинает им пользоваться, видимо, принимая его за кочку.

Итак, оснастившись всем необходимым, можно приступать к вызариванию. Надев утке привязку (делать это нужно всегда дома, где не опасно, если подсадная вырвется из рук) и посадив ее в садок, мы перед рассветом или заходом солнца отправляемся туда, где имеются разводья освободившейся из-под льда воды,

а сами устраиваемся где-либо неподалеку (шагах в 15—20), но лучше так, чтобы утка нас не видела. Пока подсадная еще не привыкла к привязи и кружку, ее не следует высаживать на глубокую, быструю воду и далеко от берега. Это можно делать только после того, как она освоится, перестанет рваться и быстро намочать.

В первые же выходы желательно обеспечить утке возможность выйти на берег или на такое мелкое место, где она могла бы стоять на дне. Поддержав подсадную на воде 30—40 минут, ее можно снимать и идти домой. В первые зори утка, как правило, редко будет подавать голос. Новое место, непривычная обстановка, возможность пожировать и накупаться в вольных условиях мешают этому. Однако раз от разу острота новых впечатлений ослабевает, страх перед всевозможными не опасными представителями животного мира уходит, и утка начинает покрываться. Вызривать подсадную необходимо как можно чаще и, если не мешает погода, никак не реже раза в сутки. При этом следует по возможности менять места тренировок, выбирать те, где держатся дикие кряквы, и приучать подсадную не только к мелкой и тихой, но и к глубокой быстротекущей воде. Вызривая сразу двух или трех уток, размещать их нужно обязательно так, чтобы они друг друга не видели, а только слышали. В противном случае они будут рваться на привязках, стараясь слиться вместе. Вызриванием необходимо заниматься всю весну вплоть до начала охоты. Соблюдение всех вышеизложенных правил почти полностью гарантирует от неприятнейших ситуаций, создаваемых неработающей подсадной.

Бывает, что опытная, втянутая в охоту подсадная вдруг перестает подавать голос либо, оказавшись на воде, вообще не хочет работать. Первое чаще всего бывает, когда утка чего-либо пугается. Ее может встревожить парящий в отдалении или усевшийся где-то неподалеку хищник, вышедший к разливу зверь, появившаяся рядом крупная рыба. Второе обычно случается с утками, которые уже начали нестись. Чувствуя в себе почти сформировавшееся яйцо, подсадная работать не будет. Поэтому раннее начало яйцекладки всегда мешает охоте. Чтобы избежать этой напасти перед открытием сезона, необходимо изолировать уток от селезня, затормозив тем самым начало у них кладки. Такое отделение полезно и по другой причине — поскукав некоторое время без самца, подсадные азартнее зовут к себе диких селезней. Отсаживать селезня от уток нужно примерно за две-три недели до открытия сезона и обязательно так, чтобы утки даже не слышали его голоса. Иначе они сперва будут буквально исходить криком, а затем примирятся с бесполезностью своих усилий и перестанут реагировать даже на шварканье диких селезней.

Для человека, любящего и понимающего животных, возня с подсадной — приятное и увлекательное занятие. Пожалуй, только с собакой охотнику удается добиться контакта и взаимопонимания большего, чем с хорошо прирученной подсадной. Абсолютная доверчивость и привязанность к хозяину, явно разумное поведение в самых различных ситуациях и несомненное понимание того, что происходит на охоте, в этих птицах крайне привлекательны. Когда случайно выбравшаяся из садка или освободившаяся от привязи подсадная, вместо того чтобы отправиться в соблазнительное странствие, бежит к хозяину или плывет в шалаш, где он укрылся, когда она сама забирается в подплывшую к ней лодку или вылезает на подставленную руку — кто останется равнодушным к такому проявлению дружбы? Какой охотник не восхитится, видя, как его пернатая помощница ждет и не начинает работать, пока он не укроется в шалаше или стремительно, на всю длину шнура отплывает от подсевшего селезня, словно облегчая владельцу возможность выстрела и стремясь оказаться подальше от места, куда должен ударить снаряд дробь? А ведь всего этого можно добиться, если есть желание и терпение.

Остается сказать несколько слов для тех, кто не просто хочет держать подсадную для охоты, а склонен заняться разведением криковых уток, их выращиванием, поисками среди них той лучшей из лучших, надежнейшей из надежных подсадной, о которой мечтает любой любитель весенней охоты на водоплавающую дичь. Сразу же оговоримся, что выращивание полноценных уток возможно лишь там, где есть хотя бы маленький естественный водоем с зарослями водной растительности, ряской и всем тем, что дает уткам промышлять всевозможную водную живность. Если такое место имеется и безопасно для уток с точки зрения посягательств на их жизнь браконьеров, все очень просто. Подсадные сами найдут себе места для гнезд, выведут и вырастят здоровое потомство. Владелец остается лишь подкармливать утят в первые дни какой-либо пищей животного происхождения, а потом обычным кормом, да следить за тем, чтобы на ночь утки с потомством не оставались на воле, а заходили в сарай.

Есть, правда, одно обстоятельство, иногда мешающее успеху получения утят. Это довольно часто проявляющаяся агрессивность селезней к кладкам уток и только что появившимся утятам. Сколько бы в последнее время не утверждали, что самец дикой кряквы — примерный семьянин, охраняющий гнездовой участок и кладку, среди селезней довольно часто встречаются чрезмерно сладострастные или злобные экземпляры. Первые, обнаружив утку на гнезде, немедленно бросаются ее топтать, и кладка при этом, конечно, гибнет. Вторые с

неимверным упрямством преследуют маленьких утят, хватают их клювом, треплют, окунают в воду и, как правило, замучивают до смерти. Таким образом, приступая к разведению подсадных, за селезнем всегда нужно присматривать, и при малейшем намеке на проявление им агрессивных наклонностей его следует изолировать до тех пор, пока кладка будет высижена и утята немного подрастут. Только после этого ему можно предоставить свободу и возможность общения с потомством.

Как уже говорилось, при покупке подсадной редко кому из нас удается воспользоваться правом выбора; при разведении же собственных уток мы этим правом можем и должны пользоваться в полную меру. Не касаясь здоровья и полной физической полноценности, которые, конечно, обязательны, криковых отбирают по трем признакам: тембру голоса, манере его отдачи и азартности.

У хорошей подсадной голос должен быть ни слишком высок, ни чрезмерно низок. Сипловое, визгливое или, наоборот, басовитое кряканье селезней привлекает мало. Голоса среднего тембра с легкой хриповатостью или явно импонируют больше. В манере отдачи голоса различают два крика: квачку, или вызов, то есть размеренное, раздельное кряканье, которым утка дает знать своим собратьям о своем присутствии, и осадку (или посадку), серию почти сливающихся друг с другом квачков — призыв услышанному или замеченному селезню. Пока его не видно и не слышно, идеальная подсадная кричит только квачку, а осадку дает только под дичь. Чем осадка короче, чем из меньшего количества квачков она состоит, тем сильнее этот призыв действует на селезня. У лучших уток в осадках бывает всего 3—5 квачков.

Что касается азартности, то она проявляется в стремлении подсадной обязательно, во что бы это ни стало, посадить появившегося селезня. Плохие или средние по этому признаку утки, скричав под налетевшего кавалера две-три осадки и не посадив его, успокаиваются и перестают звать («не хочешь ко мне лететь — ну и не надо»). Хорошая подсадная не уймется, либо пока не посадит селезня, либо пока он не скроется с глаз долой, не исчезнет со слуха. Проверять по всем этим признакам молодых подсадных, прослушивая их голоса и дома, и в угодьях на осенней охоте, мы выбираем среди них лучшие экземпляры.

Последний совет, который нужно дать любителям подсадных: какими бы ручными и привязчивыми ни были подсадные утки, а подрезать им крылья нужно обязательно, так как способность к полету утка легко может пропасть. При правильной подрезке в одном из крыльев полностью срезают опахала всех маховых перьев первого порядка, стержни же их оставляют в неприкосновенности.

ПЕРВЫЕ БЕЗДЫМНЫЕ ПОРОХА

А. ГЛАДКИЙ,
младший научный сотрудник
Военно-исторического музея
артиллерии,
инженерных войск и войск связи

После открытия в 1840-х гг. пироксилина в течение сорока лет пороходелы всего мира, в том числе и России, старались приспособить это вещество, не дающее при сгорании дыма, для стрельбы из ручного оружия и пушек. Долгое время это не получалось, хотя в весьма ограниченных размерах пироксилин в качестве метательного средства все же использовался. Можно вспомнить, как Жюль Верн в романе «Таинственный остров» (1875 г.) научил своих героев изготавливать пироксилин для стрельбы из ружей, но указал, что обычный порох безопаснее и надежнее.

В 1884 г. решить проблему переработки пироксилина в порох, то есть в вещество, горящее параллельными слоями, удалось тридцатилетнему французскому инженеру-химику П. Вьелю, который и считается отцом бездымного пороха. В России основательные исследования с бездымными порохами начали проводить по приказанию военного министра с лета 1886 г. Разумеется, в первую очередь интересовались возможностями применения нового пороха в военном деле, но не забывали и о деле охотничьем. В том же 1886 г. попытались закупить образцы пироксилинового пороха в Германии, Франции и Англии. Германия отказала, Франция подарила, а Англия продала. Причем купили в Англии по 20 фунтов и военного, и охотничьего пороха.

Военный агент (атташе) в Англии С. С. Бутурлин, отправляя груз, попросил все, что окажется сверх 20 фунтов, передать в Петербурге своему брату Д. С. Бутурлину. Наверно, Д. С. Бутурлин был первым русским охотником, вышедшим в поле с патронами, снаряженными бездымным порохом. Вторым стал военный министр П. С. Ванновский. Когда ему доложили, что опыты с полученными из-за границы пироксилиновыми порохами показали их полную непригодность, он распорядился отдать лично ему 1 фунт из неизрасходованного английского. Судя по тому, что Ванновский через месяц, в октябре 1887 г., неожиданно для всех приказал прекратить все опыты с бездымным порохом, английский порох на охоте вызвал у министра немалое раздражение.

В конце 1888 — начале 1889 г. на Охтинском заводе были созданы пер-

вые образцы отечественного боевого пороха, а 26 октября 1889 г. последовало распоряжение приготовить по 1 фунту охотничьего бездымного пороха для государя императора и военного министра. С этого момента в течение 20 лет государственные пороховые заводы обслуживали только одного заказчика — Императорскую охоту. Порох для Императорской охоты получил наименование «Д» (для дробовиков)¹. Небольшие партии этого привилегированного пороха изготавливались не в заводских цехах, а в мастерской испытательной комиссии Охтинских пороховых заводов, которая являлась научно-практическим центром по разработке всех порохов. В 1894 г. для выработки мер по улучшению «Д» сюда был прикомандирован от Министерства императорского двора известный охотник А. П. Ивашенцов. Работы по совершенствованию «Д» продолжались до начала XX в.

Для рядовых охотников производство бездымного пороха в 1893 г. было освоено на Шлиссельбургском заводе «Русского общества для выделки и продажи пороха». На Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде обществу было дано право изображения на этикетках государственного герба «за оригинальную выработку достаточно хорошего бездымного пороха». Свой порох фирма назвала «Сокол».

Кроме «Сокола», русские охотники могли воспользоваться «порохом Лишева». Отставной генерал-майор А. А. Лишев в 1893—1895 гг. пытался убедить военное руководство принять порох своего изобретения на вооружение русской армии, хотя бы для холостой стрельбы. В отличие от принятого образца сырьем для производства «пороха Лишева» была древесная масса (специально обработанные опилки, картон), а не обрывки хлопчатобумажной пряжи, использовавшиеся на казенных заводах. Однако в военном ведомстве очень осторожно относились к проблеме замены хлопкового сырья каким-либо другим. А. А. Лишев не достиг звания изобретателя нового военного пороха, но его идею подхватила частная компания, которая выпустила в продажу охотничий порох его образца.

¹ В русской армии марки бездымных порохов получали наименования по первым буквам названий систем, для которых они предназначались: «Б» — для боевых орудий, «В» — для винтовок, «Г» — для горных пушек и т. д.

Таким образом, к началу XX в. русские охотники имели на вооружении два отечественных сорта бездымного пороха² и несколько иностранных, прежде всего бельгийский «Мюллерит». Пороха были не совсем бездымные. Дело в том, что пироксилиновые пороха требовали для успешного сгорания больших давлений. В гладкоствольных охотничьих ружьях снаряд дробы или пуля вышибается относительно легко и быстро и пироксилиновый порох не успевает полностью сгореть. Чтобы ускорить сгорание, стали добавлять старые компоненты дымных порохов: селитру и уголь. Такой порох стали называть малодымным. К этому виду принадлежали пороха государственных заводов «Д», «Х» (для холостой стрельбы) и «РД» (для револьверов и дробовиков). Последний, хоть и был признан годным для охотничьих ружей, в продажу не поступил.

Русские охотники настаивали на выпуске для широкого потребления пороха «Д». Казенный порох для Императорской охоты был, очевидно, лучше и, безусловно, престижной вышеупомянутых сортов частных фирм. В 1899 г. «Состоящее под покровительством великого князя Владимира Александровича Новгородское общество охоты» попросило выпустить пороха Охтинского завода в продажу. Не взирая на высокое покровительство, военный министр отказал.

В 1909 г. Рижский и Киевский отделы Общества правильной охоты снова обратились с прошением выпустить в продажу порох «Д». Их поддержали другие охотничьи общества. На сей раз Главное артиллерийское управление, в ведении которого находились пороховые заводы, пошло навстречу. Правда, порох «Д» остался чисто императорским, но вместо него широким массам охотников был предложен «Х», который был точно таким же по составу, но отличался меньшей тщательностью исполнения, разнообразием размеров порохового зерна. После просейки и графитования «Х» по своим качествам стал близок к доступному «Д». В 1910 г. Охтинский завод выпустил первую 100-пудовую партию этого пороха. Пока его испытывали, укупоривали, утверждали во многих инстанциях, прошло еще больше года. Только в 1912 г. он поступил в продажу.

² «Сокол» был не совсем отечественным, ибо «Русское общество» представляло собой, по сути дела, филиал немецкой фирмы.

КАПКАНЫ: КОМПЛЕКС ПРОБЛЕМ

ЖАЛОБЫ ОХОТНИКОВ

В редакцию поступают жалобы охотников на низкое качество выпускаемых капканов, на отсутствие новых моделей. В нашем журнале было опубликовано много критических материалов на эту тему, однако каких-либо сдвигов к лучшему не заметно. От читателей продолжают поступать письма почти того же содержания, что и 5—10 лет назад. Так, 70 охотников из Кировской обл. и Коми АССР пишут следующее: «Мы замечаем, что из года в год капканы становятся все хуже и хуже. Если раньше были терпимые недоделки, то сейчас продается откровенный брак... Пружины капканов ломаются, соединения деталей никакой критики не выдерживают, концы дуг на осях бываю́т заклепаны так, что взведенные дуги капканов не возвращаются обратно... Половину купленных капканов приходится переделывать, а почти четверть — выбрасывать». Н. Козлов (деревня Ново-Бибеево Новосибирской обл.) сообщает, что ему «пришлось из заводского брака делать рабочие капканы».

Правление Коми республиканского общества охотников и рыболовов считает, что необходимо «усилить крепления дуг со стойками... на капканах № 4, выпускаемых заводом «Зорри». Капкан № 5 «Сибирь» отлично зарекомендовал себя на отлове волков, рыси, россомахи, бобров, выдры. Однако срок службы пружин ограничен двумя-тремя годами, после чего они ломаются... Необходимо предусмотреть в комплект с капканом две запасные пружины, снизить стоимость... Капканы «Ондатра» № 1, поступающие из Серпухова, не отвечают требованиям промысловой охоты, быстро выходят из строя».

Многие охотники предлагают те или иные улучшения в устройстве капканов. Анализ этих предложений, проведенный на кафедре экономики и организации охотничьего хозяйства ВНИИОЗ (г. Киров) А. Гаренских, показал, что большая их часть не оригинальна, повторяет давно известное. Поэтому в нашем журнале публикуется лишь незначительная часть из поступающих предложений охотников, та, в которых содержится хоть что-то новое.

Несомненно, что организациям, отвечающим за производство капканов, пора принять неотложные меры к исправлению ненормального положения: это общее требование охотников, занятых промыслом. Настало время решить все проблемы, связанные с кап-

канами: качества, ассортимента, количества, внедрения новых моделей. Возможно, выход — в создании кооперативов по производству самоловов. Кооперативы могли бы выпускать те из них, такого качества и в таком количестве, в каком они необходимы для нормального функционирования охотничьего хозяйства. Но в любом случае с производством капканов низкого качества пора кончать, следует разрабатывать и внедрять новые модели.

Об одной из них, получившей авторское свидетельство СССР (№ 292679, «Бюллетень» № 48, 1986 г.), а также о предложении охотника рассказывается в публикуемых материалах.

В. КРЕЧЕТОВ

БЕСШАРНИРНЫЙ КАПКАН НА СПИРАЛЬНОЙ ПРУЖИНЕ

Чтобы застой в конструировании и производстве капканов сдвинуть с места, необходимо приложить максимум творческих усилий к разработке остроумных и надежных в работе самоловов, а также производственной оснастки к ним, обеспечивающей высококачественное изготовление деталей. У крупных капканов обязательным условием должно быть предохранительное устройство, гарантирующее охотнику удобство и безопасность при установке, настораживании и маскировке капкана.

Идеальным был бы капкан, который удерживает зверя не силой сверхмощных пружин, а за счет использования силы самого попавшего зверя при попытке вырваться из самолова. Подобный простой принцип действия известен в технике. Например, цилиндрическая стальная плетеная сетка с тросом, которую надевают на конец свинцового кабеля при протаскивании его под землей.

Кустарным мастерским и заводам желательны простые в изготовлении конструкции капканов, доступные для массового производства из стандартных стальных полос, проволоки, легких сплавов и пластмасс.

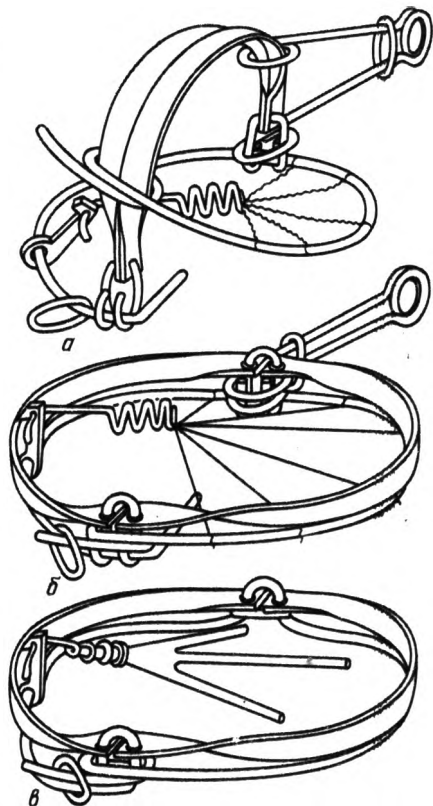
Для дальнейшей разработки и производственного освоения можно порекомендовать идею модели капкана с новым принципом крепления дуг и взаимодействия деталей сторожка с насторожкой. Такой капкан мне удалось сконструировать и изготовить

в домашних условиях, а затем успешно испытать при отлове лисиц, барсуков и бродячих собак.

Капкан на спиральной пружине с предохранителями оказался простым в изготовлении, надежным в работе и удобным при настораживании, установке и маскировке. Внешне капкан напоминает рамочный (см. рис.). Делать эту модель практичнее крупных размеров: № 2, 3, 5. Главная деталь капкана — спиральная пружина торсионного действия, которая служит для сжатия дуг и как рама — опорой для дуг, сторожка и насторожки. Пружину для капкана № 3 загибают из 6-миллиметровой упругой проволоки. Можно сделать пружину и из стального прута толщиной 7 и 8 мм. Такая пружина придает дугам силу, вполне достаточную, чтобы удерживать за лапу лисицу и шакала. Но с одной очень тугой пружиной управлять трудно. Поэтому у капкана № 3 лучше делать спиральную пружину из 6-мм проволоки и ставить вторую, вспомогательную дву-

Бесшарнирный капкан на спиральной пружине. Объяснения в тексте.

Рис. автора

плечую, однолиговую пружину, также навитую из 6 мм проволоки. Обе пружины оснащают стопорными овальными кольцами, назначение которых — удерживать пружины в сжатом состоянии на предохранителе (рис., б, в).

Внутренний диаметр такого овольного кольца должен быть на 8—10 мм больше расстояния между наружными сторонами плеч сжатой пружины у настороженного капкана. При выполнении этого условия у настороженного капкана стопорные кольца легко сдвигаются с предохранителя.

Для капкана № 5 спиральную пружину навивают из стального прута толщиной 7—8 мм, увеличив диаметр спирали до 220 мм, шаг пружины — до 120 мм и беговое кольцо — до 38 мм. Вспомогательную пружину можно использовать ту же, что и для капкана № 3, но увеличив внутренний диаметр беговых колец до 38 мм.

Дуги для капкана № 3 загибают из стандартной стальной (сталь 3) полосы шириной 15 мм и толщиной 4 мм, по размерам, точно соответствующим размерам спиральной пружины. На обоих концах дуги просверливают или пробивают отверстия диаметром 8 мм. Для капкана № 5 дуги загибают из полосы шириной 20 мм и толщиной 4 мм. Отверстия пробивают диаметром 10 мм.

У настороженного капкана крайний завиток насторожки соединяют тонкой проволокой или нитками (смаками) с основанием спиральной пружины или в завитки пружинки туго вставляют деревянную рогульку (рис., б, в).

Если капкан сделан с одной мощной спиральной пружиной и отпала необходимость во вспомогательной пружине, то, чтобы дуги не западали и их не заклинивало, свободную от пружины скобку следует опоясать узкой полоской железа (рис., в).

При настороживании капкана со спиральной и вспомогательной пружинами поступают следующим образом: вспомогательной пружине придают вертикальное положение, подняв вверх витком, и пальцами сжимают ее плечи до тех пор, пока опустится вниз стопорное овальное кольцо и зафиксирует пружину в сжатом положении на предохранителе. Затем сжимают спиральную пружину, удерживая ее в таком положении повернутой дугой, и на стопорный штырь накидывают овал-

ное кольцо, надеют ее на спиральной пружине (рис., б, в).

Таким образом, обе пружины оказываются на предохранителе. После этого обе дуги разводят в горизонтальное положение и одну из них захватывают крючком сторожка. Если у капкана опорная для дуг скоба была поджата недостаточно и сместилась, то перед настороживанием ее сдвигают на место так, чтобы раскрытая дуга совместилась с наружной стороной спиральной пружины. Насторожку при этом надо отрегулировать с таким расчетом, чтобы при горизонтальном положении ее пружинки с рогулькой малое плечо коленчатой насторожки упиралось изогнутой частью в дугу и было бы готово при малейшем нажатии на насторожку столкнуться крючок с дуги и рассторожить капкан (рис., б, в).

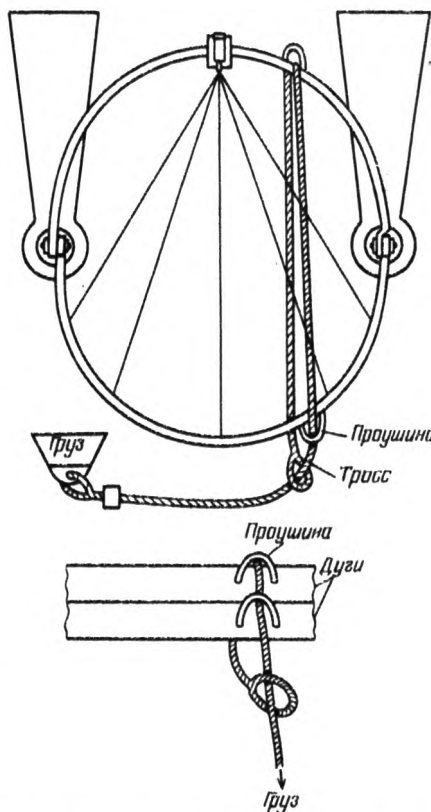
С пружинами на предохранителях капкан устанавливают и маскируют. Затем одно овальное кольцо сбрасывают со стопорного штыря спиральной пружины, а другое у вспомогательной пружины передвигают ее к завитку.

Ю. ГЕРАСИМОВ,
охотовед,
кандидат биологических наук

УДАВКА НА ДУГАХ

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1985, № 11) Ю. Герасимов подробно описал лов волков капканами, их подбор и усовершенствование. Что, однако, делать охотнику, если сила сжатия пружин меньше 70 кг? Не нужно спешить с выбраковкой таких капканов. Для повышения удерживающей способности можно использовать вес потаска и силу рыжка волка. Главное, чтобы пружины смогли удерживать сам капкан на лапе волка. Снабдить капкан удавкой может любой охотник в домашних условиях. Для этого не требуется даже разборки капкана.

В дугах капкана, на расстоянии 10 мм от изгиба, сверлю по два отверстия 4 мм, расстояние между ними 10 мм. Из стальной 4-мм проволоки загибаю две полукруглые скобы (проушины). Ширина скоб — согласно просверленным отверстиям, высота — 14—16 мм. Скобы вставляю в просверленные отверстия в дугах, сверху. Концы скоб (снизу) расклепываю. Таким образом

на дугах капкана получились две направляющие проушины для удавки.

Затем из стального тросика Ø 3—4 мм и длиной 60—80 см (в зависимости от высоты дуг) делаю обычную удавку. Тросик с петлей пропускаю через проушины с одновременным захватом дуг капкана. Дуги с наружной стороны в местах проушин нужно закруглить напильником во избежание заедания тросика.

При настороженном капкане удавка (тросик) расположена поперек раскрытых дуг и совершенно не мешает насторожке. При сработавшем капкане и рыжке тросик, свободно скользя в проушинах, затягивает дуги капкана. Чем сильнее рыжок волка и больше груз (потасок), тем сильнее сжимаются дуги капкана. Удавку можно поставить на капкан любой конструкции.

А. СВИСТУНОВ
г. Пикалево Ленинградской области

ПОПРАВКА К ИНСТРУКЦИИ

В течение всего 1988 г. в нашем журнале публиковались критические материалы по «Инструкции о порядке приобретения, перевозки, хранения, учета и использования огнестрельного оружия...», утвержденной приказом МВД СССР от 1 декабря 1987 г. № 246. В ряде органов печати также выска-

зывались критические замечания. 20 декабря в газете «Известия» (№ 356) была помещена заметка «Справки не потребуются», в которой содержится ответ МВД СССР на критические выступления печати. Публикуем названную заметку полностью:

«В «Известиях» № 323 было опубликовано письмо Р. Лопушанского «Охота пушке бюрократизма...» Речь шла о том, что перед миллионами охотников ставились бюрократические рогаки (излишние справки, прохождение

медицинского обследования). Это отнимало много времени, раздражало людей.

Как сообщил редакции зам. начальника Главного управления общественного порядка МВД СССР В. Баркун, теперь для получения разрешения на покупку охотничьего гладкоствольного оружия в милиции заполняется карточка-заявление и предъявляется охотничий билет. Никаких других документов, в том числе медицинского заключения, от граждан не требуется».

ТАНЦЫ НА СНЕГУ

Борис ПЕТРОВ

Конец зимы, пустынные белые поля. Я стою у края колка, а чуть ниже по склону, шагах в двухстах, на снегу танцует темно-рыжий лисовин.

Вот он небрежно семенит изящными ножками, вдруг замирает, делает, крадучись, несколько мягких шажков, приподнимается на задних лапах, сложив передние на груди, будто умильный пудель, которого заставили «служить»... прыжок! Свечой взметнулся вверх, сверкнув огнем в лучах заходящего солнца, и упал всеми лапами в одну точку, запрыгал в беспорядочном ритме, словно снег стал жечь ему подушечки. Такая легкость, игривость, выразительная пластика движений, балет да и только. Особенно эффектен в прыжке плавный взмах пышного роскошного хвоста.

Красиво, конечно, но ведь я знаю, чего ради он танцует: брюхо пустое. Мышкует лисовин, охотится за добычей. Наст в полях захряс, нелегко

стало пробить его, чтобы привидеть лапками мышь. Попрыгаешь тут! Любуюсь из укрытия на балетные па лисовина и усмехаюсь: как спокойно могу теперь созерцать его выходы. Знаю лисьи повадки, понимаю его желания и пристрастия. А сколько времени и сил ушло на это понимание! Особенно памятной «учительницей» была у меня одна рыжая подружка....

Выпугивая русаков, мы с Мишаней оббегали с двух сторон узкую лесополосу. Порыв ветра подхватил меня, и лыжи сами понеслись по твердому снегу в раскат. И тут из кустов вынырнула лисица. Видимо, ее испугнул Мишаня, юркнула на другую сторону посадки, но столкнулась со мной и от неожиданности бросилась в том же направлении, куда лыжи и ветер несли меня. Она была до того огненно-красной на белом снегу, аж полихнула мне по глазам, я в первый миг непроизвольно отшатнулся, как от жаркого пламени.

Какое-то время мы мчались рядом, словно два парусных фрегата на параллельных курсах. Она изо всех сил старалась обогнать меня и улепетнуть, а я не мог на ходу повернуться в правую (будь бы влево — другой разговор) сторону настолько, чтобы схватить ее на мушку. Но тут посадка оборвалась, лисица метнулась в сторону и, вздыбив хвост, вылетела в чистое поле. Позже у нас было с нею много встреч, и я неизменно костерил себя за то, что упустил ее в тот первый раз, столкнувший нас так близко.

Приблизительно в четвертом часу пополудни, когда зимнее солнце начинает склоняться и подкрашивать снега розовым, лисица появлялась на большом поле между двумя оврагами и принималась мышковать. Вот когда я впервые насмотрелся на эти прыжки и пируэты. Она стала бы чемпионкой мира в танцах на снегу, если бы проводились такие первенства. Да только просто любоваться мне было мало! Юному горячему охотнику лисицу необходимо добыть — победить и тем самым утвердиться в своей силе, удовлетворить страсть.

Купив несколько метров белой материи, я сшил маскировочный халат, обмотал ружье марлей, пришел на поле и залег в снегу. Напрасно мерз. Она появилась вовремя, но прошла далеко за выстрелом. И так повелось: каждый выходной я спозаранку являлся на поле и караулил, но лисичка всегда выбирала себе ход именно там, где я ждал ее в прошлый раз. Попытки подползти поближе или торопливо по оврагу перерезать путь тоже ничего не давали.

Долго я не мог поверить, что у нее такой невероятный, просто фантастически острый слух! Вот я заметил ее далеко впереди — идет справа от лесополосы, петляя и кружась, но все же подвигается по полю вниз, к логу, в котором я сижу. Надо,

Рисунок
Б. Игнатьева

конечно, перебежать к концу посадки — это место надежнее, чем широко раскинувшийся лог... Ф-ффу, успел, перебежал! Запал в куст боярышника и замер. Лиса все ближе, но еще достаточно далеко, и я слегка высвобождаю затекшую от неудобного положения ногу. Делаю это, само собой, с величайшей осторожностью, чуть дыша. И все же какой-то шорох в снегу раздается... Но она так далеко, а звук был настолько слаб! Нет, замерла на рыси, вскинула голову и долго пристально всматривается в мою сторону. Я во все затаиваю дыхание... Наконец она опускает голову и продолжает путь — кажется, пронесло... Нет, семенит уже не вдоль посадки, а отдаляясь, обходя подозрительное место. Ничего не увидела и запаха не уловила. Это явно, иначе сразу стрекнула бы через бугор! Но — слух ее самый надежный друг и хранитель, что-то ей все-таки почудилось и... Лучше на всякий случай, просто так, обойти сомнительное место, решает она. Проклятье! Опять зря прождал, снова сорвалось из-за глупой мелочи! Ну, никогда, никогда не подумал бы, что она может что-то уловить на таком расстоянии и наугад легчайшего глухого шороха в сыпучем снегу...

В том году было много зайцев. Мишаня с Вовкой Юшковым по воскресеньям ходили гонять косых и всякий раз хвастались успехами. Надо было и мне сразу бросить затею с лисой, но кума словно меня приворожила. Я возвращался домой в темноте, мокрый, обледенелый, голодный до дрожи в ногах.

Однажды случилось, без ружья оказался на знакомом поле. Охотничий сезон уже закончился, и я приехал просто погулять на лыжах. Лисица появилась в урочный час и мышковала в двух-трехстах метрах от дороги. Я на нее все время поглядывал, и она тоже несколько раз останавливалась и подолгу устремляла взор в мою сторону. Я даже подумал: «Как будто тоже узнает. А что, уже привыкла к моему облику?..» Рядом с дорогой несколько колхозников цепляли тракторным тросом омет соломы. Я остановился поговорить.

— А лиса-то, лисонька, словно над нами насмехается. Целый час около вьетса, — сказал молодой парень.

— Она хитрая, да лиса, а ты глупый, да человек, — заметил вдруг пожилой механизатор.

— Чего это я глупый-то? — так просто душно обиделся парень, что все село засмеялось.

— «Чево, чево!..» — передразнил его пожилой. — Думаешь, почему она кружит возле нас? Мышь ей нужна, а не ты. В поле наст, а мы омет сдернем — сколь откроется мышинных нор? «Надсмехается...» Надо соображать башкой-то.

Механизаторы закончили возиться с тросами, трактор взревел, буксуя

в сугробе и выбрасывая из-под гусениц фонтаны сухого морозного снега, выволок омет на дорогу и потащил его в деревню. А я под шумок забрался в оставшуюся яму и затих. Ждать пришлось недолго. Над гребнем снежного сужья сначала показались острые ушки, а потом заглянула и вся хищная мордочка с широкими скулами и пронзительными глазками.

— Ух, тварина! — гаркул я, взмахнув лыжной палкой.

Как она подпрыгнет! Я выскочил на край ямы, а она уже стегала по полю во весь мах, распластав на весу пушистый хвост.

«Вот так! — радостно думал я, размахисто отталкиваясь палками от скользкой укатанной санной дороги. — Все же я тебя обманул! Пусть ты и хитрющая тварь, но если разобраться по науке-то, кто ты? Просто зверек из отряда хищных. А я все-таки «человек разумный», венец мироздания, как раньше величали. Надо было мне сразу только слегка пошевелить мозгами. Ничего, доживем до следующей зимы, я тебе покажу!...»

М-да, велика, если теперь сравнить, разница между тем, как я когда-то видел и воспринимал окружающий мир, и как — нынче... Бегал, ползал за своей лисичкой, горячился страшно, поражался ее невероятнейшему коварству... Слов нет, кумушка попалась опытная, но ведь ничего такого особенного. Это весь лисий род, как выражаются биологи, чрезвычайно пластичен — способен удачно принаравливаться к изменяющейся среде обитания.

Люди все своевольнее переделывают природу, и тут обнаружилось, что есть звери и птицы «хитрые», способные устраиваться в «человеческих» условиях, а есть негибкие, бесхитростные — эти обречены. Вот, рассказывают, будто стрепет, степная кура, от опасности мог прятаться только в бурьянах, а в крайнем случае совал голову под крыло и считал, что его никто не видит. Не берусь утверждать наверное: стрепетов почти не застал. В степные угодья я приехал, когда целину уже распахали. Не стало целины — исчезли бурьяны, а с ними и стрепеты. Простая, вроде бы, штука: прычтись в пшенице или кукурузе! Нет, не смогли. Как и дрофы. Не сумели эти исконные степняки перебороть в себе древние привычки и приспособиться к окультуренному ландшафту — не смогли и все тут. Вырубили тайгу — ушли глухари и рябчики, это птицы-отшельники. Осушили болото — не стало журавлей. Как ни охраняй их — охранять становится нечего, очень просто.

Зато лисица — зверушка необычайно пластичная. Нет мышей — будет лопать насекомых и ящериц, отбросы, даже ягоды и овощи. Освоенные сельскохозяйственные угодья их со-

вершенно устраивают, а тракторы лисицы просто обожают: за то, что разворачивают мышинные норы и выдвигают грызунов на поверхность. Пристроилась Патрикеевна со своей родней жить у деревенских околиц, на городских окраинах рядом с мусорными свалками. Прячутся в арыках и кюветах, норы устраивают в дорожных бетонных трубах. Вот какие умники, понимаешь ли!

Всего этого я еще не знал в те годы. Однако случай с трактором заставил меня взглянуть на дело по-иному: попытаться победить знакомую лисицу не ногами и выносливостью, а с помощью ума и находчивости. Например... например, обмануть ее во время дневного отдыха, на лежке. Выбрать в начале зимы теплый день с порошей, размотать по ниточке весь спутанный клубок ее утренних следов и тихонько подкрасться к сонной.

Если бы кто посмотрел со стороны, наверняка решил бы, что я не могу отыскать в поле какую-то дорожную потерю — такие кружева я плел в течение нескольких часов. (Теперь-то я знаю из охотоведческих работ, что ее похождения одной ночи достигают десятка километров!). Наконец след выпрямился и повел ровненько вдоль длинной канавы, прорытой к небольшому лесочку для спуска болота. «Где-нибудь здесь она и должна лечь, — подумал я. — Сейчас только смотри — вскочит, молнией метнется, и поминай, как звали!»

След поднырнул под большой черемуховый куст, до того густой и переплетенный, что мне не продрасться. Осторожно обхожу вокруг (а сам — на взводе, на последней стадии напряжения!) — нет выходного... Значит, она здесь, рядом, в кусту — ой, смотри, не зевни! Она, конечно, давно меня услышала, наверное, даже видит — только выжидает момент поудобнее. Я еще раз медленно-медленно обошел черемухин, каждый миг ожидая, что вот-вот она выскочит... Нет выходного следа! Так упорно сидит и не хочет вылезать?! Ну, я тебе!..

И с треском вломился в чашу. Вот он, след, вот и лежка — уютная обтаянная лунка, а где же хозяйка? Пунктир от ее лапок прошмыгнул под корнями, сделал пол оборота по моей лыжке — зашла за спину (эх, и смеялась, поди, сзади надо мной!), затем — два больших прыжка до ближайшей чащи...

Вот еще чего категорически не хватало мне, юному в те годы охотнику, — не только знаний и опыта, но и прежде всего выдержки. Горячий был стрелок, страстный, в глазах темнело от азарта. Теперь-то я выработал целый свод верных правил для лисьей охоты. К примеру, такое основополагающее: ты должен увидеть ее первым. Если ты видишь, а она тебя нет, можно спокойно изучить ее характер, понять направ-

ление хода, обдумать свои предстоящие действия. Но для того чтобы увидеть ее первому, надо соблюсти немало других предварительных требований: пораньше быть в поле, передвигаться по верхам, а не низинами, самому при этом то и дело, как лисе, замирая, оглядывать мир вокруг (разумеется, в бинокль): перемещаться только от укрытия к укрытию, «лазами», и так далее, и тому подобное. Да повнимательнее наблюдать за сороками и воронами — они нередко выдают рыжую... Много я теперь знаю разных условий и принципов.

Несколько лет назад случилось: одна лисичка повадилась каждое утро обшаривать небольшой массив посреди полей — заросли густого коричневого бурьяна, почему-то сохранившегося от перепашки в ту осень. А в тех бурьянах, в пухлом снегу, ночевала артель серых куропаток. Я так давно не встречал в наших полях этих птиц, даже стал думать, что они вовсе перевелись. И вдруг совершенно неожиданный взлет стаи множества крыл и после них — черные копанки в снегу. Куропатки! Я стал их иногда проводить: живы ли, как ково зимует? И вскоре убедился, что местная лисичка тоже наведывается всякое утро обязательно. Эту их повадку мы уже «проходили». Вот так же одна посещала озеро: вечером рыбаки-подледники уезжают восвояси, а лисонька появляется. По всем лункам просеменит — где брошенного ершишку подберет, где кобасные или сырны шкурки. Другая моя знакомая, словно по расписанию, обследовала обочины железнодорожного полотна, подбирая съедобное после пассажирских поездов и вызывая громогласное возмущение местных сорок. Да, так вот повадилась лиска «пасти» куропаток. И, кажется, не без пользы для себя: через месяц я недосчитался в стае шести птиц. Тут уж извините! Подобного мы вам, красotka, позволить не можем. Я спокойно обдумал способ и место засидки, своевременно все устроил, и в первое же утро она выбрела на мой выстрел. Вот как теперь-то я их знаю и спокойно могу распорядиться. Да если еще воспользоваться манком под писк мыши или заячий крик. (Признаться, не очень люблю их применять — на сей счет у меня собственные принципы, но о них говорить надо особо). А в те давние годы...

Честно признаться, я уже отчаялся победить коварную лису и надеялся только на то, что век у нее недолог, настанет же день, когда она сгинет, и я вздохну свободно. Как вдруг в субботу вечером, в самом конце охотничьего сезона, является ко мне друг Мишаня и произносит такие слова:

— Знаешь, у моего деда, оказывается, на чердаке валяются фляжки для оклада. Вот бы твою...

— Мишаня, друг! Это же отлично. Это просто прекрасно! Я уже давно в книжке читал, как их обкладывают. Что же ты раньше-то?.. Завтра поедем!

Назавтра мы были в поле вдвоем. Все вышло, как по нотам. Я обрезал круг по меже, взял знакомый след, и он привел нас к тому самому памятному перелеску с канавой и черемуховым кустом посредине. Мы даже не стали обходить лесок для проверки, сразу затаили в оклад. Вовка Юшков пошел в круг гнать («Раз ты самый болтливый», — пояснили ему), а мы с Мишаней стали на номера. Я выбрал канаву.

Лисица появилась довольно скоро. Она воровато ловко скользила по дну копанки, иногда поднималась на склон и выглядывала наружу. Я с холодным остервенением подпустил ее на двадцать шагов. Когда концы стволос шевельнулись, она замерла, как пригвожденная. Мы опять увиделись вплотную. Может, это уже работа фантазии, но честное слово, мне показалось, что и она узнала меня — мелькнула какая-то искра в ее коварных глазах.

То была доля секунды. Лисица, словно что-то для себя решив, бросилась не назад, или в сторону, а прямо на меня, пытаясь прорваться из окружения грудью вперед. Я сидел на откосе, а она стелилась у меня под ногами, стрелять было удобно. Мушка плавно качнулась и уперлась в рыжий волосатый бок.

— А-а, допрыгалась! — вдруг вырвалось у меня. — Допрыгалась?! Вали! Уматывай!..

От моего дурного возгласа она еще поддала и в мгновение скрылась за поворотом.

Ребята накинулись на меня чуть не с кулаками.

— Осечка у тебя, что ли? — причитал Вовка. — Только такой сундук, как ты, может пойти на облаву со старыми патронами! То же мне волчатник! Что ты там вопил?

— Понимаешь, Вовик, — ответил я, размягченно улыбаясь, — все-таки она просто лиса, я убедился. Обыкновенная, хоть и хитрая.

Он вытаращил на меня глаза...

Был первый раз, когда я отказался от выстрела по дичи. Это не просто для настоящего охотника. Не для сентиментального «любителя», а для убежденного страстного стрелка. То была не придуманная книжная жалость, фальшивая добродетель евнуха — то был сложный, даже непредсказуемый шаг. К нему надо долго идти — не так-то это просто: пожалел и не выстрелил. Я ведь ее даже и не пожалел — ругал! Но не выстрелил. Потому что это — высшая победа, потому что... Не могу просто ответить, почему. Наверное, надо самому столько же проползти в снегу, пропахать за нею, как я, чтобы постичь. Слезливыми статьями тут ничего не добьешься. Не так-то легко дается человеку почувствовать себя добрым богом.

СТАЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОХОТЕ

Рассказывает взволнованно, убедительно, горячо, несмотря на холод своего прикосновения и блеска. Издавна во многих странах изготовлялось украшенное оружие. Для России создание такого художественного оружия тоже не было в диковинку. Его ковали из «красного железа» — дамасской стали еще с XVII века. Богато украшали декоративными орнаментами, батальными, мифологическими, охотничьими сценами. Привлекало это холодное оружие и охотников: кинжалы, охотничьи ножи, топоры... Охотничьи сцены самых разнообразных сюжетов гравировались на стали и призваны были эмоционально дополнить предназначение украшаемых предметов. Особого искусства гравировка на стали достигает в нашей стране на оружейной фабрике Златоуста, являясь неотъемлемым звеном в цепи замечательных художественных традиций промышленного Урала.

Правдивостью отличаются изображения охотничьих сцен — взятые они из самой жизни. Богатая на Урале охота: и по перу, и по зверю, и пушной промысел, и с медведем приходилось встречаться. Уважением пользуются у уральцев незаменимые помощники на охоте — собаки.

Златоуст обращается к изготовлению украшенного холодного оружия в первой трети XIX века, и с той поры появляются на свет произведения, поражающие своим великолепием мастерством. Владея секретом производства отличной булатной стали, златоустовские оружейники выдвинули из своих рядов подлинных художников, талант которых дополняется высочайшим уровнем профессионального мастерства в применении разнообразных приемов гравировки на суровом и неподатливом материале — стали. Красота и изысканность златоустовской гравюры на стали зависела в равной степени как от художественного вкуса и мастерства гравировщиков, так и от их технического умения, тонкого «чувствования» возможностей и знания материала. Гравирование, насечка, чеканка, воронение, синение, позолота, резьба по металлу...

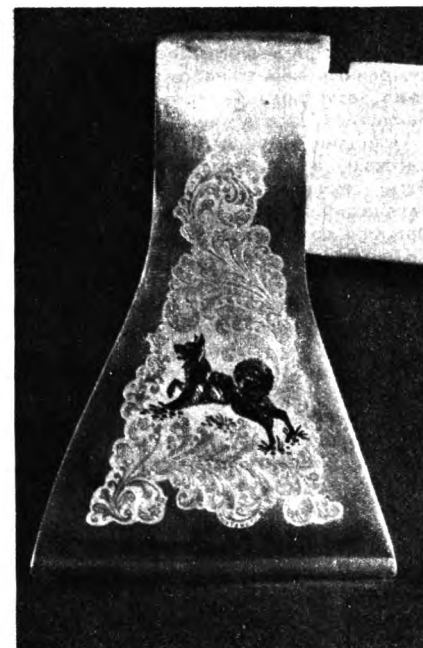
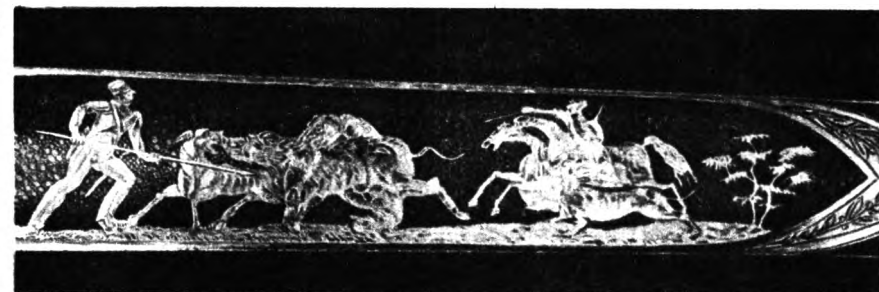
Легенды рождались вокруг этих мастеров. «Иной раз такой узор старинного мастерства на ноже либо сабле покажут, что по ночам тот узор тебе долго снится», — писал Павел Бажов. Один из шедевров златоустовского украшенного оружия — охотничий нож знаменитого Ивана Бушуева, одного из самых выдающихся мастеров русского декоративно-прикладного искусства

первой половины XIX века. На лезвии ножа с обеих сторон изображены охотничьи сцены. На одной стороне мастер запечатлел травлю кабана, на другой — охоту на медведя. Художнику удалось добиться удивительного по силе восприятия сочетания золотых фигур (охотников, лошадей, собак, зверей) и фона, чуть различного рельефа и плоскости матового сияния. Изящен и сам тонкий рисунок, мерцающий теплотой золота и только подчеркивающий холодную красоту вороненого стального клинка. И разве усомнишься, что художник — сам завзятый охотник, не раз наблюдавший динамизм, страстный эмоциональный накал подобных сцен. Потому-то взволнованность мастера напряженностью борьбы с рассвирепевшим зверем невольно передается зрителю. Впечатление усиливается атрибутами охотничьего снаряжения: рог, ножи, трубы. Иванко Крылатка — глубоко национальный, по своей сути, герой одного из сказов Бажова — это он, Иван Бушуев. «Видать, мастер с полетом. Крылатый человек». Точнее не скажешь.

Руками таких крылатых людей — художников Златоуста — рассказывает сталь были об охоте. Чтобы зазвучала сталь, тронула сердце правдивостью изображенных на ней сюжетов, немало способов художественной обработки металла освоили златоустовские оружейники. Наносит мастер киноварью рисунок, клинок вытравляется и поверхность металла становится матовой, а рисунок как бы приобретает рельеф, сохраняя блеск нетравленной стали. Сквозь огонь проходило украшаемое оружие при воронении и синении, и менял стальной клинок свой цвет, поворачиваясь воле мастера: от желтого металл потом словно кровью обаялся, и лишь затем появлялась требуемая интенсивность сини. Через огонь проводилось и золочение клинка, и жаркий пламень передавал ему свой цвет, придавая особое благородство изделию. Златоустовские оружейники применяли разные виды позолоты, каждая из которых создавала свой художественный эффект: «позолота плоская», «позолота возвышенная», «травление с возвышенной позолотой и чешуею». Нанесенные таким образом на холодное оружие охотничьи сцены поражают силой художественной выразительности и цельностью.

Современные мастера Златоуста стремятся поддерживать богатые традиции прошлого. Охотничья тематика продолжает занимать в их произведениях значительное место. На сувенирных топорах, ножах изображаются с использованием различных технических приемов сцены, столь близкие и дорогие сердцам многих охотников, — охота по перу, гончие, идущие по следу... Руками златоустовских художников-гравиров рассказывает сталь об охоте. И не эти ли руки — разве скажешь по-другому? — золотые уста Златоуста.

М. МУРОМЦЕВА

1. И. Бушуев. Охотничий нож [фрагмент клинка]. 1824.
2. И. Бушуев. Охотничий нож [фрагмент клинка]. 1824.

3. Нож [фрагмент «Охотничья сцена»]. Конец XIX — начало XX в.
4. Топорик подарочный. 1970-е гг.
5. Топорик подарочный. 1970-е гг.

Во время охотничьих скитаний не раз приходилось наблюдать, как ветер, начинаясь где-нибудь на опушке слабым и легким шорохом, скоро проходил по лесу сплошным, торжественным гулом... Не раз приходилось думать при виде прозрачного уединенного ручья о его преобразении в полноводную реку...

Лидия Николаевна Сейфуллина, которую по справедливости необходимо отнести к плеяде основателей советской литературы, с удивительной быстротой завоевала известность маленьким рассказом «Правонарушители». Напечатанный в «Сибирских огнях» в 1922 году, рассказ сразу получил широкий и благодарный отклик в литературных кругах столицы. Первым обратил внимание на «Правонарушителей» поэт Н. Н. Асеев в своем обзоре «Литературные края», помещенном в «Красной нови» в конце того же 1922 года.

Редактор «Красной нови» А. К. Воронский говорил мне тогда с задором и радостью:

— Смотрите, как богатеет и расцветает наша советская литература! Блестящие имена появляются одно за другим. Сибирь-матушка дала сразу двух больших художников — Иванова и Сейфуллину.

Когда вскоре вышел сборник повестей и рассказов Лидии Сейфуллиной Воронский попросил меня написать о нем для «Красной нови». По молодости лет и по чрезмерной литературной пылкости я, вероятно, хватил через край — слишком перехвалил книгу, но очень многие тогдашние оценки разделяю и сейчас. В лице Сейфуллиной советская литература имела дело с крупным и самобытным талантом, свежим, как молодость, и чистым, как лесной родник.

В 1923 году Л. Н. Сейфуллина вместе со своим мужем, писателем В. П. Правдухиным, поселилась в Москве, и с тех пор начались наши очень частые редакционные и домашние встречи.

Сейфуллина была человеком резко выраженных симпатий и антипатий, и, если кто-либо нравился ей, она не только «привыкала» к нему, но и становилась подлинным его другом.

Маленькая женщина с детской застенчивой улыбкой могла во время идейных споров греметь наподобие судной библейской трубы, стучать кулаками по столу или потирать ими у лица собеседника. Это была взрывчато-темпераментная, прямая и правдивая, безоговорочно принципиальная женщина.

Прежде чем стать писательницей, Сейфуллина прошла довольно сложный житейский путь: училась в епархиальном училище, где готовили дяконов и матушек, умеющих хорошо солить грибы и вышивать на палочках, была сельской учительницей, а потом — актрисой на сцене одного провинциального театра, изображая подростков. С первых дней револю-

ции она окунулась в политическую жизнь.

Безукоризненная правдивость и принципиальность Лидии Николаевны быстро завоевали ей глубокое уважение в литературных и общественных кругах, и ее московская квартира делалась «салоном», собиравшим представителей самых разнообразных литературных течений.

Квартира Сейфуллиной — Правдухи-

Н. П. Смирнов, Л. Н. Сейфуллина и В. П. Правдухин на крыльце охотничьего домика на озере Имарка.

Она нередко бывала у Горького и, возвратившись оттуда, с восторгом описывала свой разговор с Алексеем Максимовичем, передавала его литературные отзывы и оценки и вся сияла от радости, заметно хорошела и молодела.

ЛИДИЯ СЕЙФУЛЛИНА

(К 100-летию
со дня рождения)
Ник. СМЕРНОВ

на влекла людей человеческим теплом и непринужденностью обстановки, как влечет путников в сумерки домашний огонек. На этих шумных сборищах живо обсуждались все злободневные литературные новости, читались и подвергались справедливой критике еще не напечатанные произведения. Кто только не бывал здесь, в этих двух скромных комнатках, загроможденных книгами и затуманенных горьким табачным дымом!

Молодой, в гимнастерке и сапогах, Шолохов и медлительный, иронически изысканный, тонкогубый и румяный Бабель; по-цыгански смуглый, полесному бородатый Пришвин и лысый, седоусый, быстрый и легкий Новиков-Прибой; чинная, осанистая Ольга Форш и тонкая, прелестная Лариса Рейснер; сумрачный, чем-то напоминавший медведя Зазубрин и «искрометный», улыбающийся Шкловский.

Пришвин читал здесь свои охотничьи рассказы, в том числе «Смертный пробаг»; Новиков-Прибой — отрывки из увлекательнейших морских повестей. Задолго до появления в печати читала Сейфуллина «Виринею» по рукописи, написанной крупным, учительски ровным почерком. «Виринея», помню, произвела очень большое впечатление, и ее почти единодушно хвалили, хотя кое-кто и отмечал зависимость героини от образа Молодой из «Деревни» Бунина.

Многие делились здесь своими рабочими планами и замыслами, своим творческим опытом. Шолохов рассказывал о работе над «Поднятой целиной», Бабель — о своих дореволюционных встречах с А. М. Горьким и о впечатлениях от недавней поездки во Францию (1933 или 1934 год).

Лидия Николаевна очень ценила его творчество и часто читала отдельные рассказы из «Конармии» вслух. Из современников ценила она еще Сергеевича, А. Н. Толстого, Малышкина, Новикова-Прибоя и особенно Горького.

— Какое счастье, что мы, писатели, живем в одно время с этим чудесным человеком, — сказала она как-то о Горьком с благодарным блеском в глазах.

Она глубоко уважала громоносную поэзию Маяковского и нежно любила лирику Есенина.

Различие в творчестве Маяковского и Есенина она определяла так:

— Один кричит, другой — плачет...

Она могла сотни раз читать и слушать такие стихи Есенина, как «Не жалею, не зову...» или «Мы теперь уходим понемногу...».

Жадно слушала она и стихи Павла Васильева, тогда молодого, белокурого «Ваньки-ключника». Он читал их с великолепной, немного озорной удалью, сильным и раскатистым «себряным» голосом.

Но особенно трогательно любила Сейфуллина Ларису Михайловну Рейснер.

Л. М. Рейснер, талантливая писательница, была воплощением женской красоты. Высокая и стройная, тонколицая и русоволосая, она напоминала деву гор из старинных сказок Севера. Что-то очень легкое и музыкальное, подобное мелодии Грига, чувствовалось и в ее голосе, и в легкости ее походки. Сейфуллина не только узнавала, но как бы даже «чувствовала» Рейснер издали — по малейшему ее движению.

Когда в квартире раздавался какой-то особенный, короткий и легкий звонок, Сейфуллина радостно выговаривала: «Это Лариса!» — быстро шла отворять дверь.

Лариса Михайловна и здесь, как всегда и везде, не могла сидеть спокойно: с кресла пересаживалась на диван, с дивана — к письменному столу, оттуда — к дремлющему в углу ирландскому сеттеру или к книжному шкафу, опытно и умело (на «глазок») оценивая любую книгу.

Когда в начале 1926 года Лариса Михайловна умерла, Сейфуллина, жившая тогда в Ленинграде, мгновенно примчалась в Москву. Скорбная и заплаканная, она была неутешна. Она тихо, с отчаянием спрашивала, роняя слезы:

— Скажите, что же это такое? Как это может быть, чтобы Лариса умерла? Ведь это умерла Красота...

Сейфуллина на всю жизнь сохранила печальную и нежную память о Ларисе Рейснер: портрет северной красавицы постоянно стоял на ее письменном столе.

Обычно я заставлял Лидию Николаевну за книгой — она читала удивительно много. Сидит, бывало, в глубоком кресле, у окна, курит одну за другой папиросы «Дели» и неторопливо, со вкусом и толком, шелестит книжными страницами. Она, как бы в «обязательном порядке», читывала все «толстые» журналы — преимущественно беллетристику и критику, большинство советских и переводных книжных новинок и систематически перечитывала Пушкина и Толстого, Бальзака и Флобера, «Анну Каренину» и «Мадам Бовари» — она считала величайшими созданиями мировой литературы и очень высоко ценила письма Флобера, то и дело цитируя их на память. Лидия Николаевна повторяла, с горящими глазами и дрожащим голосом, такую фразу Флобера:

«Искусство — изображение, и наше дело — изображать; душа художника должна быть безбрежна, как море, и чиста, как оно, чтобы до самого дна отражались в ней звезды небесные...»

Сейфуллина, как и в отношениях с людьми, была глубоко субъективна в своих литературных вкусах и симпатиях. Обожая Пушкина и Л. Толстого, она решительно не любила Шекспира и Достоевского. Я не раз и со всей страстью читал ей монологи датского принца, Брута и Макбета —

и всегда замечал на ее лице обидную, но искреннюю скуку. В ответ на мое раздражение она смущенно и застенчиво оправдывалась:

— Помните известное изречение: «Могущий вместить да вместит...»? А я вот никак не могу «вместить» вашего Шекспира. Не трогает...

То же было и с Достоевским. Когда я напоминал ей такие потрясающие сцены, как уход Наташи к Алексею в «Униженных и оскорбленных», покупку Настасьи Филипповны Рогожиным в «Идиоте», кошмар Свиригайлова в «Преступлении и наказании», прощание Мити Карамазова с Грушенькой в «Мокром», Лидия Николаевна опять виновато улыбалась и отмахивалась:

— Теперь не отвлекайте меня и идите к Валерьяну беседовать об охоте...

Муж ее, Валерьян Павлович Правдухин, был неутомимым охотником, и Лидия Николаевна умело поддерживала охотничий разговор, ежегодно ездила в охотничье путешествие по Якутске, где добросовестно выполняла роль «дневального» у палатки и усердно, хотя иногда и со слезами досады на глазах, щипала груди битой дичи. Больше того: она ревниво оберегала охотничью честь мужа, и, когда однажды я, очень посредственный стрелок, обстрелял на утиных перелетах Валерьяна — редкостного стрелка, Лидия Николаевна заговорила со мной обиженным тоном и поминутно уверяла охотников:

— Это чистая случайность: Валерьян завтра покажет, как надо стрелять.

Она никогда не писала охотничьих рассказов и все-таки по просьбе мужа написала рассказ «Поневолле», полный искристого юмора и снабженный эпиграфом из Чехова: «Я сам не курю, но жена моя велела читать сегодня о вреде табака». Рассказ был напечатан в сборнике «Охотничий рог», вышедшем в 1925 году.

Мне нередко приходилось принимать участие в охотничьих поездках, организуемых В. П. Правдухиным.

Особенно помнится поездка на озеро Имарка («Девичье озеро») в глуши лесного и печального мордовского края. Кроме Сейфуллиной, Правдухина и меня, в этот раз на охоту ездили: А. С. Новиков-Прибой, П. Г. Низовой и А. В. Перегудов. На полустанке Теплый Стан — всего ночь езды от Москвы — мы сразу же попали в вековую тишину соснового бора. Большинство охотников двинулись пешком, мы же с Лидией Николаевной поехали на лошади, в медлительной, тряской телеге.

Лошадь сначала тащила нас бором, пахущим «смолой и земляничкой», потом просторными полями. Был теплый, светлый август, в полях золотились ржаные снопы, а вокруг легко и мягко синели древние леса, виднелись уютные деревушки и откуда-то наносило сухим и пряным ароматом вянущих дубовых листьев и сладким холодком озерной воды.

Лидия Николаевна смотрела на всю

эту родную красоту жадными глазами, с тихой и счастливой улыбкой.

Всегда сдержанная, не любящая говорить о своих чувствах, она сказала с незабываемой теплотой в голосе:

— Я так люблю Россию, что могу заплакать или закричать от счастья этой любви...

Любовь к России, к Родине была тем нескудеющим родником, который постоянно обострял и углублял для нее радость и ценность жизни, живо-творил ее творчество, помогал преодолевать тяжелые личные беды и несчастья.

Случилось так, что мы не виделись с Лидией Николаевной целых пять лет (1935—1939)*.

Наконец, поздней осенью 1940 года я поехал к ней на подмосковную дачу в писательском поселке Переделькино. Хмурый и сумрачный предзимний день жег ледяным ветром, ветер срывал последние листья с берез, с шуршаньем рассыпал их по сквозной аллее. В аллее я издалека увидел Лидию Николаевну, спешившую мне навстречу.

— Я так рада вас видеть, — сказала она своим прежним, мягким голосом, — и не отпущу до ночи... но только с одним условием: не задавать мне обычного вопроса: «Над чем вы работаете сейчас?»

Я присидел у Лидии Николаевны действительно до ночи, но уехал с ощущением большой грусти и боли: прежних — непосредственных, легких и теплых — отношений не стало, между нами пролегла какая-то, если не отчуждающая, то чуточку отделяющая грань. Она постарела, поседела, стала несколько растерянной и рассеянной.

В военные и послевоенные годы Лидия Николаевна усердно и много работала как рецензент и редактор и по-прежнему принимала самое деятельное участие во многих общественно-политических начинаниях Союза писателей.

С особенным усердием читала она рукописи молодежи и была по-настоящему счастлива, если обнаруживала среди них проблески самобытной мысли и талантливости.

Но из песни слова не выкинешь: писать она не могла — мешала все обостряющаяся тяжелая болезнь.

...Не так давно две девушки, перелистывая в книжном магазине том рассказов Сейфуллиной, заинтересовались:

— Это что — новая писательница?

Мне стало горько и обидно: нельзя, непростительно забывать Сейфуллину, прочно и крепко вписавшую свое благородное имя не только в число создателей советской литературы, но и в число борцов за реализм этой литературы, за ее народность.

1956 г.

Из неопубликованного.
Публикация З. П. СМЕРНОВОЙ.

* В эти годы Н. П. Смирнов был репрессирован (ред.).

В НЕНАСТЫННЫЙ ДЕНЬ

(Страницы из дневника)

Л. СЕЙФУЛЛИНА

«В животном страсти слиты в одно с рассудком, образуя побудку, а потому в страстях животного всегда есть мера. Страсти человека, напротив, отделены от разумного начала, подчинены ему, но вечно с ним враждуют и никакой меры не знают». На уроках чистописания в епархиальном училище мы списывали это изречение с прописи. Оно двадцать пять лет хранилось в каком-то закоулочке моей памяти так же бестревожно, как некоторые тексты из катехизиса или нарекания с окончанием на е: «крайне, втуне, вообще, прежде, вовсе и еще». А вот прошлой осенью неожиданно приобрело для меня смысл. Оказывается, это об охотниках. Всем, кто связан родством или собственным попустительством с охотниками и страстными рыболовами, советую списать его в записную книжечку. В генеральной родственной перебранке следует им козырнуть. Результаты увидите сами. Они зависят от многих приводящих обстоятельств, я не берусь их предугадывать. Расскажу по порядку, чего я добилась этой цитатой. В нашей охотничко-рыболовной артели было шестеро мужчин, я и собака Грайка. На зимних квартирах все мы были людьми, не то чтобы выдающимися по своей рассудительности, но все-таки нормальными середняками. Грайка, конечно, и в городе была собакой, но толстой и спокойной. Выехали мы на Урал, поплавали, покочевали по его берегам, и разумно сдержанными в охотничьей страсти остались только двое: я и Павел Дмитриевич¹. Самыми отъявленными безумцами сделались бактериолог Калининко, литератор Валерьян Павлович² и брат его — служащий, Василий Павлович³. Первые два — охотники, третий — рыболов. Вечерами они являлись на стан позднее всех. На свету, когда в палатку напылав рассветный холодок и особенно сладок был сон людей нормальных, они опрометью вскакивали с постелей. Калининко и Валерьян Павлович хватали ружья. Василий Павлович — удилице. Грайка, уже утратившая с ними полноту и спокойствие, все-таки некоторое время сдержанно потягивалась. Валерьян Павлович дико свистел, насильственно вызывая в ней «побудку», тащил ее с собой на мытарства.

Дурным примером безумцы нарушали душевное равновесие не только Грайки, но еще двоих членов экспедиции. Психиатр, Николай Павлович⁴, вместо того чтобы воздействовать на братьев и Калининко гипнозом, сам предавался беспокойству. После их ухода он спал — уже несладко — часок-полтора и тоже тащился с ружьем. Вскрикивал, как неразумный, и Константин Алексеевич. Но он ветеринар. От частого общения с животными научился хранить меры в своих страстях. Поэтому, проснувшись ранним-рано, долго раздумывал об охоте на стану, кипятил чайничек, а не бежал, чуть продрал глаза, будить выстрелами птицу. Только я и Павел Дмитриевич в этой поездке сохранили прежний почтенный вес в теле и спокойствие души. Набираясь сил и зоревы, спали мы до яркого солнца. Однажды оно зашло. Утро встало серенькое и прохладное. Никогда на мягкой постели в прочных стенах жилья не спит человек, а не безмятежный сон, как на воле. На берегу реки или в степи, на кое-какой подстилке, русским раздумчивым, неярким утром спится, как младенцу на руках у родимой. Павел Дмитриевич храпел в глубине большой нашей палатки. Я вторила ему на своем месте у входа, головой наружу, поэтому нарушился сначала мой второстепенный храп. Откуда-то из глубины воспоминаний до сознания моего дошло: «А ведь, пожалуй, орет какой-то обозленный человек». Я струсилась и проснулась. В яву слышались действительно злой крик. Долетели отдельные отчетливые слова: «Черти... Спать приехали!» Я догадалась, что крик относится к нам, вздохнула и вышла из палатки. Мы ночевали на отлогом песке, а на противоположном крутом берегу, под деревьями, кричал и сердито, по-медвежьи, топтался на одном месте Василий Павлович. Кротким голосом я позвала: «Ау!» Видно было, как яростно сплюнул Василий Павлович. Он хлопнул себя рукой по боку и зазевал еще злей и безнадежней:

— Черта мне с вами теперь аукаться! Улетели. Дрыхнете, окаянные, будто нанялись спать!

Я степенно шмыгнула носом и спросила:

— Во-первых, кто улетел? Во-вторых, в какую сторону? Если направо, туда наши собирались вчера. Может быть, убьют.

Василий Павлович плюхнулся на берег, вытянул ноги, покачал головой и уже изнеможенным голосом отозвался: — Что с вами разговаривать! Скажите этому спящему идиоту: дудаки над станом пролетели.

Василий Павлович — наш капитан. Я — дисциплинированный член команды. Поэтому я сначала вернулась к палатке, растолкала Павла Дмитриевича, сообщила ему в точности сказанное и о дудаках и о спящем идиоте, потом уже продолжала разговор с начальством:

— Зря, Василий Павлович, вы орете. Во-первых, мы наладились стрелять гусей и уток, а тут непредвиденные дудаки. Во-вторых, Костя до обеда — всегда около палатки, а сегодня ушел. Я думала, он здесь, и спала спокойно.

Сердито наматывая леску на удилице, Василий Павлович заявил:

— Если бы вы спокойно спали, не просыпаясь, всю нашу поездку — лучше было бы. Что кричите? Рыбу всю распукали. Действительно, с вами порыбачишь, поохотишься. Компания!

Он съехал собственными средствами вниз, к реке, вспрыгнул в лодку и с размаху ударил по воде веслами. Павел Дмитриевич умывался прямо из реки, виновато взглядывая сквозь мокрые пальцы на приближающуюся лодку. Явная несправедливость. Первый зорал благим матом сам рыбак. Рыба уже была напугана, когда я вступила в переговоры. Наконец он забыл самое главное. Василий Павлович истихнул — из реки от перемета протянул в палатку бечевку со звонками. Он ждал осетра. Эта уважаемая рыба должна была вызвать такой же звон, как архиерей, навестивший сельскую паству. Я помню, в детстве слышала, каким оголтелым звоном его встречали. Но дергала все мелкая рыбешка, слабосильно, но неустанно. Правда, меня звонки не будили, но я спросонок слышала, как другие жаловались. Могла бы указать и я на ночное беспокойство. Тем более что улов оказался мелюзговым. Но я благодушно предоставила дальнейшее объяснение Павлу Дмитриевичу. Молчком пошла разводить костер. Я знала, что Василий Павлович любит повторяться. В этом они одинаковы — два брата, Валерьян Павлович и он. Тысячу раз слышала от них: «Не рыбачишь, не стреляешь, хоть бы высматривала птицу». Польются горькие попреки, а разве я виновата? Если бы мне было известно, что дудаки полетят, я и в полночь бы встала. Не могу же я, задрвав голову к небу, сидеть с разинутым ртом, не спавши, не пивши, не евши. Да и не успеешь уследить сразу и за небом, и за землей. Один раз я так сидела, выпучив глаза, искала в небе дичь, а из кустов выскочил заяц. От неожиданности я перепугалась чуть не до смерти. Где тут охотников звать! Еле ноги в палатку унесла. Прислушавшись к жестким определениям Василия Павловича и ответному виновато рокошующему баску Павла Дмитриевича, я

¹ П. Д. Боборыкин — старый московский рыболов и охотник.

² В. П. Правдухин.

³ Старший брат писателя В. П. Правдухина.

⁴ Младший брат В. П. Правдухина.

узнала, что дудаки пролетали медленно и близко от стана. Василий Павлович увидел их сразу и с замиранием сердца ждал выстрела. Ему самому стрелять с другого берега не имело смысла. Он горько жалел, что расположился рыбачить против нашей палатки. Лучше бы не видеть! Наконец, когда дело было безнадежно, он стал кричать и ругаться. Сидя у костра, прихлебывая упительный горячий чай, он все еще время от времени взвизгивал: — Не понимаю! Охотники, рыбаки... Спят до обеда.

Я сообразила, что день во всех отношениях будет несчастным. Как разлившаяся российская грусть, расстилалась от нахмуренного неба над лесом на том берегу, над водою, над одиноким стогом в степи, за палаткой, над бледным во дню огнем нашего костра мглистая серость. На вземе к степи нахохлились мелколистственные кусты. Без блеска, без переливов, с ленивой печалью обмывала берег темная волна. Желтый сыпучий песок меж кустами и рекой помутнел, казался теперь плотным, хмурым и древним. Сколько десятилетий намывала его такая вот невеселая река?

Стреляют наши. Близко они или далеко? В сыром воздухе выстрелы звучат приглушенно. Надо скорей готовить еду.

Первым появился Константин Алексеевич. И только он один — с добычей. Бережно положил около костра трех взъерошенных сереных куропаток. Василий Павлович чистил ружье. Он мрачно сообщил Косте:

— Опять просалачили дудаков. Придется мне бросить рыбалку. Охотники! Вот, видали? Проспал.

Из презренья он указал не приспособленным к указанию большим пальцем на Павла Дмитриевича. Тот поодаль от нас уныло ловил рыбу спиннингом, ничего не вылавливая. Раздался треск в кустах. Замученный, хилый, в изодранных штанах появился Калинин. Вид его был суров, но жалок. Он дотасился до костра и молча лег на землю. Ясно: с пустыми руками.

У Константина Алексеевича на кротком лице, как масло на блине, засветилось торжество. Он тихоньким голосом, очень ласковым, медленным, завел, как всегда, свое раздумье вслух:

— Почему необходимо искать птицу от стана далеко? Не всегда обязательно протаскиваться не зная сколько километров, измучиться вконец, изорвать одежду. Надо сначала поискать поближе. Уж если нет, тогда идти далеко.

А то что же далеко ходить? Я никогда не тороплюсь, я не гонюсь за тем, сколько убить. Мне это не важно, незачем хвалиться. Вот пошел тут рядом, походил, посидел...

Калиненко разом поднялся, сел, стиснул худые колени руками. Голосом умученного святого отрока воскликнул:

— Господи! Надолго это он завел? Костя, невидя на помеху, плавно тянул дальше свой рассказ:

— ...опять встал. Потом думаю: «Вот здесь по кустам пройду. Надо хорошенько осмотреть то, что близко, а потом уж ходить далеко...»

Новое вмешательство его не могло смутить. Костя всегда стойко хранил постепенность рассказа, сколько бы раз его ни прерывали. Поэтому, не смущаясь аккомпанементом его кроткого голоса, я сказала Калининко:

— А что же злиться? Действительно, поглядите хоть на меня. Цветущий, приятный вид! А вы? «Смотрите, дети, на него, как он угрюм, и худ, и бледен. Как презирают все его!»

Калиненко приподнялся на локте и угрожающе спросил:

— Это что? Намек?

Костя все еще продолжал свое повествование. Небо совсем потемнело. В этот миг по склону из степи скатилась к стану Грайка. Она тяжело вздымала запавшие бока с очевидными ребрами и трясла сильно высунутым языком. Так же, как и Калининко, она почти упала на стану. Я собиралась жалостливо ее погладить, но у костра появилось существо, еще более запаленное. Оно было гражданином, не лишенным избирательных прав. В уголовном розыске наверняка о нем выдали бы в критическом случае справку: «Не судился, не приводился и не разыскивался». Я это знаю. Это мой муж — Валерьян Павлович. Но что он такое сейчас по внешнему виду? В обрывках нательной сетки и из порывевших, протертых штанов видно худое, прокаленное дочеря солнцем, обветренное тело. На лице — только большой нос и запыленные очки. Головную покрывку он, вероятно, где-то в траве потерял. Глаза под пропыленными очками не увидишь. Ружье на левом плече подрагивало от напряженного дыхания. Прямо беглый, осужденный по «мокрому» делу. Хорошо еще, бумажник хранился у меня. Кто на жилой берег такого без документов пустит? Он упал у стана прямо на спину в полном бессилии. Взглянув на него, Василий Павлович, всегда сдержанный в выражении

родственного чувства, спросил: «Братской жалостью в голосе:

— Где же ты себя так ухайдакал? Дыша громче хрипящей, свистящей Грайки, Валерьян Павлович прерывистым голосом сообщил:

— Туда, сюда... Стрепетов по степи искал. Потом на гусиные пески. Верст восемь отсюда... ну, может, побольше... Понимаешь, помету! Штук тысячу их было... И дня два назад... А сейчас ни одного.

Константин Алексеевич уже окончил свой рассказ. Но, увидев нового слушателя, завел сначала:

— Зачем далеко ходить? Прежде надо близко поискать...

Вот тут я и рассвирепела. Встала над костром, подбоченилась, мотнула головой на загнанную Грайку и продемонстрировала:

«В животном страсти слиты в одно с рассудком, образуя побудку...» И так далее.

В середине моей проникновенной цитаты на стану появился последний запоздавший охотник — Николай Павлович. Ремень от ружья у него съехал, оно лежало поперек спины. Он торжественно потрясал обеими руками... Николай Павлович посмотрел на меня и крикнул моему мужу:

— Валя, в аптечке у меня есть валерьянка. А, пожалуй, лучше слабительного...

Константин Алексеевич заканчивал вторично свой рассказ, на меня смотрел мечтательными, далекими глазами. Василий Павлович крикнул, глухо проворкотал:

— Спала, спала и доспалась до точки.

Калиненко взбодрился, вскочил, высоким звенящим тенором объявил:

— Товарищи! У нас в Балаклаве тоже был такой случай. Один грек заговариваться стал...

Лежа плашмя на песке, Валерьян Павлович все же решительно заявил:

— Факт. Разговаривает, как тот грек в Балаклаве.

Василий Павлович, прирожденный организатор, немедленно изготовил план:

— Доплывем до ближайшего аула, оставим на берегу палатку, вещи, Лидию Николаевну, а сами в степь — за дудаками. Сегодня протянули вот здесь. Возьмем в ауле киргиза-проводника, а Лидию Николаевну в подмогу сторожа. И она отдохнет, и мы отдохнем.

На воде он был завзятым рыболовом, на суше — специалистом-загонщиком в охоте на дроф. Рыба в последние дни клевала плохо. Надо же было дудакам сегодня налететь на мирный наш стан! Придется мне сидеть на захоженном скотом берегу, где-нибудь вблизи нищего сонного аула. Меня бы взяли в степь, на ароматное ее на зорях увяданье, под широкое небо, а теперь сиди на водопойном берегу. Это мне за цитату.

Рисунок Б. Игнатьева

Радостью тихой, радостью первой,
Малозаметна, скромна,
Вербой пушистой, расцветшею
вербой,
Встречена вербой весна.

Верба в овраге, по лесу, у озера
Цвета и снега, и льда.
Утренней зорькою крепко морозило,
Днями ходила вода:

В солнечных брызгах,
 живая, бурлящая, —
Радость ей некуда деть.
Шумом разбуженный, вешнюю чащею
Бродит спросонок медведь.

Тощий, облезлый,
 весь в рыжих подпалинах
Долго стоит над рекой.
Пахнут землею лесные проталины,
Талою пахнет водой.

Долго глядит, как река поднимается.
Трещины шире видны.
Вербы пушистые низко склоняются —
Вестницы русской весны.

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ

Снова солнечные пятна
Разметались по траве.
Дождь промчался благодатный,
Стало ярко в синеве.

В выси жаворонок млеет.
Клейко пахнут тополя,
Зеленее, зеленее,
Краше рощи и поля.

Ветер спать ушел в берлогу,
Разлетались жуки.
А размытую дорогу
Обгоняют ручейки.

Белым паром испарений
Дышит теплая земля.
А расцветшие сирени
Поджидают соловья.

Первый зазимок, первый почин.
Лес стоит, тишиной околдованный.
Крупные сочные кисти рябин
Птицей почти не расклеваны.

Воздух прозрачен, вкусен и чист,
Неподвижный, пронизанный светом.
И играет опавший березовый лист
На снегу — золотою монетой.

Нарушая широкую снежную гладь,
В рыжей шубке и с белою грудкой,
По поляне крадется лиса мышковать,
След печатая по первопутку.

Где-то дятел стучит,
и морозит слегка,
Нежным снегом сосна приодета.
А охотник спешит поднимать русака
По слепающему свежему следу.

Месяц сладкою ватрушкой
В небе испечен.
Где-то квакают лягушки,
Распустился клен.

Заяц всхлипнет, как ребенок,
Шорох меж берез.
Тявкнет раза два спросонок
На деревне пес.

Только рокот соловьиный
По лесу стоит.
Несмолкаемый, родимый
Так, что лес дрожит.

Лес дрожит, и лес трепещет
В счастье бытия.
Через край любовью плещет
Песня соловья.

Геннадий МОРОЗОВ

ЗЕЛЕНОЕ ЗАРЕЧЬЕ

Есть истина простая.
Услышит, кто не глух:
Черства земля чужая,
Своя легка, как пух!

До смерти мне дивиться,
Ведь в жизни повезло
В местах таких родиться,
Где от реки — светло.

ПЕРЕД ОХОТОЙ

Как нынче ветрено и хмуро!
О где ты, утренняя тишь?
Осоловели даже куры
И потемнели скаты крыш.
И лодки дремлют на приколе,
Остыла в озере вода.
И целый день в широком поле
Протяжно стонут провода.
Темнеет лес и мгнутся выси.
Навстречу свету выхожу.
Гляжу на сорванные листья
И с переборами дышу.
Как тянет прелью из оврага!
Поблели травы на лугу.
Иду с ружьем неспешным шагом...
И чья-то мокрая дворянка
Дрожит и жметс к сапогу.

Перелески... Кручи...
Воздух дымный, горький.
Где он, солнца лучик? —
Прячется за горкой.

Солнцу не продрасться
из-за той горушки.
Чутко держат зайцы
ушки на макушке.

Молодой и тощий,
ноги изодравший,
выхожу из рощи
мокрый и уставший.

Дождь пронял до нитки...
И смешно и грустно —
принести в корзинке
два задрогших груздя.

Отошли холода и метели.
Я забыл их, свирепых, давно.
Вот на жердочку скворушки сели...
И с карниза срываясь, капли
Избяное пятнают окно.

Как люблю я такие мгновенья:
Встало солнышко, тронулись льды.
Что тревоги мои и сомненья
Перед радостным, бурным стремленьем,
Перед натиском внешней воды?!

ПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Очнулась внешняя природа
и отступили холода.
За рыхлым обережьем брода
взломала зыбкий лед вода.

Запахла пашня теплым хлебом,
согрел лицо мне красный луч...
А ветерок расчистил небо
от облаков и темных туч.

И как-то робко и неловко
в начале солнечного дня
в полях зеленые головки
приподымают зелень.

А вслед за птичьим перекликом,
на солнце ярко заблестав,—
ручей, как скрипка, запиликал
на тонких струнах первых трав.

Над бором солнце покатилося,
просохли крыши деревень.
И вся земля омолодилась
лишь за один погожий день!

АНГЛИЙСКИЕ РУЖЬЯ

Ружье фирмы «Дж. Перде» в классическом оформлении. Снизу — общий вид ружья, сверху — его фрагмент.

Ружье лондонской фирмы «Черчилль».

Английские конструкторы, инженеры, мастера внесли крупный вклад в развитие охотничьего оружия. Им принадлежит немало изобретений в оружейном деле, именно они создали эталонные модели штучных ружей, на которые до сих пор ориентируются при производстве охотничьего оружия высшего класса. Именно прославленных английских мастеров известны во всем мире.

В нашем журнале неоднократно рассказывалось об английских ружьях («Охота и охотничье хозяйство», 1959, № 11; 1960, № 6; 1966, № 4; 1971, № 12); в настоящем номере мы публикуем две статьи, авторы которых с разных точек зрения рассматривают английское охотничье оружие.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Под общим термином «английские ружья» обычно подразумевают оружие, изготовленное в Лондоне и Бирмингеме. При этом принято считать, что высококлассные престижные ружья (или, как принято говорить, ружья самого высокого разбора) делают в Лондоне, а более простые — в Бирмингеме. За некоторыми исключениями, о которых будет сказано ниже, это так. Но следует подчеркнуть, что все заготовки для лондонских производств (даже если потом их клеят в Лондоне) делают именно в Бирмингеме, в Лондоне же они приобретают вид готовых ружей.

Среди лондонских мастеров, или, как образно называл их незабвенный С. А. Бутурлин, «артистов», выделяют Джеймса Перде и Голланда-Голланда. За ними следует целая плеяда выдающихся оружейников, мало в чем уступающих этим мастерам. В порядке русского алфавита назовем только не-

которых из них: Аткин, Бизли, Босс, Ватсон, Вудвард, Грант, Когсвелл и Гаррисон, Ланг, Ланкастер, Черчилль, Эванс. На рубеже XIX—XX вв. в Лондоне функционировало около 100 фирм. Одни из них изготавливали ружья, другие — стволы, замки, принадлежности для ружей. К середине 80-х годов нашего столетия число лондонских оружейных фирм сократилось до десяти.

Важным центром по производству охотничьих ружей и изготовлению заготовок для их производства был и остается Бирмингем. Производству способствовали расположенные рядом энергетические и сырьевые ресурсы в виде запасов угля и высококачественной железной руды. В начале нашего века в Бирмингеме функционировало свыше трехсот фирм, связанных с производством оружия. Среди них особое место занимали такие известные фирмы, как «Гринер», «Скот» (объединившаяся в 1897 г. с фирмой «Веблей») и одна из самых старых английских фирм «Вестли Ричардс», ружья которой стоят в одном ряду с лучшими изделиями лондонских мастеров. В отличие от лондонских оружейных фирм бирмингемские наряду с высококлассными изготавливали в значительном количестве и ружья среднего разбора.

Кроме Лондона и Бирмингема, ружья высшего разбора делали и в других районах Великобритании. В Эдинбурге (Шотландия) высококлассные ружья, отличавшиеся очень плоским профилем, с замками, смонтированными на нижней личине, выпускал мастер Диксон. В Дублине (Ирландия) ружья и двухствольные штуцера, привлекавшие внимание красивой формой замков и особой конструкцией верхнего запора,

делал Ригби.

Имеющиеся данные говорят о том, что в XVIII и XIX вв. только в самой Англии ружейное производство в том или ином виде было организовано более чем в 500 городах. Именно в этом кроются традиции производства высококлассного оружия, связанного с наличием разных школ, из поколения в поколение передающегося мастерства. Любопытно, что в списках оружейников числятся имена 47 женщин. Логично предположить, что это были жены оружейников, помогавшие им в работе. Но вот Энн Патрик самостоятельно вела дело 12 лет, пока не вышла замуж за Томаса Вильямса — основателя впоследствии известной оружейной фирмы «Вильямс и Пауэлл».

Английские оружейники прекрасно понимали, что традиции не возникают из ничего, а складываются десятилетиями. Поэтому мероприятия английских оружейников, направленные на сохранение традиций в оружейном деле, заслуживают внимания и уважения. В этом отношении интересна деятельность фирмы «Черчилль». Ружья этой фирмы у нас не очень известны. Связано это с тем, что, возникнув в самом конце XIX в. (одна из самых молодых лондонских фирм) и вскоре же получив признание в Англии, фирма не вышла на русский рынок. Фирма «Черчилль» стала изготавливать ружья по высшему английскому стандарту и в короткий срок стала в один ряд с самыми выдающимися лондонскими фирмами. С середины 1930-х годов фирма стала объединять под своим началом «выбывающие из бизнеса», как говорят на Западе, старые лондонские фирмы. К началу 70-х годов фирма «Черчилль» объединила производство таких старинных фирм, как «Аткин»,

«Грант», «Ланг» и «Ланкастер», не изменяя названий и сохраняя стиль и подчеркивая индивидуальные особенности их ружей.

Во второй половине нашего века английские оружейники попали в сложное положение. Наступил период, когда управляемое компьютерами машинное производство достигло поразительных результатов. А прочность легированных сталей стала такой, о какой только мечтали оружейники в прошлом. Совершенствование конструкторской мысли позволило создать модели, не только не уступающие по долговечности знаменитым в этом отношении английским, но даже превосходящие их. С этой точки зрения крайне интересны проведенные американской фирмой «Винчестер» исследования в связи с созданием двухствольного ружья высшего класса «Винчестер-21». Первые образцы этой модели с горизонтально спаренными стволами и оригинальным запирающим были созданы в 1931 г. Стволы изготавливали из специальной винчестерской хромоникелевой стали, получаемой электроплавкой. Образцы описываемой модели были испытаны Винчестерской лабораторией баллистики путем сравнения с изделиями лучших английских фирм. По-видимому, это единственный достоверный случай реального сравнения ружей, изготовленных разными фирмами.

Вот как описывает это очевидец М. Линдсэй в своей книге «Сто самых выдающихся образцов оружия». Испытания были крайне напряженными. Каждое ружье заряжалось вручную и из него производили выстрел. Так продолжалось до тех пор, пока ружье могло стрелять. Стрельба начиналась с рассветом и заканчивалась в темноте. Дни проходили за днями, недели за неделями... Конкуренты стоили один другого. Вряд ли какие-либо другие ружья могли бы выдержать такое. Но вот наступил момент, когда, не выдержав этих напряженных испытаний, ружья начали сдавать. У одних лопались механизмы или запоры, у других стволы расстреливались, раздувались, а затем разрывались. Наконец, осталось одно ружье, как вы догадались, «Винчестер-21». Из него было сделано дополнительно еще 10 тыс. выстрелов, затем проверены резкость боя, кучность, равномерность осыпи и измерен диаметр каналов стволов. Все параметры оказались на удивление удовлетворительными. С тех пор это ружье производится в США и, учитывая ручную отладку механизмов, подгонку и гравировку, является там самым дорогим ружьем.

У читателя, естественно, возникнет вопрос: это там, за рубежом, а есть ли что-нибудь у нас, что может конкурировать по живучести с лучшими английскими ружьями? Да, есть. Тульское МЦ8 — именно такое ружье. Наш выдающийся стеновик Ю. Цуранов сделал из своего МЦ8 полмиллиона выстрелов! Такой уникальный резуль-

тат привлек внимание американцев и на страницах журнала «Америкэн райфлмен» ему была посвящена специальная публикация. Естественно, что в ружье за этот период меняли детали замка и запоров, но стволы, сделанные из легированной стали 30ХН2МФА и колодка остались в удовлетворительном состоянии.

Но несмотря ни на что, английские ружья прочно сохраняют свою репутацию. В основном это изделия заказные. Заказчик определяет калибр, длину стволов и патронников, тип сверловки, вес ружья и т. д. С выдержанными ореховых заготовок для ложи снят тонкий слой древесины — типа фонирувки, и по ним, как по образцам, заказывают желаемый рисунок, тонировку, которая должна подчеркивать теплоту дерева, способ окончательной отделки ложи (лак, масло, под воск). Заказчик может сделать дополнения по сравнению с базовой моделью, например, заказать третье крепление и боковые захваты стволов на колодке, сделать передний спуск подпружиненным, изготовить пистолетную ложу, кстати, все чаще встречающуюся на английских ружьях. Изготовление такого ружья требует, по подсчетам специалистов, около 1 тыс. час высококвалифицированной ручной работы.

Английские ружья, как правило, не имеют антабков.

И еще на одном следует вкратце остановиться: английские оружейники давно уже поняли, что бой ружья зависит не только от него, но и от патронов, или, как теперь говорят, от комбинации «ружье — патрон». Поэтому ружейные фирмы производили и производят готовые патроны для своих ружей.

В. ШОСТАКОВСКИЙ,
кандидат химических наук

КАЧЕСТВО. КОНСТРУКЦИЯ. АРХИТЕКТОНИКА

Английские дробовые ружья снискали себе всемирную славу в XIX в. Этому способствовали три фактора. Во-первых, безупречная работа лондонских мастеров; во-вторых, изобретение ими конструкций, которые до сих пор копируются оружейниками других стран; в-третьих, создание новой архитектуры ружья.

Для оценки качества работы оружейного мастера, точности пригонки всех деталей необходимо самому быть хотя бы немного слесарем. Лицам же, незнакомым с ружейно-слесарным ремеслом, был очевиден только эффект безупречной пригонки — исключительная живучесть дорогих английских ружей. Однако не меньшую роль, чем пригонка частей, в долговечности английского охотничьего оружия сыграл ряд исключительно удачных конструктивных решений, предложенных оружейниками.

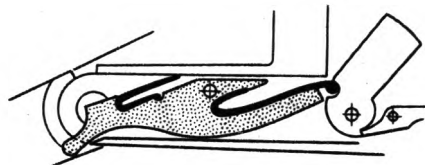

Схема механизма ружья Россона.

Этих изобретений, сделанных в основном лондонскими мастерами, следует коснуться подробнее. Ведь если конструкция, просуществовав более ста лет, продолжает оставаться непревзойденной, то это говорит и о талантливости ее создателя, и о ее действительности. Например, подкладные замки на боковых досках, снабженные перехватывателями системы Голланды, и по сей день ставятся на все высокосортные ружья (подробно см. «Охота и охотничье хозяйство», 1986, № 3). В 1893 г. Голланды получили патент на эжектор¹, который в настоящее время применяется еще шире, чем замки.

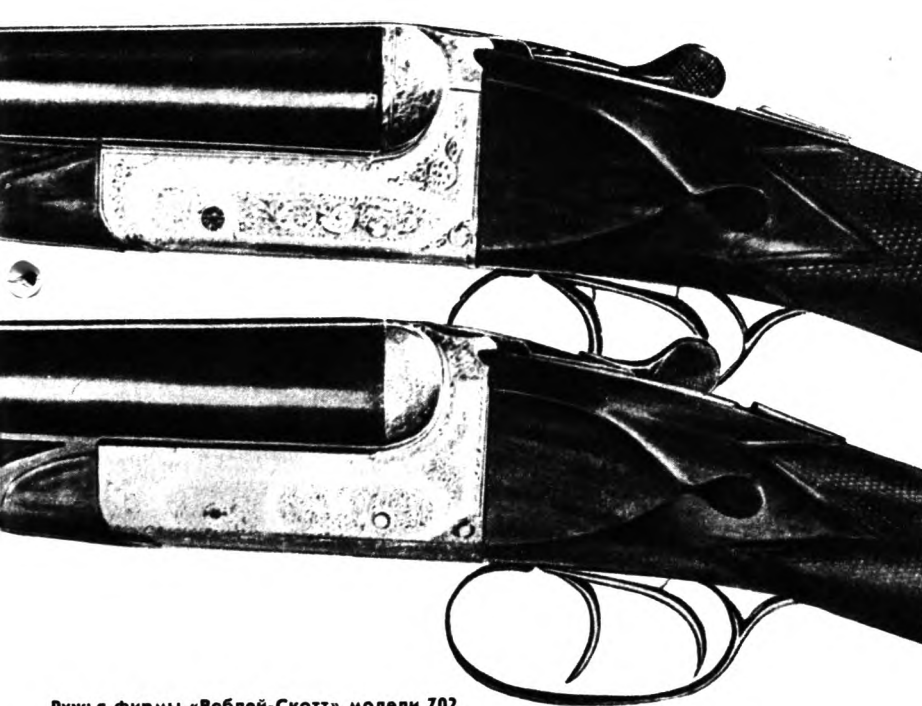
В середине прошлого века Джеймс Перде (о нем см. «Охота...», 1982, № 3) ввел пружинный затвор в виде продольно скользящей запорной рамки, входящей в выточки двух подствольных крюков. Теперь такой запорной рамкой снабжаются по крайней мере 95 % изготавливаемых в Европе ружей со стволами, спаренными в горизонтальной плоскости.

В 1875 г. служащие фирмы «Вестли Ричардс» Энсон и Дили (Anson and Deely) получили патент на корбачатые замки, носящие их имена. Чрезвычайно простая и надежная, эта система замков широко применяется на ружьях серийного производства. Тот же Энсон запатентовал запор для цевья с отпирающей кнопкой на его свободном конце. Эта система крепления цевья к стволам до сих пор находит широчайшее применение в Бельгии и Франции. В свою очередь, Дили совместно с Эджем предложили цевье с защелкой на его нижней стороне. Такая защелка — излюбленная система запирания цевья в СССР, Австрии, ФРГ, ГДР. До сих пор применяется и эжектор, патент на который Дили получил в 1886 г.

Перечисляя заслуги английских оружейников, нельзя обойти молчанием сконструированный В. В. Гринером в 1865 г. затвор в виде поперечно перемещающегося круглого болта, который входит в соответствующее отверстие в верхнем выступе казенного среза². В 1873 г. Гринер получил патент

¹ В самой Англии эжектор этой системы известен как эжектор Саусгейта, хотя Голланды получили патент несколько раньше него.

² В отечественной литературе этот выступ именуется «продолжением прицельной планки», хотя никогда не бывает частью последней.

Ружья фирмы «Веблей-Скотт» модели 702 (вверху) и 701.

на комбинацию поперечного болта с запорной рамкой Перде, которая и по сей день является наиболее прочным затвором, обязательным, например, на тройниках, пулевые патроны которых развивают давления свыше 3 тыс. атмосфер.

Третий фактор, обеспечивавший заслуженную славу английским мастерам, как уже было сказано — новая архитектура дробового ружья. Ему придали аккуратные, гладкие очертания, соответствующие нашим современным эстетическим требованиям. Новые формы были продиктованы не столько эстетическими, сколько утилитарными соображениями: из ружей с новыми очертаниями было удобнее стрелять, они не цеплялись за одежду и ветки.

Со свойственным англичанам консерватизмом лондонские оружейники настойчиво придерживаются и тех конструкций, которые из-за своей сложности не вызвали подражаний. Так, Перде еще в 1880 г. взял патент на свои подкладные замки, в которых курки при открывании ружья взводились остаточным натяжением боевых пружин. Пружины полностью нагнетались лишь при закрывании ружья, что создавало определенные эксплуатационные удобства. Но сложность отладки таких замков стала причиной того, что редко кто берется за их изготовление.

В 1933 г. фирма «Россон» в Норвиче выпустила остроумную систему самооткрывающегося ружья, одновременно обладающего двумя коленчатыми пружинами — большой боевой и малой, которая отбрасывает стволы вниз при отодвигании вправо рычажка затвора. При этом боевая пружина,

поворачиваясь вместе с взводителем курка, взводит курок своим длинным коленом. При закрывании ружья происходит поджатие боевых пружин.

Благодаря исключительно высоким ценам на ружья лондонских мастеров круг их покупателей был всегда ограничен. Однако в результате прекрасной пригонки всех частей эти ружья обладали повышенной живучестью и переходили от отца к сыну, а то и к внуку. Таким образом, оружейный рынок оказался насыщенным лондонскими ружьями, и мастерам пришлось привлекать покупателей разными нововведениями. И вот с этими-то новинками у англичан дела пошли куда хуже. Так, в английских бокфлинтах отсутствует изящество и строгость форм, которые так красили английские ружья с горизонтально спаренными стволами, а в их конструкции чувствуются недоработки. Сразу оговоримся, что бокфлинты Голландов и Перде, появившиеся гораздо позже, заметно превосходят своих предшественников. И все же, если сравнить бокфлинты лондонских светил с бокфлинтами, сделанными на континенте, то сравнение будет не в пользу первых.

Сходные упреки можно сделать и в адрес английских систем универсальных спусковых крючков. Единственная селективная система, то есть позволяющая по желанию менять порядок срабатывания замков, выпускается фирмой «Вестли Ричардс» и отличается исключительной сложностью. Остальные системы имеют постоянную очередность срабатывания замков.

К числу привлекающих новинок можно отнести и введение «самооткрывающихся» ружей. Наиболее компактное и действенное решение этой про-

блема было дано Голланди. Суть их системы заключается в мощной спиральной пружине, расположенной между цевьем и стволами. При закрывании ружья эта пружина нагнетается, зато при отжатии рычажка затвора сразу отбрасывает стволы вниз, преодолевая при этом сопротивление взводимых боевых пружин.

В настоящее время лондонские мастера в значительной степени ориентируются на американского покупателя. Длина патронника с 65 мм возросла до 70 и 76 мм, появились стеновые одностволки, а также тренировочные ружья для стрельбы дробовыми патронами калибра 5,6 мм по миниатюрным тарелочкам. Перде, например, к своему бокфлинту делает вторую пару гладких стволов калибра 5,6 мм. Кроме того, вкусы американских покупателей не замедлили сказаться и на внешней отделке ружей: на смену малозаметной, но изысканной гравировке старого типа пришла броская, подчас грубоватая гравировка, появилась инкрустация золотом.

В Европе популярностью пользуются относительно дешевые ружья «Веблей-Скотт» с коробчатыми замками моделей 700, 701 и 702.

Лондонские мастера в погоне за расширением сбыта выделяют ружья упрощенной конструкции по «умеренным» ценам. Так, Голланди предлагают менее имущим спортсменам свою модель «Доминьон» с обратными замками на боковых досках. Что же касается Дж. Перде, то он предпочитает при выпуске упрощенных ружей прикрываться чужим именем — Уильяма Ивенса.

Делают в Англии и совсем дешевые ружья, часто используя для их изготовления полуфабрикаты континентального происхождения. Такие ружья, по заявлениям самих изготовителей, могут выдержать всего два-три сезона, или 1—2 тыс. выстрелов.

Основанная в 1861 г. в Бирмингеме фирма BSA в настоящее время выпускает в нескольких вариантах двухстволку 12-го калибра с горизонтально расположенными стволами и без эжектора. Замки системы «Энсон и Дили», лежа обычно полупистолетная. Ружья снабжаются антабками. Внешние очертания коробки выполнены со вкусом и по форме напоминают очертания коробок хороших английских ружей. Внешние поверхности коробки окрашены химическим в мягкие тона серо-зеленого цвета. Ружья скорее тяжелые, чем легкие; стоимость в зависимости от варианта составляет приблизительно от $\frac{1}{15}$ до $\frac{1}{10}$ цены первоклассных ружей.

Несмотря на перечисленные особенности, дробовые ружья фирмы BSA не получили распространения ни на Европейском континенте, ни в США, хотя пневматические ружья этой фирмы и магазинная винтовка с дульным тормозом пользуются всюду хорошей репутацией.

К. МАРТИНО

САЙГАКИ В КАПКАНАХ

УТКИ ГИБНУТ В СЕТЯХ

СТАТЬ ОХОТНИКОМ В 16 ЛЕТ

Уважаемая редакция!

Являюсь вашим давнишним и постоянным читателем, но написать решил впервые. К этому побудило меня письмо А. Яркова (№ 8 за 1988 г.).

Я получил охотничий билет в 16 лет, тогда же приобрел первое свое ружье, на которое, кстати, сам и заработал. И до сего времени я благодарен тем людям, которые помогли мне стать охотником. Несмотря на разницу в возрасте, они ко мне относились, как к равному. От них я перенял любовь к природе, узнал красоту истинно русских охот, традиции охоты, охотничью этику.

Бывая на собраниях в своем первичном коллективе, с сожалением отмечаю, что юных-то нет, а тех немногих, кто пополняет наши ряды, к юным уже не отнесешь. Не следует считать, что если право вступления в охотобщество дать 16-летним, то все они ринутся вступать в общество. Нет, вступая единицы, но это будут охотники от бога и на всю жизнь.

Я считал и считаю, что охотобщество для охраны и воспроизводства животных делают очень много, потому что никто так не заинтересован в ее сохранении, как сами охотники.

В любое общество, любую организацию агитируют вступать, а вступающему в общество охотников советуют подумывать. И кандидатский стаж ввели, чтобы было время осмыслить этот шаг.

Письмо А. Яркова называется «Может быть, попробуем?». Не надо ничего пробовать, все это уже было, нужно просто к этому вернуться, но несколько по-новому. Охотхозяйством как отраслью должны руководить специалисты, а не бывшие работники милиции, партаппарата и пенсионеры.

Поднимая вопрос о праве юншей на охоту, в ответ слышишь, что это увеличит пресс на охотогодя. Ерунда, опыт Прибалтийских республик и соцстран опровергает это. Нужно не пресс уменьшать и этим создавать раздолье браконьерам, а повышать культуру охоты.

Мне поручили создать секцию юных охотников. Как было бы здорово организовать эту секцию из 12—13—14-летних, привлечь их к биотехническим работам в угодьях наряду с изучением охотинимума, правил, писанных и неписанных для охотника. А какую перспективу им сейчас можно предложить? Да никакой. До 18 лет в охотобщество не вступишь, далее вступать кандидатом нет смысла, потом служба в армии, учеба или устройство личной жизни. Ну, годам к 25—30 человек придет в охотколлектив, наверняка сожалея, что он многое недополучил, что начинать с нуля, что мог бы начать на десяток лет раньше.

А. РЫКОВ,
охотник
пос. Белый Городок Калининской области

Около пятидесяти лет тому назад при моем содействии из Бурятии в Хабаровский край была завезена ондатра в количестве трех сотен зверьков. Выпустили ее на Охотском побережье в озеро Мухтель и на реках Тугур и Улья.

Спустя семь лет мы организовали экспедицию с целью определить, как проходит ее акклиматизация в нашем крае. Обнаружить ондатру на Мухтеле и Тугуре не удалось, но на Улье ее оказалось много. В течение года ондатра приносила на новой родине два потомства и чувствовала себя хорошо. Вскрытие многочисленных желудков подтвердило данные о том, что это животное преимущественно травоядное. Заключение экспедиции, — ондатра успешно акклиматизировалась в Хабаровском крае. Вскоре ондатра пришла в смежный район им. П. Осипенко.

И вот сравнительно недавно, переходя ранним утром улицу им. Карла Маркса у здания Главпочтамта, я увидел на дороге только что раздавленную ондатру. Зверек угодил под машину, стремясь найти для себя подходящее местопребитание.

Летом я живу на даче в предгорьях Хехцира. Мой сад навещают белки и колонки, рябчики и фазаны. Сосед держит молодых кур в легком ажурном курятнике. Прогуливаясь по саду и вдруг слышу куриний переполох у соседа. «Наверное, колонок проник в курятник,

надо прогнать», — подумал я. Но каково было мое изумление, когда за металлической сеткой среди метавшихся с криком цыплят я увидел бегающую ондатру! Прогнав непрошеную гостью, я обнаружил, что проникла она внутрь курятника, подкапав под доской. Что привлекло ее в компанию не принявших ее кур? Ясно, что только не курятина. Ведь если бы она хотела ею полакомиться, то успела бы умертвить первого попавшего цыпленка, но, судя по всему, цыплята напугали ее не менее, чем она их.

В тот же день я снова встретился с ондатрой: она спокойно разгуливала по саду. А когда я побывал у искусственного водоема нашего садового товарищества, то увидел вторую ондатру. Подпустил меня близко к себе, она нырнула, затем всплыла и направилась к противоположному берегу.

Теперь у меня сомнений не было: среди садовых участков Хехцира на 16-м километре от Хабаровска на искусственных водоемах живут ондатры. Садам они вреда не наносят. Радостно наблюдать за этим плавающим безобидным зверьком — «младшим братом бобра», так оживляющим искусственные озера наших садов.

Вс. СЫСОВЕВ
г. Хабаровск

Я ношу обувь 46-го размера, стало быть болотные сапоги мне следует иметь 48-го размера: ведь надо надевать на ноги толстые шерстяные носки, а поверх — портянки. В магазинах же я встретил, да и то всего лишь раз, сапоги 47-го размера. Естественно, я сразу купил две пары. И вот теперь они износились, и я остался без сапог. Больше такие сапоги в магазинах я не встречал.

Вот почему я предлагаю выпускать болотные сапоги 48 и 49-го размеров. Если государственными предприятиями это невыгодно, пусть такие сапоги — по заказу — делают кооперативы.

И. ЗАХАРОВ
с. Бердюжье
Тюменской обл.

В 1986 г. егерь Катовицкого охотхозяйства Катовицкого воеводства Польской Народной Республики Арнольд Бревлиш купил журнал «Охота и охотничье хозяйство». Его заинтересовала заметка егера Дубровского охотхозяйства Брянской области И. Москвичева «Гибель лосей», и он написал ему письмо. Хотя на конверте не было ни улицы, ни номера дома, письмо нашло адресата.

Егерь И. А. Москвичев и Арнольд Бревлиш в Жуковском охотобществе.

Фото автора

Игорь Аркадьевич Москвичев был удивлен письму и немедленно ответил польскому коллеге. Так завязалась дружеская переписка между советским и польским егерями. Игорь пригласил в гости Арнольда, который с женой побывал у него. Семьями они ездили по грибы, побывали в Жуковском охотобществе, березовой роще урочища «Скратовка». Супруги Бревлиш так были рады поездкам, встрече с русским лесом, что обнимали наши березки. Арнольд интересовался работой егера, сравнивая ее со своей работой. Супруги Бревлиш, довольные гостеприимством Москвичевых, расстались с ними как давнишние знакомые. Они пригласили супругов Москвичевых приехать к ним в гости. Приглашение было принято с благодарностью.

А. АВЕРКИН
г. Жуковка Брянской области

В ноябре 1988 г. я отдыхал в городе Трускавце Львовской области. Вокруг уникального источника «Нафтуся» в настоящее время создается санитарная зона. Проводятся большие мероприятия, чтобы не менялся состав лечебной воды. Однако меня удивили огромные стаи ворон, облюбовавшие деревья и «посыпающие» землю помехом. Тошнотворный запах, исходящий от него, особенно в пасмурную погоду, такой стойкий, что в пору хоть противогаз надевать. Это вызывает справедливые нарекания людей. Стрелять в городе нельзя, да и бесполезно...

Обращаюсь к Росохотрыбо-

ловсоюзу, к ученым. Необходимо срочно оказать помощь в восстановлении экологического равновесия.

А. ФЕДОСЕЕВ

г. Кингисепп

Ленинградской области

Иди 23 августа вечером на незаконную охоту на кабанов жители г. Егорьевска Московской области Платонов А., Антонов В., Зверков П. и Сучков М. договорились заранее.

Сучков где-то достал двустольное, не зарегистрированное в милиции ружье, и все вместе поехали к деревне Тараканово на скошенное кукурузное поле.

Первым с ружьем на дерево полез Платонов. Остальные в это время в нескольких сотнях метрах ожидали, когда прозвучат выстрелы и надо будет грузить кабана на телегу.

Посидев часа два на дереве и не дождавшись кабанов, Платонов вернулся.

Вторым попытался удачи Сучков. Через некоторое время действительно раздался глухой выстрел, однако Сучков долго не возвращался.

Подсвечивая фонариком, все подошли к сосне, на которой должен был сидеть Сучков. Под стеной с обломанными вдоль ствола сучьями мертвым лежал Сучков.

Судбно-медицинским экспертом на трупе зафиксировано «касающееся, непроникающее ранение груди слева с повреждением мягких тканей, обширная рана в области подбородка и шеи с разрывом крупных сосудов и мягких тканей, касательное повреждение костей левой затылочной области головы с повреждением костей черепа, кровоизлияние под оболочками и желудочки мозга».

Выстрел был произведен с очень близкого расстояния спереди назад, снизу вверх».

О случившемся можно только предполагать: сидя с ружьем с взведенными курками на сосне, на которой обломались сучья, Сучков стал падать на землю и в это время случайно произошел выстрел, оказавшийся для него роковым.

Подробности Сучков навсегда унес с собой, заплатив самую высокую цену за браконьерство.

Н. АСТАФЬЕВ,

советник юстиции

В небольшой деревеньке Васьки в Лысьвенском районе Пермской области проходит высоковольтная линия электропередачи. Здесь и случилась беда.

Упала опора, несущая прово-

да напряжением шесть тысяч вольт. Провода не порвались. В зону упавших проводов попал лось. К трупу животного вышла лисица и поплотилась. Прилетел черныи ворон, который захотел полакомиться падалью, и тоже попал под ток.

Но самое страшное было впереди. На трупный запах пошли медведи. Один, второй, третий... И все попадали под убийственный ток.

В общем, когда сюда пришли люди, на месте аварии рядом с лосем, лисицей и вороном лежали четыре мертвых медведя.

Высоковольтная линия принадлежит Кунгурскому управлению электрических сетей. За ущерб, нанесенный охотничьему хозяйству, охотинспекция предъявила Управлению иск на сумму более трех тысяч рублей. К счастью, люди не пострадали.

Ю. ХАЛТУРИН

г. Лысьва

458 000 гектаров — таков размер водного зеркала Рыбинского водохранилища, при этом почти половина имеет глубину до пяти метров. Именно на этих глубинах на осеннем пролете и оседают утиные стаи.

Но здесь же устанавливаются до двух тысяч сетей-путанок рыбаки Гослова. Сети насторожены в воде фактически круглый год и осматриваются рыбаками вне штормовых или морозных дней почти ежедневно.

Начинается весенний и особенно осенний пролет северной утки: чернети, крохали и других нырковых. Большими стаями опускаются они на водохранилище и отдыхают иногда по несколько дней. Обычно стая уток облетает целый район водного зеркала, постоянно ныряя за кормом.

Но вот стая приблизилась к месту установки сетей. Многие утки, нырнув за добычей, запутываются в них и гибнут.

Один рыбак вынимает из своих сетей и ежедневно привозит домой по 10—25 чернети или крохалей. За осенний сезон почти каждый рыбак привозит домой по 100—150 уток — вот тебе и норма отстрела.

Рыбаки, должно быть, не в восторге от такой добычи, так как попавшие в сеть утки путают ее и отпугивают рыбу. Такая гибель уток продолжается уже давно. Еще в 1962 году я писал в журнал «Охота и охотничье хозяйство» заметку на эту тему, но никаких отпугивающих методов разработано не было. Все эти годы продолжалась массовая гибель пролетных уток.

На всех волжских (да и не только волжских) водохранили-

щах и озерах, где ведется рыболовство ставными сетями, гибель уток, видимо, достигает огромных размеров, однако охотинспекция, гоняясь за отдельными браконьерами, никак не реагирует на массовую гибель уток в сетях.

Не беспокоит это ни Росохотрыболовсоюз, ни Институт биологии внутренних вод АН СССР, ни научных работников Дарвинского заповедника, ни руководителей Главохоты РСФСР. Может, на это обратит внимание Госкомитет по охране природы СССР?

Массовая гибель уток, наконец, должна быть прекращена. Неужели в этом не заинтересованы общества охотников, где почти в каждом городском, областном или межрайонном обществе имеются штатные охотоведы?

М. АРТЕМЬЕВ

г. Андропов

Несколько лет назад я работал в топографическом отряде на юге Кустанайской области. Многие километры прошагали мы по холмистым степям бассейна реки Тургай, встречая на своем пути сотенные, а то и тысячные стада сайгаков. Такое всегда радует истинного любителя природы. Но, к сожалению,

В начале октября 1988 г. под Ярославлем в живописном лесу на берегах речки Которосли встретились охотники из 23-х областей и автономных республик европейской части РСФСР. Они привезли сюда своих собак на зональные состязания по пушному зверю.

Такие встречи надолго остаются в памяти участников. Общение со специалистами-кинологами и охотоведами, обмен опытом с товарищами полезны каждому. А в центре внимания здесь, конечно, были лайки са-

бывают и другие встречи.

Однажды мы шли по маршруту. И вдруг из лога выскочил сайгак. Бежал он неуклюже. И было от чего. На его тоненькой ноге громыхал огромный капкан. Мы бросились в погоню и догнали его. Сняв с ноги капкан, облегченно вздохнули: немного было повреждено только копыто. Сайгак медленненько поднялся и, хромя, пошел в степь.

Я, может быть, и не рассказал бы об этом, если бы не похожий случай, происшедший летом. Опять по степи бежала степная антилопа, гремя капканом и цепью на нем. Только в этот раз, увы, догнать ее мне не удалось. Может быть, она погибла в волчьих или собачьих зубах, а может, и от рук браконьеров.

Мне не известно, в чей капкан попал сайгак — в капкан промысловиков-сурчатников или браконьеров. Но одно известно: животное погибнет.

Ответственным за промысел летних пушных зверей и охрану поголовья сайгаков в Казахстане следует подумать, что предпринять, чтобы сайгаки не гибли, особенно в местах их массового скопления. Одним из таких мест и является бассейн реки Тургай.

С. УГРЕНИНОВ,

охотник

г. Кустанай

мных разных пород, которые очень старались показать все свои способности и достоинства.

Диплом I степени и приз «Лучшей молодой собаке» вручили хозяину Барса, часовому мастеру из города Тутаева Ярославской области Анатолию Карпачеву. Его собаке год и четыре месяца, а она обошла опытных и высокопородных соперников.

Н. ТРОФИМОВА

г. Ярославль

Охотники отдыхают после состязаний.

Фото автора

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

ВОТ ЭТО ЖЕНЩИНЫ!

ОХОТА КАК СРЕДСТВО
ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

Во Франции за последнее время прибавилось очень много псовых охотников-дам благодаря некоему доктору Б., изобретшему новый способ лечения — охотой. Поэтому слава доктора быстро растет, и у дам он в большой милости. От всех болезней, которыми могут только страдать наши delicate дамы, у него теперь одно целительное средство — охота: дама жалуется на полноту — прописана охота, от худобы — охота, от малокровия — охота. И это новое лечение действует изумительно на нежных, прекрасных пациенток: облегчение чувствуется даже немедленно после того, как прописано лекарство, и доктор Б. день ото дня все больше входит в моду.

Природа и охота, 1879 г., январь

ВОЛОНТЕРКИ-КАЗАЧКИ

По словам газ. «Новое время», 28-го августа отправились из Петербурга в Сербию две донские казачки, сестры Лукьяновы, старшей из которых 23 года. Обе девушки намерены просить о принятии их в действующую сербскую армию. Лукьяновы с самых ранних лет обращали на себя внимание выдаваемой ими страсти к воинским занятиям; так, например, любимым их развлечением постоянно служила стрельба в цель, в которой они достигли высокой степени совершенства, и верховая езда. Младшая из сестер неоднократно принимала участие в охоте на медведей и волков, причем поражала своею неустранимостью. Сестры Лукьяновы отличаются чрезвычайно сильным, почти атлетическим сложением.

Журнал охоты, 1876 г., август, № 2.

РУССКИЕ ОХОТНИЦЫ

В «Русском мире» рассказывают, что недавно близ Петербурга кружком охотников была устроена охота на волков, любопытная в том отношении, что в ней участвовали две молодые девушки, сестры Соколовские. Обе охотницы прекрасно стреляли и отличаются большой смелостью. Этот раз ими были убиты три волка и волчица.

Журнал охоты, 1875 г., март, № 3.

ЖЕНЩИНА-ОХОТНИК

В Швейцарии в июле прошлого года умерла в кантоне Аарау, в Зенгене женщина-охотник. Сусанна Мюллер ходила на охоту со своими дядьями, еще бывши ребенком, и когда поступила, наконец, на 13 году своего возраста в школу, то успела уже настрелять столько лисиц, выдр, уток и другой дичи, сколько иному охотнику не удастся, может быть, настрелять и во всю свою жизнь. Отправляясь в школу в Нидергальвиле, она часто брала с собою маленькое ружье, чтобы на пути, туда и обратно, настрелять уток, что она делала с большой ловкостью. Она была страстная курильщица, всегда ходила с трубкою во рту, и потому многие смотрели на нее с удивлением. В последнее время она жила большею частью на доброхотные подаяния богатых и даже небогатых людей по соседству, которым отплачивала за это искусным лечением больных животных. Ее все любили за доброту, услужливость и признательность за оказываемое ей вспоможение.

Журнал охоты, 1876 г., март, № 3.

АМЕРИКАНСКАЯ ОХОТА
НА СОВУ И НА ФИЛИНА

«Если вам в лесу случится увидеть на дереве сову или филина, — говорит один североамериканец, — то не стреляйте — птица и без того будет ваша. Вам стоит только походить несколько времени вокруг дерева, и вы увидите, что лупоглазая летучая кошка — будет ли это сова или филин, все равно, — станет на вас безотвязно глядеть и поворачивать голову вслед за вами в одну сторону до тех пор, пока совершенно свернет себе шею и упадет наземь в двух частях — и голова отдельно, и туловище отдельно». Это факт. Поверьте на слово и не пробуйте.

Журнал охоты, 1859 г., август

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ

...Угасавшая было псовая охота вступает в свои прежние права. Нечего и говорить, с каким сочувствием встречается это возрождение охотниками: грустно было нам, пишет один из них, смотреть на заспанную, вялую молодежь, прогуливающую свои бессильные, дряблые телеса по городским бульварам, — молодежь, все радости которой исчерпываются удачно сшитым и ловко сидящим платьем, вся гордость которой заключается в победе над жалкими бударными героинями. Как же не порадоваться нам, что, наконец, молодые люди все более пристращаются к здоровым, полезным упражнениям и утрачивают свою женоподобность! Теперешняя молодежь уже много свежее и крепче, чем десять лет тому назад, и потому нельзя не поблагодарить дельных псовых и ружейных охотников, сумевших-таки увлечь наших юношей прелестями охоты, прелестями жизни и движений на свежем воздухе — движений, укрепляющих тело, освежающих голову, придающих и бодрость, и силу духу.

Природа и охота, 1879, январь

«ПТИЦЫ — ТВАРЬ НЕБЛАГОДАРНАЯ!»

В последнюю весну Сицилия чуть не плакала по поводу нашествия перепелов, целыми тучами, как саранча, набросившимися на ее нивы. Били и ловили бедных перепелов на этом европейском острове сколько кому хотелось, иногда даже без счету. Да и стоило ли их считать, когда под один выстрел ложилось их по несколько штук?

Сицилийские гекатомбы заставляют вспомнить другие европейские острова, куда — в противоположность Сицилии — безобидная перепелка решительно отказывается заглядывать. Речь идет о Великобритании. Англичане, обиженные полным невниманием этой птицы, решили развести ее у себя насильно, они закупили ее многими тысячами пар и развели по своим паркам и полям. Первое время казалось, что затею англичан ждет полная удача: рассаженные пары вывели детей, и с первых же дней открытия осенних охот местные охотники получили возможность бить у себя дома желанную гостью: не настало время отлета, и все перепела, пережившие сезон, улетели... и навсегда! Наступила весна, и опять ни одна упрямая птица не заглянула на острова «веселой Англии». Конечно, англичане вправе обвинять своих перепелов в неблагодарности, но, по-видимому, благодарность совсем не в характере птиц, что доказал и наш рябчик, неизменно за чем год назад залетевший в Германию. Немцы приняли этого редкого у них гостя с распростертыми объятиями, даже государство взяло наших рябчиков под свое покровительство, запретив не только охоту на них, но даже пугать их выстрелами. Да и как было не обрадоваться немцам: до сих пор они получали рябчиков только из России, которой и хлеб (кажется, чего бы нужнее?) ограждался от немецкого живота невозможными пошлинами? И вот эти русские рябчики стали теперь по собственному желанию немецкими (точь-в-точь) наши остзейские обыватели. Казалось бы, русскому рябчику жить бы да немцев благодарить в своем новом отечестве —

ни предательской петли, ни сетей, ни стрельбы, словом, — ничего того, что их преследовало во всякое время на старом пепелище, а вот подите-же! не прошло и месяца, как эта неблагодарная птица уже заскучала среди мирных условий немецкого фатерланда и, снявшись на глазах стороживших ее Фрицев и Гансов, опять улетела в Россию, где ее сторожили все те же петли, сети и современная стрельба русского охотника. Да, птица — тварь неблагодарная!

«Приволжский вестник охоты»,
1890—1891, № 40

ВНИМАНИЕ — КОНКУРС!

Центральное правление Россохотрыболовсоюза в целях усиления пропаганды охотничье-рыболовного спорта и идей охраны природы проводит в 1989 г. очередной Всероссийский конкурс на лучший материал об охоте, рыболовстве, охране природы, опубликованный на страницах центральных, республиканских, краевых и областных газет по темам: «Охотничье-рыболовное хозяйство и охрана природы» и «Охотничье-рыболовный спорт». В нем могут участвовать все желающие.

На конкурс принимаются материалы любых жанров, опубликованные на страницах центральных, республиканских, краевых и областных газет в 1989 году. К публикациям (вырезкам) прилагается написанная автором справка, в которой указываются полностью его фамилия, имя, отчество, возраст, профессия, является ли он членом общества охотников, а также дата и место публикации. Справка заверяется подписью председателя и печатью областного, краевого или республиканского (АССР) общества охотников и рыболовов.

Победители конкурса награждаются дипломами, грамотами и денежными премиями. Учреждены следующие денежные премии по каждой теме: одна первая — 250 руб., две вторых — по 150 руб., три третьих — по 100 руб., пять поощрительных — по 50 руб. Число публикаций, которые могут быть представлены одним автором, не ограничивается.

Материалы на конкурс направляются по адресу: 125212, Москва, Головинское шоссе, д. 1-а, Россохотрыболовсоюз, отдел пропаганды, с пометкой «Конкурс» до 1 февраля 1990 года.

Публикации не рецензируются и не возвращаются.

Итоги конкурса будут подведены в 1 квартале 1990 года и опубликованы в нашем журнале.

ЛИСА В ТРУБЕ

— А хотите расскажу, как однажды убил лису в трубе, — проговорил мой приятель по охоте Пантелей Пантелеевич, когда мы сидели у костра и коротали время после вечерней зорьки.

— Это в какой же трубе, водопроводной аль канализационной? — усмехнулся язвительно малый из соседней деревни Паша Витковский.

— Ты не гомози, а слушай, как дело было, — ответил беззлобно Пантелей Пантелеевич. — Сказано — убил в трубе, лежала посреди поля брошенная, а предназначение ее меня не интересовало. Так вот, значит, как произошло это любопытное дело. Ходили мы все утро по чернотропу, ноги сбили, да без собачки не заповелевали ни одного зайца, думали уже в деревню свернуть, зайти к знакомому мужику да малость перекусить. И тут уже ближе к полудню, глядь я — на поле слева за лесочком кумушка на озимях мышкет, резвится, бестия, и все ей ни по чем, так увлеклась. Но от лесочка далеко, метров 250 будет, не меньше. Никак ее не возьмешь, а станешь подкрадываться по кустарнику — беспременно заметит. Посоветовались мы с приятелем, он и говорит: «Ты обойди поле с другой стороны, засядешь там против ветра, а я свистну да и пугану ее. Лиса непременно на тебя набегит». Сказано — сделано. Обошел я поле овражком, затаился у крайних кустов. Прошло сколько-то

времени, слышу — свистнул мой приятель.

Кумушку будто подбросило от удара током. Замерла, постояла секунду, другую, а потом гляжу — шаст в трубу, что валялась неподалеку среди мелких кустиков. И откуда взялась там эта труба — одному богу известно, но мне никак невдомек. А ведь сослужила-таки пользу в охоте. Обождал я малость для порядка да и направился бегом к трубе, а сам машу рукой что есть мочи приятелю, забегай, мол, с другой стороны, отрезай от леса. Обложили мы ее таким манером с двух сторон. Деваться ей некуда, голубушке. Опросто-волосилась! Подошел, постучал по трубе палочкой. Не выскакивает, не тут-то было. Видать, крепкие нервишки. Я опять принялся стучать палкой да покрикивать: «Эй, плутовка, объявляйся, хватит нам голову морочить». Но она по-прежнему ноль внимания на мои слова. Затаилась, решила нас перехитрить и обождать, пока надоест ее тревожить и уйдем. Но не тут-то было, не на тех напала охотничков, чтоб оставили такой богатый трофей. Крикнул я приятелю, чтобы стал малость в сторонку, а сам лег ничком да и заглянул в трубу. Сидит, как же, свернувшись калачиком и хвостом укрывшись. Просунул я маленько ствол, думал уже нажать на спусковой крючок, а потом кумекаю себе — как же опосля достать ее оттуда? Нет, не пойдет так дело, нет резона стрелять ее в трубе. Крикнул что есть мочи: «А ну шасть отсюда, хвостатая!» Только и успел я встать на колено. Лиса опростометнулась к противоположному концу трубы, не выдержали все же нервишки. Тут я ее и накрыл зарядом почтай у самого выхода. Вот ведь какие казусы случаются на охоте. Д-да! И прелестнейшая, надо сказать, шкурка оказалась у этой огневки, славная, молодая лиса!

Юрий ВИГОРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ПРЕДЛАГАЕТ

Имеются в наличии:

Клевезаль Г. А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. 1988. 288 с. 4 р. 10 к.

Кустанович С. Д. Жар-птица из Красной книги: Обыкновенный фламинго (Человек и окружающая среда). 1986. 80 с. 35 к.

Птицы СССР. Чайковские. 1988. 416 с. 3 р. 30 к.

Шубин П. Н., Ефимцева Э. А. Биохимическая и популяционная генетика северного оленя. 1988. 103 с. 1 р.

Готовятся к печати:

Мысленков А. И., Волошина И. А. Экология и поведение амурского горала. 1989. 10 л. 2 р.

Редкие животные нашей страны. 1989. 50 л. 8 р.

Результаты кольцевания и мечения птиц. 1985—1986 гг. 1989. 20 л. 3 р.

Чернявский Ф. Б., Домнич В. И. Лось на северо-востоке Сибири. 1989. 15 л. 2 р. 60 к.

Заказы направляйте по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилюгина, дом 14, корп. 2. Магазин № 3 «Книга — почтой», «Академкнига».

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» не ограничена и принимается во всех отделениях связи на любой срок с любого месяца.

Подписная цена на квартал — 2 р. 40 к.

Цена одного номера — 80 к.

Индекс 70673

Обо всех случаях отказа в подписке просим сообщать в редакцию журнала по адресу: 107807, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.

НА ПРИВАТЕ

СУВОРОВ А. Туман над «Столбами» 1

Охотничье хозяйство и промысел

Прошу слова

УЛИТИН А. Самостоятельность, ответственность, заинтересованность 4

МАТВЕЙЧУК С. О мифах, реальности и перспективах 5

ОСИПОВ П. Увидишь след волка — тропи его **ДАНИЛЮК С.** Заинтересованность и профессионализм 12

МАЛЬЦЕВ Г. Зверь взят: что дальше 18

Наука

ГЕРАСИМОВ Н., АЛЕКСЕЕВ С., ГЕРАСИМОВ Ю. Гуманники Камчатки 10

ШИРЯЕВ В. Ондатра 14

Собаководство

МАРКОВ Б. Экстерьер гончих 20

БРАГИН А. Непревзойденные универсалы 22

Фоторазворот

Лоси и кабаны на улицах Москвы 24

Молодому охотнику

РУСАНОВ Я. Содержание подсадной 26

Оружие и снаряжение

ГЛАДКИЙ А. Первые бездымные пороха 29

Капканы: комплекс проблем 30

Литературные страницы

ПЕТРОВ Борис. Танцы на снегу 32

МУРОМЦЕВА М. Сталь рассказывает об охоте 34

СМИРНОВ Ник. Лидия Сейфуллина 36

СЕЙФУЛЛИНА Л. В ненастный день 38

СКАВРОНСКАЯ М., МОРОЗОВ Г. Стихи 40

За рубежом

ШОСТАКОВСКИЙ В., МАТИНО К. Английские ружья 41

Письма читателей 44

На привале 46

Художественно-технический редактор **В. И. Просвирина**
Корректор **Н. В. Панкратова**

Сдано в набор 03.01.89. Подписано к печати 08.02.89. Т-07941.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага для глуп. печ. Печать глубокая.
Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 8,93.
Тираж 912 200 экз. Заказ 3335. Цена 80 к.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.
Тел. 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного Комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 142300, г. Чехов Московской области

ШИРОКОНОСКА (лопатонос, соксун). Главное ее отличие от всех других наших уток — длинный, сильно расширяющийся на конце клюв. У самца он черный, у самки — зеленовато-бурый. Длина тела около 50 см, вес до 1 кг. Шея у широконосок короткая, голова, особенно по сравнению с большим клювом, смотрится непропорционально маленькой. Ноги оранжевые. У селезня весной голова блестящая, темно-зеленая, середина и задняя часть спины черные, зоб белый, живот и бока тела ярко-коричневые, верх крыльев голубоватосизый (это особенно хорошо видно у летящих птиц), зеркальца зеленые, блестящие. Вообще в брачном наряде селезня много ярких, с металлическим блеском тонов. Самка коричневатого-бурая с сизым верхом крыльев и неяркими зелеными зеркальцами. Самец летом отличается от нее лишь черным цветом спины и надхвостья. Пуховой птенец похож на птенца кряквы, однако и у него можно рассмотреть расширение на конце клюва.

На воде широконоски сидят глубоко. Полет их небыстрый и слышен так же хорошо, как и полет крякв. Эти утки редко подают голос — негромкое кряканье.

В местах гнездовой широконоски появляются в марте или в апреле, даже в начале мая, а улетают в сентябре — октябре. Держатся эти утки преимущественно на водоемах, расположенных в открытой местности, гнездятся и у воды (порой даже на кочках среди воды) и вдали от нее. В кладке 7—11 желтоватых или зеленоватых яиц.

Широконоска широко распространена в лесной полосе (особенно в зоне смешанных и широколиственных лесов) и к югу от нее и наиболее многочисленна на юго-востоке европейской части СССР и на юге Западной Сибири.

Питается широконоски преимущественно мелкими раками, личинками насекомых и другими животными кормами, поэтому мясо ее ценится ниже, чем растительных уток.

СВЯЗЬ относительно некрупная птица. Длина ее тела около 55 см, вес до 1 кг. Шея довольно короткая, клюв тоже короткий, серый с темным коготком. Ноги серые, хвост заостренный. У селезня весной верх тела серый с поперечным струйчатым рисунком, бока тела светло-серые, зоб красновато-серый, низ тела белый. Голова у самца связи темно-рыжая, лоб беловато-желтый, затылок желтоватый, на крыльях — белые пятна, они видны как у летящей, так и у сидящей птицы, зеркальца зеленые. У самки верх тела и бока рыжеватобурые с темными и светлыми пестринами, низ тела белый, на крыльях светлые пятна (у сидящей утки видны только светлые продольные полосы на плечах), зеркальца черноватые с белыми каймами. Летом самец отличается от самки лишь зеленоватым цветом зеркалец. Пуховой птенец сверху черновато-бурый, снизу — светло-желтый, бока его головы рыжие.

Полет связи быстрый, маневренный, с воды они могут подниматься почти вертикально — «свечкой». У летящих птиц бросается в глаза резко очерченный белый живот. По земле связи ходят хорошо, в воде, как правило, не ныряют. Голос самца — громкий, протяжный и высокий свист, по которому эту птицу называют еще свищем или свистуном. Голос самки — низкое резкое кряканье.

На места гнездовой связи прилетают в апреле-мае, улетают в сентябре — октябре. Обитают они по озерам и речным протокам с обильной водной и прибрежной растительностью, гнезда устраивают вблизи воды, в кустарниках или траве. В кладке 7—10 белых яиц.

Связь широко распространена в лесной зоне, лесотундре и лесостепи и местами достигает высокой численности. Питается она преимущественно растительными кормами.

ШИЛОХВОСТЬ зовут также острохвостом из-за удлинненных и заостренных перьев хвоста. У самца в брачном наряде средние рулевые перья достигают в длину 20 см. Длина тела селезня около 65 см, самки — около 55 см, вес около или более 1 кг. Шея у птиц длинная, тонкая. Клюв средней длины, синевато-серый, ноги темно-серые. У самца летом верх и бока тела серые, голова темно-бурая, полосы на боках шеи и низ тела белые, зеркальца зеленоватые.

У самки хвост короче, верх тела темно-бурый со светлыми и бурыми пестринами, низ — темно-серый с темными пестринами, зеркальца рыжеватые, без блеска. Летом самец похож на самку, отличается от нее яркими, блестящими зеркальцами. Молодые птицы похожи на взрослых самок. Пуховой птенец сверху серовато-бурый, снизу — светло-серый.

Полет птиц легкий, почти бесшумный. Летящие шилохвосты часто изгибают шею вниз и в стороны, чем отличаются от всех других уток. У летящих птиц также заметны белые полосы, идущие по заднему краю крыла. Перелеты они совершают обычно на большой высоте и часто выстраиваются при этом «клином». Весной плывущий самец держит хвост наклонно поднятым вверх. Голос самца, негромкий мелодичный свист, напоминает трюканье селезня чирка-свистунка, но гораздо более низкое по тону. Крик самки — негромкое кряканье.

На местах гнездовых появляются в апреле — мае, улетают в сентябре — октябре. Обитают они по мелководным, заросшим водной растительностью озерам и речным протокам. В кладке бывает 6—8 желтоватых яиц. Шилохвость распространена почти повсеместно, кроме самых северных и самых южных районов (из всех речных уток она распространена наиболее далеко к северу — не только в лесотундре, но и в тундре). Особенно многочисленна она в полосе лесотундры.

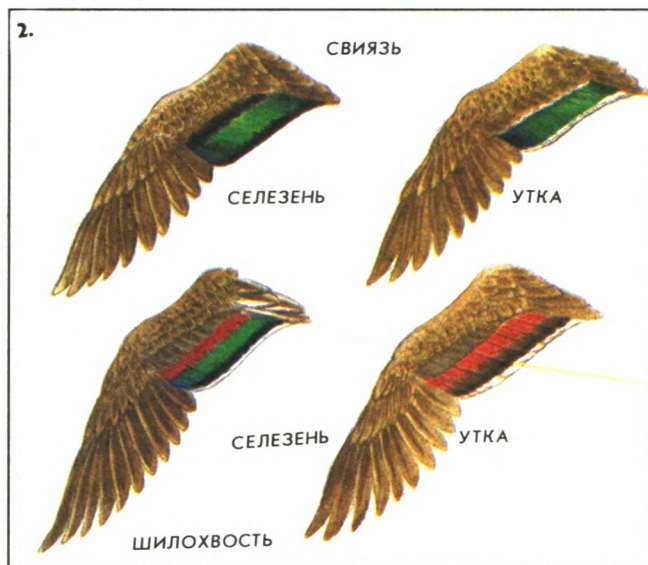
С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

Рисунки С. Чернетского

1. Головы селезней в весеннем пере.
2. Различия в зеркальцах на крыльях (летнее перо).
3. Шилохвость (селезень и утка).
4. Широконоска (селезень).

Фото А. Дигилевича

Фото И. Мухина

3.

4.

